

ВЕСТНИК ДОНБАССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ

ДГУЮ Минюста России

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (9) / 2026

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции»
(ДГУЮ Минюста России)**

**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ**

**научный журнал
№ 3 (9) / 2026**

**Донецк
2026**

Главный редактор	С.Ю. Мироненко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Заместитель главного редактора	Н.В. Иванюта, доктор юридических наук, профессор (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи</i>)
Ответственный редактор	В.П. Горбачев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Редакционная коллегия:	В.А. Авдеев, доктор юридических наук, профессор (<i>Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск</i>), Н.В. Барбашова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донецкий государственный университет</i>), В.В. Груздев, доктор юридических наук, профессор (<i>Костромской государственный университет</i>), И.Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), С.В. Лихачев, доктор юридических наук, профессор (<i>Курский государственный университет</i>), Е.Г. Ляхов, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя</i>), Ю.В. Мишальченко, доктор юридических наук, профессор (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>), Т.И. Отческая, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина</i>), И.В. Панова, доктор юридических наук, профессор (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), В.П. Сальников, доктор юридических наук, профессор (<i>Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ</i>), Л.Б. Смирнов, доктор юридических наук, профессор (<i>Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург</i>), А.Г. Хабибуллин, доктор юридических наук, профессор (<i>Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова</i>), Р.В. Чиклаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Пермский государственный национальный исследовательский университет</i>), А.И. Чучаев, доктор юридических наук, профессор (<i>Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва</i>), А.В. Войтов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Г.Н. Гапотченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Завгородняя, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Д.В. Лобов, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Николаев, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.А. Савченко, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), А.П. Солонина, кандидат юридических наук, доцент (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>), Ю.С. Хобби, кандидат юридических наук, доцент (<i>Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи</i>), В.В. Чамлай, кандидат юридических наук (<i>Донбасский государственный университет юстиции</i>)
Журнал зарегистрирован	Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Выписка из реестра зарегистрированных СМИ по состоянию на 29.12.2023 г. серия ПИ № ФС77-86474). Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.1.5. Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
Основатель и издатель	Министерство юстиции Российской Федерации; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк. Рекомендован к изданию Ученым советом Донбасского государственного университета юстиции, протокол от 14.09.2026 г. № 1 Язык публикации: русский, английский. Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.
Адрес издателя:	119991, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1; 283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9
Адрес редакции:	283049, Донецкая Народная Республика, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – Вып. 3 (9). – Донецк : ДГУЮ, 2026. – 216 с.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России, 2026

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego
obrazovaniya «Donbasskij gosudarstvennyj universitet yusticii»
(DGUYu Minyusta Rossii)**

**VESTNIK
DONBASSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA YUSTICII**

**nauchnyi zhurnal
№ 3 (9) / 2026**

**Donetsk
2026**

Editor-in-chief	S.Yu. Mironenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Deputy editors-in-chief	N.V. Ivanyuta, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>)
Executive editor	V.P. Gorbachev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>)
Editorial board:	V.A. Avdeev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Yugra State University, Khanty-Mansiysk</i>), N.V. Barbashova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donetsk State University</i>), V.V. Gruzdev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kostroma State University</i>), I.E. Zvecharovsky, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), S.V. Likhachev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kursk State University</i>), E.G. Lyakhov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot</i>), Yu.V. Mishalchenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>St. Petersburg State University</i>), T.I. Otcheskaia, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Kutafin Moscow State Law University</i>), I.V. Panova, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), V.P. Salnikov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Zhukov Military Academy of the Russian National Guard</i>), L.B. Smirnov, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>North-Western Institute of Management Branch of RANH and GS, St. Petersburg</i>), A.G. Khabibulin, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Moscow State University named after M.V. Lomonosov</i>), R.V. Chikulaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Perm State National Research University</i>), A.I. Chuchayev, Doctor of Juridical Sciences, Professor (<i>Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow</i>), A.V. Voitov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), G.N. Gapotchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Zavgorodnaya, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), D.V. Lobov, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Nikolaev, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.A. Savchenko, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), A.P. Solonina, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Donbass State University of Justice</i>), Yu.S. Hobby, Cand. Of Juridical Sciences, Associate Professor (<i>Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi</i>), V.V. Chamlay, Cand. Of Juridical Sciences (<i>Donbass State University of Justice</i>)
The journal is registered	Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Extract from the register of registered media as of 12/29/2023, series PI No. FS77-86474). The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications that must publish the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences and the degree of Doctor of Sciences in the following scientific specialties: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.1.5. The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI) database.
Founder and Publisher	Ministry of Justice of the Russian Federation; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice», Donetsk Recommended for publishing by Academic Board of Donbass State University of Justice The Minute № 1 dated 14.09.2026. <i>Language of publication:</i> Russian, English All rights reserved. Reprinting and translations are allowed only by the permission of the author and publisher
Publisher's address:	119991, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1; 283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9
Address of editor office:	283049, Donetsk People's Republic, Donetsk, Lebedinsky str., 9 e-mail: nauka-dguj@yandex.ru

Bulletin of the Donbass State University of Justice. – Issue 3 (9). – Donetsk : DSUJ, 2026. – 216 p.
© Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Donbass State University of Justice», 2026

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Куличенко Д.А.

Концептуальный конфликт в теории самоопределения: проблема соотношения права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности..... 9

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ольков С.Г.

Методика оценки уровня диссертационных работ и разрешения противоречий в экспертном сообществе..... 25

Серенко М.Ж.

Место регистрационного производства в административно-правонаделительном процессе: теоретико-правовые аспекты разграничения с лицензионным и разрешительным производствами..... 40

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Габриелян А.

Правовая асимметрия реализации родительства одинокими мужчинами и одинокими женщинами в Российской Федерации..... 52

Нарыжный Н.А.

Гражданско-правовые механизмы противодействия хищению цифровых валют: проблемы теории и практики..... 72

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Андреева А.А.

Характеристика личности субъектов преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза..... 92

Антонов И.А., Черепанов Р.В.

Феномен государственной измены в уголовном праве России: от исторической ретроспективы к актуальной законодательной дефиниции..... 101

Грачева Ю.В.

Обращение с военнопленными: доктринально-правовые основы..... 115

Кононенко М.М.

Значение установления незаконного ограничения конкуренции в процессе доказывания по уголовному делу о хищении бюджетных денежных средств..... 132

Мироненко С.Ю.

Теоретические проблемы классификации предметов преступлений..... 143

Подмаркова И.П.

Развитие института конфискации коррупционных доходов в России: сравнительно-правовой анализ и перспективы совершенствования..... 156

Поляков С.А.

Уголовное преследование с использованием искусственного интеллекта..... 165

Урывкова А.Е.

К вопросу о развитии правозащитного назначения стадии возбуждения уголовного дела..... 175

Чучаев А.И.

Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: проблемы определения правовой природы..... 185

Шестакова С.Д., Тушев А.А., Ванин Д.В.

Отклик уголовно-процессуальной науки на специальную военную операцию на Украине..... 195

Шилин В.В.

Дифференциация и систематизация участников уголовного судопроизводства..... 205

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Kulichenko, D.A.

Conceptual conflict in the theory of self-determination: the problem of the relationship between the right of peoples to self-determination and the principle of territorial integrity..... 9

STATE AND LEGAL SCIENCES

Ol'kov, S.G.

Methodology for assessing the quality of dissertations works and resolving contradictions in the expert community..... 25

Serenko, M.G.

Place of registration proceedings in the administrative rights-granting process: theoretical and legal aspects of distinguishing them from licensing and permitting proceedings..... 40

PRIVATE LAW SCIENCES

Habrelian, A.

Legal asymmetry in the exercise of parenthood by single men and single women in the Russian Federation..... 52

Naryzhny, N.A.

Civil law mechanisms for combating theft of digital currencies: problems of theory and practice..... 72

CRIMINAL LAW SCIENCES

Andreeva, A.A.

Characteristics of the personality of the perpetrators of crimes related to the illegal movement of goods across the customs border of the Eurasian Economic Union..... 92

Antonov, I.A., Cherepanov, R.V.

Phenomenon of high treason in Russian criminal law: from historical retrospective to current legislative definition..... 101

Gracheva, Ju.V.

Treatment of prisoners of war: doctrinal and legal foundations..... 115

Kononenko, M.M.

Significance of establishing illegal restriction of competition in the process of proving in a criminal case of embezzlement of budgetary funds..... 132

Mironenko, S.Yu.

Theoretical problems of classification of subject matter of a crime..... 143

Podmarkova, I.P.

Development of the institute of confiscation of corruption proceeds in Russia: comparative legal analysis and prospects for improvement..... 156

Polyakov, S.A.

Criminal prosecution using artificial intelligence..... 165

Uryvkova, A.E.

Of the development of the human rights function of the stage of initiation of criminal proceedings..... 175

Chuchaev, A.I.

Placement in a special educational and upbringing institution of a closed type: problems of determining the legal nature..... 185

Shestakova, S.D., Tushev, A.A., Vanin, D.V.

Response of criminal procedure scholarship to the special military operation in Ukraine..... 195

Shilin, V.V.

Differentiation and systematization of participants in criminal proceedings... 205

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

УДК 340.12:341.01

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В
ТЕОРИИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРИНЦИПА
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ**

Дмитрий Алексеевич Куличенко, аспирант кафедры административного и финансового права, Донецкий государственный университет (г. Донецк)
(e-mail: dmitriikulichenko@yandex.ru)

Рассмотрено соотношение принципов территориальной целостности государства и права народов на самоопределение. Выявлена коллизия двух принципов, порождающая конфликты и неоднозначность правоприменения при решении вопросов статуса территорий и этнических сообществ. Проанализированы различные правовые модели согласования принципов: концепция ремедиальной сецессии, модель внутреннего самоопределения, процедурная модель легитимного волеизъявления. Определены критерии легитимности самоопределения, обозначены риски сепаратизма и рассмотрены альтернативные модели урегулирования реализации права на самоопределение.

Ключевые слова: право на самоопределение, автономия, федерализм, территориальная целостность, правовая коллизия, ремедиальная сецессия.

**CONCEPTUAL CONFLICT IN THE
THEORY OF SELF-DETERMINATION: THE PROBLEM OF THE
RELATIONSHIP BETWEEN THE RIGHT OF PEOPLES TO
SELF-DETERMINATION AND THE PRINCIPLE
OF TERRITORIAL INTEGRITY**

Kulichenko, D.A.

The relationship between the principle of territorial integrity of a state and the right of peoples to self-determination has been examined. A conflict between these two principles has been identified, giving rise to disputes and ambiguity in legal enforcement when addressing issues of territorial status and ethnic communities. Various legal models for reconciling the principles have been analysed, including the concept of remedial secession, the model of internal self-determination, and the procedural model of legitimate expression of will. Criteria for the legitimacy of self-determination have been established, risks of separatism have been outlined, and

alternative models for regulating the implementation of the right to self-determination have been considered.

Keywords: *the right to self-determination, autonomy, federalism, territorial integrity, legal conflict, remedial secession.*

Актуальность темы исследования. Одной из наиболее важных проблем современности остаются национально-этнические конфликты, в результате которых вспыхивают очаги напряженности в различных регионах мира – от Африки до Европы. Отметим, что не география определяет вероятность возрастания эскалации, а прежде всего экономическая и политическая составляющая того или иного государственного образования. Остро эта тема прослеживается, в том числе, на постсоветском пространстве, где в открытые столкновения перерастают исторические противоречия.

В результате национальных конфликтов, нередко появляются новые политические образования, одни – получают международное признание (например, Эритрея), другие – длительное время остаются в международно-правовой неопределенности (Косово, Абхазия, Южная Осетия, Палестина), которая только питает напряженность и этнические противоречия

Проблема соотношения принципа территориальной целостности государства и права народов на самоопределение обусловлена необходимостью выработки единого толкования применения указанных принципов, с целью ликвидации возможности использовать их для достижения политических целей в ущерб юридическим норм. Это позволит снизить рост этнополитических конфликтов, минимизировать произвольные трактовки норм со стороны государств и применения «двойных стандартов», выработать определенность таких ключевых понятий как народ, легитимность референдума, а также выработать четкие условия «правомерного» и «неправомерного» самоопределения.

Анализ научных исследований. В рамках теоретического разбора и анализа практических случаев применения принципов территориальной целостности и права на самоопределение, важным является формулирование позиций ряда ученых по этому вопросу. Большинство исследователей (Ю.Г. Барсегов, А. Лейпхарт, Ю. Чжу) признают объективный характер конфронтации принципов между собой и необходимость поиска модели их взаимодействия. Важным является исторический контекст, ведь принцип, разрабатывавшийся для борьбы с колониализмом, в настоящее время начинает нести в себе новый смысл.

М. Померанс указывает на отсутствие механизмов разрешения указанной проблемы и политику применения «двойных стандартов» при признании новых государственных образований [1, С. 139–154].

В свою очередь, некоторые исследователи (Я.С. Гевандова, Н.М. Добрынин) отмечают потенциал согласования принципов без разрушения

государства через компромиссные модели (культурные автономии, федеративные отношения, элементы консociативной демократии).

Особого внимания заслуживает концепция ремедиальной сецессии (А. Бьюкенен), предполагающей легитимизацию отделения как крайней меры при систематическом нарушении прав человека и нации [2, С. 32].

Несмотря на большое количество проведенных исследований, существующая ситуация обуславливает необходимость дальнейшего анализа и выработки механизмов разрешения коллизии с их международно-правовым регулированием.

Цель исследования – определить причины существования противоречий между принципами и определить условия их применения.

К задачам исследования относится анализ эволюции указанных принципов и причины образования коллизии в их толковании, сравнение прецедентов реализации права на самоопределение и предложение условий применения указанных принципов.

Объектом исследования являются международно-правовые отношения при использовании народом права на самоопределение и соответствия этого принципу территориальной целостности государства, *предметом* – нормы международного права, доктрина, судебная практика с момента принятия Устава ООН в 1945 году по настоящее время.

Материалы и методы исследования. Основу анализа составляют источники международного права, регулирующие содержание принципов территориальной целостности и самоопределения, а также их взаимодействие (Устав Организации Объединенных Наций, Международный пакт о гражданских и политических правах, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, отражающие эволюцию подходов к толкованию принципов, консультативные заключения и решения Международного суда ООН.

Эмпирическая база исследования представлена примерами реализации права на самоопределение и реакции на них международного сообщества: отделение с международным признанием: Южный Судан (2011 г.), Восточный Тимор (2002 г.), частичное признание: Косово (2008 г.), Абхазия и Южная Осетия (2008 г.), Республика Крым, ДНР и ЛНР (2014 г.), заблокированные инициативы: Каталония (2017 г.), исторически значимые прецеденты деколонизации (1960-1970-е гг.), демонстрирующие первичное оформление права на самоопределение.

Проанализированы документы международных организаций (ООН, ЕС, ОБСЕ, Африканского союза) по конфликтам, а также национальные законодательные акты и судебные решения государств, затрагивающие вопросы автономии и сепаратизма.

Использованы следующие методы исследования:

- формально-юридический – анализ текстов договоров и решений судов;
- историко-правовой – эволюция принципов в XX-XXI вв.;
- сравнительно-правовой – сопоставление практик разных регионов;
- системный – взаимосвязь принципов с иными нормами международного права;
- кейс-стади – разбор конкретных ситуаций самоопределения.

Таким образом обеспечивается комплексный подход к указанному исследованию, вместе с тем стоит отметить, что основной акцент делается на период с 1945 года, как период утверждения границ государств по итогам Второй мировой войны.

Изложение основного материала. Для выявления взаимосвязи принципов необходимо понять их толкование в рамках изменяющейся международной системы отношений.

В 1648 году Вестфальская система международных отношений закрепила принцип национального суверенитета, декларирующего, что государство обладает всей полнотой власти на своей территории, это заложило основы государственного суверенитета.

Вместе с тем, завершающийся период окончательного раздела земель (колониальных владений) между основными капиталистическими странами в конце XIX – начале XX века уже в тот период продемонстрировал избирательность применения принципа национального суверенитета на своей территории.

После Первой мировой войны сложилась Версальская система международных отношений, провозгласившая, хоть и декларативно, принцип национального самоопределения (Лига Наций не создала механизм его реализации), проигравшие империи теряли свои колонии, которые переходили победившим странам под временное управление. Вводился механизм мандатов, ограничивавший суверенитет победивших стран над указанными колониями, допускалась возможность приобретения независимости мирным путем. Принцип же территориальной целостности был закреплён только для участников Лиги Наций.

Последствия Второй мировой войны, опыт нацистской экспансии привел к необходимости закрепить в Уставе ООН принцип территориальной целостности, нацеленный на защиту против агрессии. Впоследствии он начнет использоваться для противодействия вмешательству во внутренние дела, а период деколонизации 1950-1970 гг. с предоставлением независимости колониальным странам, закрепление в международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., что все народы имеют право на самоопределение и свободно устанавливают свой политический статус, привели к возможности каждому государству использовать нормативное закрепление принципов в своих интересах.

В результате рассмотрения взаимной обусловленности принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение выявлены

юридические коллизии, как на теоретическом, так и на правоприменительном уровне, которые мы рассмотрим далее.

В источниках международного права отсутствует понятие «народ», что позволяет произвольно интерпретировать общность людей. Какой универсальный критерий выделения народа – язык, этническая общность, религия? Ни один из них не является универсальным.

Тогда *кто имеет право на самоопределение?* Как отмечают Ю. Чжу и Д. Блэчфорд, большинство этнических проблем – это проблемы этнических меньшинств и их отношения с государствами, в которых они проживают. Этнические меньшинства часто разрываются между требованиями лояльности к государству, в котором преобладает группа национального большинства, и стремление защитить свою этническую самобытность. По их мнению, большинство этнических меньшинств находятся в невыгодном положении в своих многонациональных государствах. Они могут оказаться под угрозой столкновения с культурным угнетением, экономическим лишением, физическим угнетением, насильственной ассимиляцией и даже худшим – геноцидом [3, С. 32]. Поэтому понятно, почему этнические меньшинства часто требуют национального самоопределения или даже отделения. Данную ситуацию можно характеризовать как невосприятие в качестве законного своего нынешнего политического статуса. Так, этническое или религиозное меньшинство может претендовать на самоопределение, но что, если оно не является большинством на той территории, где проживает. В этом случае возникает вопрос территориальной привязки, необходимо ли народу обладать четкой территорией?

Отсутствие определенности понятия «народ» позволяет своеобразно трактовать и сам принцип его самоопределения, так, в настоящее время ведутся дискуссии, можно ли считать общество людей в Каталонии и Шотландии народом именно в международно-правовом смысле.

При реализации принципа о самоопределении через ключевой инструмент – референдум, возникает проблема в его юридической силе, условия которых не закреплены в международных актах: кто должен назначить референдум, как должен быть поставлен вопрос, какие механизмы гарантируют его честность?

После чего результатом реализации становится международное признание нового государства, критерии которого также отсутствуют. Это также *позволяет использовать практику «двойных стандартов»* в указанном вопросе: при политически выгодной ситуации новое образование признается, в ином случае – нет.

И все эти проблемы подчеркиваются конфликтом национального и международного законодательства.

Конституции многих стран прямо запрещают сепарацию (Испания, Китай), в результате чего суды отказывают даже в рассмотрении указанных дел, ссылаясь на прямое действие норм конституции (Конституционный суд Испании признал референдум в Каталонии неконституционным).

Вместе с тем международные обязательства закрепляют право на самоопределение, хоть и ограничивая принципом территориальной целостности.

При всех указанных проблемах, следует задаться вопросом, как их решение действительно повлияет на ситуацию с реализацией принципа народов на самоопределение в нынешней мировой политической действительности. Можем предположить, что никак.

Рассмотрим *успешные и неудачные прецеденты* реализации права на самоопределение.

Примеров успешной реализации права на самоопределение насчитывается немного. Так, в 2011 году прошел референдум о независимости Южного Судана от Судана, где 98,8% проголосовали за отделение.

Выделяются следующие факторы, способствующие успеху указанной процедуры: прохождение референдума под наблюдением ООН, его признание со стороны ООН и Африканского союза, а также основное – это согласие Правительства Судана.

Также успешным считается провозглашение независимости Восточного Тимора, который до 1974 года был колонией Португалии. Только в 1999 году прошел референдум о независимости, а в 2002 году Восточный Тимор стал независимым государством.

Этот случай отличается прежде всего избавлением от колониальной зависимости, от угнетения одной нацией другой. На успех повлияло международное сопровождение перехода (введение временной администрации Совета безопасности ООН, осуждение оккупации), но и в этом случае поддержка Португалии как бывшей метрополии сыграло немаловажную роль.

С другой стороны, есть примеры частичного признания отделившихся государств и заблокированные попытки отделения.

В 2008 году произошло односторонне, без проведения референдума провозглашение независимости Косово. Россией и Китаем наложено вето в Совете Безопасности ООН.

Вместе с тем, консультативное заключение Международного суда ООН в 2010 году указывает на то, что независимость не нарушила международное право [4] (в настоящее время 101 из 193 стран ООН не признали независимость).

В том же году Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, причин указанного действия было достаточно, но в обзоре указанной темы целесообразно отметить, что, признавая независимость, Россия в том числе сослалась на косовский прецедент. В свою очередь, западные страны заявили, что считают случай Косово уникальным.

В этой ситуации можно достаточно показательно отследить те проблемы и процессы, о которых ранее говорилось в статье.

Неудачные попытки отделения выражаются различными причинами. Референдум в Каталонии был признан неконституционным, Правительство Испании ввело временное прямое управление автономией и провела силовую зачистку лидеров с их арестом, часть активистов уехали в эмиграцию. Международного признания также не последовало.

В Шотландии же референдум был согласован с Правительством Великобритании, однако более половины населения выступило против независимости, в результате автономия Шотландии усилилась.

А в Приднестровье, которое объявило независимость от Молдовы и провело референдум, ситуация остается замороженной. Приднестровье имеет статус непризнанного государства, находится в экономической изоляции, получая помощь от России.

Анализ прецедентов показывает, насколько высокую роль играет контекст для их реализации, а международное признание остается прежде всего политическим, а не юридическим актом.

С учетом противоречивой позиции государств, целесообразно проанализировать подходы международных институтов.

Анализ указанных подходов показывает выявленные расхождения в политических и правовых позициях международных организаций – рассмотрим их подробнее.

Организация объединенных наций, закрепляя в Уставе ООН защиту территориальной целостности, а в Декларациях о принципах международного права право на самоопределение, занимает сбалансированную позицию. Вместе с тем указывается, что право на самоопределение не должно вести к расчленению государств, что создает двойственность уставных принципов [5].

ООН в лице Генассамблеи принимает различные резолюции, в лице Совбеза санкционирует вмешательства в другие государства при угрозе миру. Однако государства голосуют исходя из своих интересов, а не установленных правил, в том числе, при применении права вето в Совбезе ООН.

Так, М. Померанс говорил о том, что концепция Устава ООН относительно толкования права народов на самоопределение – это явное проявление политики двойных стандартов, что, собственно, и является основной преградой к конструктивному и мирному преодолению конфликтов, которые все с новой и новой силой разгораются в различных частях мира [1, С. 138–154].

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе как основополагающий документ использует Хельсинский заключительный акт 1975 г., который закрепляет нерушимость границ и право на самоопределение как взаимодополняющие принципы.

Однако она в настоящее время, по нашему мнению, является полностью политизированной структурой, с отсутствием действенных инструментов и механизмов по решению споров.

Ключевым арбитром в толковании мог бы стать Международный суд ООН. Суд по запросу государств или ООН инициирует разбирательства, опираясь на Устав ООН и иные международные акты, практику и обязательность юридических норм, а также гуманитарные факторы. Но избегание четких критериев для случаев отделения и рекомендательный характер решения сводят его значение к минимальному.

Таким образом, мы видим, что у международных организаций также *отсутствует единая позиция* по соотношению рассматриваемых принципов,

роль Международного суда ООН свелась до толкования норм без решения проблем, а геополитические интересы стран продолжают преобладать в принятии решений.

Рассмотрим теоретические подходы к разрешению коллизии между принципами, а именно – приоритета территориальной целостности против неотчуждаемости права на самоопределение. Среди теоретиков существует несколько подходов к их соотношению.

С одной стороны – те, кто считает, что принцип территориальной целостности является основополагающим для поддержания международного порядка и предотвращения распада государств. Они утверждают, что право на самоопределение не должно толковаться как право на сецессию в мирное время, а применимо только в контексте деколонизации. Так, М. Сибер считал, что право народов на самоопределение содержит в себе «зародыш борьбы и разрушения» государства и наций, поэтому может применяться только на основании «разрешительной системы» [16, С. 211].

С другой стороны, были сторонники приоритета права на самоопределение как неотчуждаемого права, которое в исключительных случаях может оправдывать отделение. В.И. Ленин, в рамках борьбы против империализма, выразил позицию, что «угнетенная нация» имеет право на отделение от «угнетающей» и образование национального государства [7, С. 255].

Некоторые же теоретики придерживаются позиции равной юридической силы принципов, считают, что между ними нет иерархии и они должны рассматриваться в контексте других принципов международного права. И.И. Лукашук считал, что практика разрешения этнополитических конфликтов должна строиться на признании равноценности принципов [8, С. 163].

В конце 1980-1990-х гг. на фоне распада крупных государств возникла концепция ремедиальной сецессии, которая предполагала, что право на сецессию возникает как крайняя мера при систематических нарушениях прав в отношении национальных меньшинств и народов со стороны государства, когда предприняты все попытки мирного урегулирования, существует поддержка населения территории, а новое государственное образование может быть жизнеспособно [2, С. 32].

Концепция опирается на оговорку Декларации о принципах международного права 1970 года, которая прямо указывает, что государство не может ссылаться на принцип территориальной целостности, если оно не представляет весь народ на своей территории.

Указанная концепция хоть и находит поддержку среди некоторых ученых, однако имеет достаточные основания для критики: отсутствие четких критериев для определения «систематических и грубых нарушений», риск политизации оценки таких нарушений.

Опираясь на это, рассмотрим основные критерии для легитимности самоопределения, либо притязания на него.

При условии систематического нарушения со стороны государства прав народа, можно рассматривать право на самоопределение как крайнюю меру

защиты (критерий – систематические нарушения прав человека). Под такими нарушениями можно понимать геноцид, дискриминацию по расовым, языковым, религиозным признакам, в том числе посредством лишения доступа к образованию, здравоохранению и трудоустройству, а также иные нарушения гражданских свобод.

Вторым критерием выделяется отсутствие представительства сообщества в органах власти, что лишает его влияния на принятия решений в рамках государства.

Это может проявляться в различных вариациях через ограничения в регистрации партий, отсутствие представительства в правительстве и судах, а также блокирование к управлению, в том числе на местном и региональном уровнях, что позволяет не учитывать мнение при принятии законов.

Третьим критерием выступает историко-культурная самобытность народа, отличающего его от остального населения государства (язык, используемый в повседневной жизни и образовании, традиции, историческая привязанность к другой государственности, религиозные особенности).

Отмечается, что указанные критерии необходимо рассматривать в совокупности, ведь ни один из них не является в полной мере самодостаточным и имеет определенные ограничения. При этом возникающее право на самоопределение не тождественно сецессии, ведь может реализоваться и через автономию или иные формы внутреннего самоуправления.

Рассмотрим риски и последствия реализации права на самоопределение через сецессию – стремление к отделению от государства с целью создания нового независимого образования.

Важным последствием сепаратизма является политическая фрагментация государств. Некогда единое экономическое, социальное и политическое пространство разделяется на несколько более мелких, подрывая как экономическую, так и социальную стабильность. Стремление к собственной власти и независимости от бывшего центра влекут необусловленную вражду между новыми государственными образованиями.

Таким примером может послужить распад СССР или Югославии, которые представляют пример не только политической, но и территориальной фрагментации, сопровождающейся дальнейшим дроблением уже вновь образованных государств.

Дополнительно это влечет риски этнических конфликтов, при начале сепаратистских движений этнические различия становятся катализатором, который после распада государства не всегда получается остановить, они становятся основой для будущих конфликтов. Так, этнические группы в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе стремились к отделению от Грузии и Азербайджана, попав после распада СССР в иную идентичность нового государства. Конфликты между сербами, хорватами, боснийцами (народами бывшей Югославии) не прекращаются до сих пор.

Причиной всех конфликтов прежде всего выступают экономические взаимоотношения, остальные мотивы используются для придания населению

необходимости в них. Исходя из этого, риском сепаратизма является дальнейшая угроза всей региональной стабильности.

Внешние игроки (государства и транснациональные корпорации), вмешиваясь в конфликт или создавая его для достижения собственных целей, не могут и не хотят просчитывать возможность создания «эффекта домино» (успех одного сепаратистского движения может спровоцировать аналогичные устремления в других регионах) и наступления гуманитарных последствий (беженцы, гуманитарные кризисы, экономические и человеческие потери).

С целью избежания указанных рисков сепаратизма, есть возможность реализации принципа народа на самоопределение через альтернативные модели решения конфликтов с учетом региональных и этнических особенностей, снижения напряженности и сохранения территориальной целостности государства.

Одним из вариантов является предоставление отдельным регионам или этническим группам широкой автономии – значительной степени самостоятельности в управлении внутренними делами при сохранении их в составе государства (возможность формирования местных органов власти, право на самоуправление в языковой, культурной, образовательной и иных сферах).

Также автономия может реализовываться через создание специальных административных единиц с расширенными полномочиями, например, в рамках принципа субсидиарности в Европейском Союзе, когда решения принимаются на максимально низовом уровне.

Иным решением для государства, в котором проживают различные народы, отличающиеся языком, культурой и религией, может быть установление федеративной формы государственного устройства, которая подразумевает четкое разграничение полномочий между федеральными и региональными уровнями власти.

Такое решение позволяет закрепить различный уровень полномочий между субъектами, а также обеспечить возможность регионов принимать решение на федеральном уровне. Н.М. Добрынин, используя синергетический подход, пришел к выводу, что из различных видов государств, являющихся сложнейшими открытыми социальными системами, наиболее прогрессивны федерации, которые функционируют с возрастанием уровня упорядоченности и обладают способностью наиболее динамично учитывать изменения во внешнем мире в своей структуре. По его мнению, «для полицентрической (федеративной) системы... многие проблемы федерализма (от угрозы сепаратизма до экономического застоя в регионах) могут быть решены посредством развития коммуникации между составными частями системы» [9, С. 38].

Вместе с тем существуют риски конфликтов из-за распределения полномочий, а также давления региональных элит на центр через предоставленные инструменты.

Дополнительным способом разрешения противоречий между сообществами в рамках сохранения государства может стать реализация более самостоятельной (в рамках полномочий субъектов) формы госустройства –

конфедерации. А. Лейпхартом предложена теоретическая основа – концепция консоционализма, в рамках которой предлагается модель управления страной с механизмом взаимодействия и согласования интересов лидеров групп населения, естественно поделенных по общим признакам (религия, язык, раса, этнос, идеология) [10, С. 10].

Также существуют примеры заключения межнациональных соглашений – договоров между государством и этническими, религиозными или региональными группами, направленных на урегулирование конфликтов и обеспечение мирного сосуществования (о культурном и языковом самоопределении, о представительстве в органах власти, экономические договоренности). Так, в 1994 между Российской Федерацией и Республикой Татарстан были подписаны договоры о разграничении предметов ведения и полномочий, закрепляющие признание татарского языка, особый статус республики в составе России и иное (в 2007 году был продлен с учетом изменившегося федерального законодательства, в настоящее время не действует).

Однако, при заключении межнациональных соглашений отсутствуют механизмы контроля выполнения соглашений, а также его использования как инструмента политического манипулирования.

Таким образом, мы видим, что выбор альтернативной модели реализации самоопределения зависит от конкретных исторических, политических и социально-экономических условий, требующих готовности сторон к сотрудничеству.

Выводы. В настоящее время на территории порядка 200 суверенных государств проживают более 5000 этнических народов, а практически все государства имеют многонациональный состав [11, С. 3]. Указанная конфигурация не может не создавать рисков дестабилизации как внутри государства, так и за его пределами. Хотя сама многонациональность при устойчивом межэтническом взаимодействии не предопределяет конфликтность, при системном ограничении социально-политических прав граждан и невозможности реализации собственной идентичности, национальное самосознание начинает трансформироваться сначала в мирное, а после и вооруженное восстание против действующей власти.

Именно в этот момент, когда одна нация хочет отделиться и реализовать право на самоопределение, актуальным становится вопрос коллизии указанного принципа с принципом территориальной целостности государства, которые, в свою очередь, оба являются основополагающими положениями международного права.

Ключевым документом, фиксирующим указанную коллизию, является Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г.), которая, с одной стороны, провозглашает необходимость уважения принципа равноправия и самоопределения народов, одновременно с этим устанавливает, что любые действия, направленные на частичное или полное

разрушение национального единства и территориальной целостности государства, несовместимы с целями и принципами Устава ООН [12].

Это и породило фундаментальную проблему – реализации права на самоопределение без нарушения территориальной целостности.

Представляется целесообразным уточнить ранее указанную позицию М. Померанса, что сама трактовка права на самоопределение допускает применение политики «двойных стандартов» и препятствует выработке универсального механизма разрешения этнополитических конфликтов: изначально Декларация разрабатывалась для решения вопросов колониальной зависимости, и в настоящее время, когда «классические» колонии практически исчезли, ее интерпретация порождает ряд вопросов.

Так, например, международное право до сих пор не содержит четких оснований для признания нового государства, условий легитимности сепарации, механизмов применения права на самоопределение совместно с принципом территориальной целостности.

В результате этого мы видим селективное применению указанных норм, их зависимость от геополитических интересов. Например, определенная часть международного сообщества признала Косово, но не признала Абхазию и Южную Осетию, ДНР и ЛНР.

Показательным в этой ситуации является заявление генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, который 29 января 2026 г. сообщил, что принцип самоопределения народов якобы неприменим к Крыму и Донбассу в отличие от Гренландии. Гутерриш заявил: «После очень тщательного рассмотрения нашим Управлением по правовым вопросам мы пришли к выводу, что принцип самоопределения неприменим к ситуации с Крымом и Донбассом. По нашему мнению, в этой ситуации преобладает принцип территориальной целостности» [13]. Мы видим в этом случае прямое доминирование политики на правом.

Таким образом, очевидны противоречивость и неопределенность применения данных принципов.

С целью смягчения противоречий между принципами были разработаны нормативные документы как на международном уровне – Декларация о принципах международного права (1970 г.) подчеркнула необходимость толкования указанных принципов в комплексе, а Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.) заложила основы защиты прав меньшинств без необходимости изменения границ), так и на региональном уровне (Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (ратифицирована РФ 10 апреля 1998 г.), Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств (1992 г.).

Отдельно стоит остановиться на положениях Декларации о принципах международного права, где указано, что «принцип равноправия и самоопределения народов является существенным вкладом в современное международное право и что его эффективное применение имеет первостепенное

значение для содействия развитию дружественных отношений между государствами, основанных на уважении принципа суверенного равенства», и важную оговорку: «ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

Подобная корреляция данных принципов зафиксирована в Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также в Венской Декларации и Программе действий, которая гласит: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» [14]. Отказ в предоставлении права на самоопределение, по мнению Всемирной конференции по правам человека, является нарушением прав человека.

Таким образом, в ходе анализа можно сделать вывод, что в то время как принцип территориальной целостности направлен на защиту государства от внешней агрессии и действует преимущественно в сфере межгосударственных отношений, право народов на самоопределение относится к внутреннему устройству государства и обеспечивает народам возможность свободно определять свой политический статус, экономическое, социальное и культурное развитие. В то же время, при обеспечении этого, не должен подрывать территориальную целостность как внутреннее проявление.

М.Ю. Барсегов подчеркивает, что именно реализация права на самоопределение служит основой для устойчивого территориального разграничения: свободное волеизъявление народов создает предпосылки для дружественных межэтнических отношений и легитимного установления государственных границ [15, С. 122–155]. Мы можем уточнить эту позицию, отметив, что само наличие у нации права на самоопределение укрепляет территориальную целостность государства.

Некоторые исследователи выделяют случаи недопустимости самоопределения, так, В. Кочарян определяет их такими:

- государство соблюдает принцип равноправия граждан;
- в правительстве представлены интересы всех народов, проживающих на территории;
- отсутствует дискриминация по этническому, религиозному или иному признаку [16, С. 211].

Следовательно, при соблюдении этих условий приоритет отдается сохранению единства государства. В противном случае риск нарушения территориальной целостности возрастает.

По нашему мнению, реализация принципа равноправия и самоопределения народов в условиях его угнетения не должно рассматриваться в корреляции с принципом территориальной целостности государства, по причине того, что целостность государства и его границы могут быть основаны на самоопределении проживающих там народов, и именно такую целостность необходимо защищать международному праву.

Вместе с тем считаем важным отметить, что современное международное право не рассматривает самоопределение исключительно как сецессию. Государства развивают альтернативные механизмы учета этнокультурных интересов:

- политика мультикультурализма (Канада, Австралия) – поддержка культурного разнообразия при сохранении единой государственности;
- федеративные модели (Россия, Бельгия, Австрия) – предоставление регионам широкой автономии в рамках единого государства.

В свою очередь, мы считаем, что указанные действия являются методами работы в рамках национального вопроса тех или иных государств, преодоления противоречий, возможности соблюдения равноправия наций и решения межэтнических конфликтов. Признание же принципа на самоопределение прежде всего является признанием права на это отделение.

В условиях этого, наиболее целесообразным является использование концепции ремедиальной сецессии с ее дальнейшим нормативным закреплением, в условиях невозможности государством сослаться на принцип территориальной целостности, если оно не представляет весь народ на своей территории, а право на самоопределение не может использоваться в государстве, соблюдающем его.

Несмотря на существующие проблемы использования указанной концепции и всех указанных проблем соотношения принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение, рассмотренных в указанной работе, необходимо прежде всего ответить на вопрос, заданный нами в начале ее написания – действительно ли решение этих вопросов повлияет на ситуацию с реализацией принципа народов на самоопределение в нынешней мировой политической действительности и двойственности подходов исходя из собственных геополитических интересов?

Список литературы

1. Pomerance, M. Self-determination in law and practice : The new doctrine in the United Nations. – The Hague [etc.] : Nijhoff, 1982. – XI, 154 p.
2. Buchanan, A. Secession : The Morality of Political Divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. – Boulder, CO : Westview Press, 1991. – XII, 214 p.
3. Zhu, Y. Blachford, D. Ethnic Disputes in International Politics : Manifestations and Conceptualizations // Nationalism and Ethnic Politics. – 2006. – Vol. 12, № 1. – P. 25–51.
4. Международный суд Организации Объединенных Наций. Консультативное заключение о соответствии международному праву одностороннего

провозглашения независимости временными институтами самоуправления Косово : принято 22 июля 2010 года // Официальный сайт Международного суда ООН. – URL: <https://www.icj-cij.org/en/advisory-proceeding/file/159> (дата обращения: 02.04.2026).

5. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г.) // Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, двадцать пятая сессия. Доп. № 28 (A/8028). – Нью-Йорк : ООН, – 1970. – С. 125–130.
6. Левин, И.Д. Суверенитет / И.Д. Левин; Ин-т права Акад. наук СССР. – Москва : Юрид. изд-во, 1948. – 376 с.
7. Ленин, В.И. О праве наций на самоопределение / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М., 1969. – Т. 25. – С. 255–320.
8. Шматова, Е.С. Принципы территориальной целостности и равноправия, права народов на самоопределение: вопросы теории и международно-правовой практики / Е.С. Шматова, А.В. Селеменева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2009. – № 7 (26), ч. II. – С. 163–166.
9. Добрынин, Н.М. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, новая методология / Н.М. Добрынин // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 33–39. – EDN IAIJIB.
10. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах : сравнительное исследование: пер. с англ. / под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
11. Любименко, К. Современные этнические общности и их развитие : курсовая работа по дисциплине «Этнопсихология» / К. Любименко; Астраханский государственный университет, кафедра социальной педагогики и психологии ; науч. рук. И.А. Потапова, канд. пед. наук, доц. – Астрахань, 2010. – 26 с.
12. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам : принята Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1960 г. Резолюция 1514 (XV) // Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи. Пятнадцатая сессия. Дополнение № 16 (A/4684). – Нью-Йорк : ООН, 1960. – С. 51.
13. В ООН сочли, что к Крыму и Донбассу неприменимо право на самоопределение. – Текст : электронный / РИА Новости : [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20260129/oon-2071089629.html> (дата обращения: 02.04.2026).
14. Всемирная конференция по правам человека. Венская декларация и Программа действий: принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 14-25 июня 1993 г. // Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи ООН. Сорок восьмая сессия. Дополнение № 49 (A/48/49). – Нью-Йорк : ООН, 1993. – 60 с.

15. Барсегов, Ю.Г. Территория в международном праве [Текст]: Юрид. природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территорией. – Москва : Госюриздат, 1958. – 271 с.
16. Гевандова, Я.С. Коллизия принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государства в современном международном праве / Я.С. Гевандова, Н.Ю. Шлюндт // Символ науки : международный научный журнал. – 2015. – № 11-1. – С. 209–212. – EDN VBRRHB.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.132:378.245:519.8

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ УРОВНЯ ДИССЕРТАЦИОННЫХ РАБОТ И РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ЭКСПЕРТНОМ СООБЩЕСТВЕ

Сергей Геннадьевич Ольков, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории изучения актуальных вопросов права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк), член президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ
(e-mail: olkovsg@mail.ru)

В статье дается доктринальное толкование отдельных норм, изложенных в Положении о присуждении ученых степеней, а также делаются предложения по устранению содержащихся в данном нормативно-правовом акте пробелов; представляется методика высокоточной количественной оценки уровня диссертационных работ, способы измерения и разрешения противоречий, возникающих между диссертационными и экспертными советами при оценке качества диссертаций.

Ключевые слова: правоотношения, пробелы в праве, толкование норм права, реализация норм права, диссертация, научные результаты, противоречия, критерии оценки научных работ, соискатель, доктор наук, кандидат наук, эксперт, диссертационный совет, экспертный совет, ВАК, уровень сложности, уравнение ограничения научной ценности диссертации, общая функция ценности научной работы, карта кривых безразличия, условная оптимизация, лагранжиан.

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE QUALITY OF DISSERTATION AND RESOLVING CONTRADICTIONS IN THE EXPERT COMMUNITY

Ol'kov, S.G.

The article provides a doctrinal interpretation of certain norms set out in the Regulations on the Awarding of Academic Degrees, as well as suggestions for eliminating the gaps in this normative legal act. The article also presents a method for highly accurate quantitative assessment of the quality of dissertations works, as well as ways to measure and resolve contradictions that arise between dissertation and expert council when assessing the quality of scientific works.

Keywords: legal relations, gaps in law, interpretation of legal norms, implementation of legal norms, dissertation, scientific results, criteria for evaluating scientific works, degree candidate, Doctor of Science, Candidate of Science, expert,

dissertation council, expert council, Higher Attestation Commission, level of complexity, constraint equation for the scientific value of a dissertation, general function of the value of a scientific work, map of indifference curves, constrained optimization, Lagrangian.

В практике деятельности президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации встречаются случаи, когда приходится давать оценку научных работ соискателей при наличии глубоких противоречий между оценками диссертационных работ, сделанных диссертационными советами и профильными экспертными советами ВАК Минобрнауки России. В крайних случаях имеет место абсолютное противоречие между оценкой докторской или кандидатской диссертации, данной диссертационным советом и профильным экспертным советом ВАК. Абсолютное противоречие выражается в том, что диссертационный совет в полном или почти полном составе проголосовал за присуждение соискателю искомой ученой степени, а профильный экспертный совет в полном или почти полном составе – против. При этом президиум ВАК, как последняя инстанция, встает обычно на сторону профильного экспертного совета, и отказывает соискателю в присуждении ученой степени, хотя теоретически возможна и обратная ситуация, когда президиум ВАК встанет на сторону диссертационного совета, и не поддержит решение экспертного совета. Пример такого случая мне известен, но по этическим соображениям я не буду его приводить в тексте данной статьи.

Очевидно, по определению и в диссертационных советах, и профильных экспертных советах ВАК Минобрнауки России работают высококомпетентные эксперты, как правило, это доктора наук по соответствующим научным специальностям. Спрашивается, почему между ними возможны такие глубокие противоречия, и насколько точны оценки, сделанные членами диссертационных и экспертных советов, членами президиума ВАК Минобрнауки России?

В данной работе предлагается методика высокоточной количественной оценки диссертационных работ и отдельные способы измерения и разрешения противоречий, возникающих между диссертационными и экспертными советами, а также внесены отдельные предложения по совершенствованию действующих нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок присуждения ученых степеней в России, в частности, дается доктринальное толкование отдельных норм Положения о присуждении ученых степеней, вносятся предложения по устранению отдельных пробелов в данном нормативно-правовом акте.

Высокоточная количественная методика оценки качества научных работ (золотое правило количественной оценки качества научных работ).

Вводим общую функцию ценности научной работы (**ОФЦНР**), например, докторской или кандидатской диссертации: $w = xy$, где x – уровень сложности, на котором выполнялась научная работа – ранжированная непрерывная переменная, скажем, от нуля до десяти, включая крайние значения (определяется по количеству и качеству примененных соискателем учёной степени методов

ведения научных исследований), измеряемая в непрерывных баллах уровня сложности работы (**БУС**); y – непрерывно ранжированный от одного до десяти уровень, полученных научных результатов, измеряемый в непрерывных баллах уровня научных результатов (**БУНР**); w – суммарная ценность научной работы в непрерывных баллах. Работа обладает положительной ценностью, если $w > 0$.

Следует обратить внимание, что общая функция ценности научной работы (ОФЦНР), например, докторской или кандидатской диссертации: $w = xy$ является мультипликативной, строго возрастающей функцией от применяемых научных методов, и получаемых научных результатов. При $x = 0$ имеем $w = 0 \cdot y = 0$ и при $y = 0$ имеем тот же результат $w = x \cdot 0 = 0$. Поэтому функцию $w = xy$ нельзя заменить, например, на аддитивную функцию $w = x + y$, поскольку она не будет отвечать реальным процессам, давая положительное значение функции там, где его быть не может, но можно заменить на другую подобную функцию или функцию Кобба-Дугласа.

Функция $w = xy$ – это мультипликативная функция, возрастающая поверхность второго порядка в трёхмерном пространстве $xOyw$, расположенная в первом октанте трёхмерной декартовой системы координат.

Научные результаты классифицируются на промежуточные и окончательные [1, С. 27-47]. Примером, окончательного научного результата является установление какого-то отраслевого закона, например, второго или третьего закона Ньютона в физике, первого или второго закона Госсена в микроэкономике или доказательство математической теоремы, скажем, теоремы Виета или разработка нового метода решения дифференциальных уравнений, как, например, метод Рунге-Кутты¹ для математиков. Все окончательные научные результаты получаются в виде математических формул, и являются результатом применения методов математического анализа, теории вероятностей, математической статистики, эконометрики, математической логики и т.д. Промежуточные научные результаты получаются с помощью различных научных методов, не связанных с применением математического аппарата – эксперименты, анкетирование, интервьюирование, перепись и т.д.

Например, результаты экспериментов дают промежуточные научные результаты, но не окончательные. Так, для измерения температуры точки росы физики составили подробную таблицу с результатами экспериментальных данных, где рассматривали зависимость температуры точки росы от двух независимых переменных – относительной влажности воздуха и его температуры.

Сама по себе такая таблица является промежуточным научным результатом, и может быть использована для получения окончательных научных результатов, представляемых в строгой аналитико-математической форме в виде алгебраических уравнений, связывающих переменные модели в физический закон, что и было сделано мной с коллегами [2, С. 66–72], а до этого более двухсот лет исследователи предпринимали безуспешные попытки получить

¹ Естественно, здесь приведена ссылка на уже установленные результаты, а в реальности речь идет о новых подобных результатах, которые могут содержаться в диссертационных работах.

аналитическое выражение температуры точки росы, и пришли к выводу о невозможности решения данной задачи [3, С. 225–233].

Проведение экспериментов и составление эмпирической таблицы – это третий уровень сложности и здесь уровень научного результата также не выше третьего, а вот получение аналитической формы – это уже установление физического закона (в данном случае), и это научный результат десятого уровня, хотя методы, которые применялись для его получения лежат только на седьмом уровне сложности, поскольку здесь корректно применяется парный регрессионный анализ с использованием метода наименьших квадратов при выполнении условий теоремы Гаусса-Маркова, построенный на простых пространственных данных, а также знание и применение отдельных методов математического анализа, позволяющих аппроксимировать и анализировать конкретные функции (причинно-следственные связи) и физические зависимости (корреляционные связи с коэффициентом корреляции менее единицы по модулю при использовании высокочувствительных параметрических или непараметрических коэффициентов корреляции).

Закономерность от закона отличается тем, что чувствительный коэффициент корреляции² (параметрический или непараметрический) в законе практически равен единице по модулю, а в закономерности он всегда меньше единицы.

Ранговая шкала, которую мы также можем заменить шкалой отношений для того, чтобы иметь гладкие непрерывные функции, для уровней сложности (x) строится именно по тем методам, которые используются при проведении научных изысканий для получения промежуточных и окончательных научных результатов, и может простирается от нуля до заданной величины n , например, до целого числа 10. На первых (нижних) трёх уровнях сложности математические методы, либо не применяются вовсе, либо применяются самые элементарные математические методы – сложение, вычитание, деление, умножение, нахождение простых средних величин и т.д.

На десятом уровне сложности, например, исследователь корректно применяет методы множественного регрессионного анализа в междисциплинарном исследовании с использованием кросс-секционных исходных данных, данных временных рядов и панельных данных или корректно применяет методы классического математического анализа – интегрального, дифференциального исчисления, построения и решения различных дифференциальных уравнений, решения оптимизационных, вариационных задач и так далее. На девятом уровне сложности, применяет тот же множественный регрессионный анализ, либо математический анализ и теорию вероятностей к сугубо отраслевым исследованиям. В данной работе я не детализирую набор методов по всем десяти уровням сложности. Это специальная задача, которую несложно будет решить и подробно расписать.

² Например, коэффициент корреляции Фехнера не является высокоточным, поскольку учитывает лишь знаки отклонений от средних значений без величины самих отклонений, и поэтому всегда дает большие погрешности.

Если исследователь не применяет никаких математических методов, обеспечивающих получение научных результатов, то он может получить только промежуточные научные результаты, и они не могут превышать третьего уровня научных результатов, и по уровню сложности также не могут превышать третьего уровня сложности.

Ранговую шкалу научных результатов (y) мы также можем заменить непрерывной шкалой отношений. Главное, чтобы ценность научных результатов возрастала от минимума к максимуму. Например, открытие какого-то отраслевого закона – экономического, физического, химического, биологического, исторического, социологического, психологического и так далее в строгой математической форме – это высшее достижение и максимально возможный уровень научного результата. В математике – это доказательство какой-то теоремы, разработка нового метода решения алгебраических, геометрических или логических задач соответствующего класса и т.д.

Таким образом, получаем поверхность ценности научных работ, расположенную в первом октанте декартовой системы координат, описываемую строго возрастающей функцией от двух независимых переменных: $w = xy$.

Первая частная производная от этой функции по переменной уровня сложности диссертации: $\frac{\partial w}{\partial x} = y$, и она показывает **предельную сложность** диссертации, то есть отвечает на вопрос, насколько в абсолютном выражении повышается ценность выполненной диссертационной работы при повышении сложности, применяемых научных методов на один балл уровня сложности диссертационной работы, при фиксированном значении переменной уровня, полученных научных результатов.

Первая частная производная от функции ценности диссертационной работы по переменной уровня, полученных автором научных результатов: $\frac{\partial w}{\partial y} = x$, и она показывает **предельный уровень**, полученных в диссертации научных результатов, то есть отвечает на вопрос, насколько в абсолютном выражении повышается ценность, выполненной диссертационной работы, при повышении уровня, полученных научных результатов, на один балл уровня научных результатов при фиксированном значении переменной уровня сложности диссертационной работы.

С поверхности ценности научных работ снимаем линии уровня при фиксированных значениях зависимой (объясняемой, управляемой) переменной w , и получаем карту кривых безразличия в виде функций: $y = \frac{c}{x}$, где $c = xy$ – произвольная фиксированная константа, позволяющая построить карту кривых безразличия (**ККБ**) на плоскости xOy в декартовой системе координат правой ориентации. Каждая кривая безразличия (**КБ**) показывает, что данный уровень ценности научной работы может быть достигнут множеством комбинаций уровня сложности выполненной диссертации и уровня полученных при этом научных результатов. Точное число таких комбинаций при желании можно найти

по длине дуги каждой конкретной функции $y = \frac{c}{x}$, то есть по уравнению длины дуги: $L = \int_a^b \sqrt{1 + (y')^2} dx$.

Далее следует ввести уравнение ограничения ценности научной работы, в котором бы учитывались *цены одного балла* уровня сложности работы – БУС и одного балла уровня научного результата – БУНР. Их (цены) уместно ввести в качестве дискретных целых значений от одного до десяти, и записать уравнение ограничения в неявном виде: $m = p_x x + p_y y$ и в явном виде: $y = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y} x$, где m – максимальная ценность работы при данном уровне сложности, количестве и качестве, полученных научных результатов, p_x – цена одного балла уровня сложности работы, p_y – цена одного балла уровня научных результатов.

Далее составляем уравнение условной оптимизации для нахождения координат, максимизирующих оценку ценности диссертационной работы: (x_0, y_0) , с введением множителя Лагранжа (лагранжиана):

$$W = xy + \lambda(m - p_x x - p_y y).$$

От полученного уравнения следует взять первые частные производные по правилам математического анализа: $\frac{\partial w}{\partial x} = y$, $\frac{\partial w}{\partial y} = x$ и $\frac{\partial w}{\partial \lambda} = m - p_x x - p_y y$, и приравнять их к нулю для отыскания максимума функции $w = xy$.

Далее составляем систему линейных алгебраических уравнений:

$$\begin{cases} 0x + 1y - p_x \lambda = 0 \\ 1x + 0y - p_y \lambda = 0 \\ p_x x + p_y y + 0\lambda = m \end{cases}$$

Решив данную систему, любым удобным способом – методом матриц, методом детерминантов, методом Гаусса или Крамера, получим искомые координаты точки оптимума (в данном случае максимума), которые остается только подставить в общее уравнение ценности научных работ, получив максимально точную (справедливую) оценку, проведенного соискателем ученой степени диссертационного исследования: $w_0 = x_0 y_0$, и определить уровень соответственно либо кандидатской, либо докторской диссертации по данной номенклатуре научных специальностей.

Последний шаг – это проверка точности полученных координат (x_0, y_0) на соответствие второму закону Госсена: $\frac{\frac{\partial w}{\partial x}}{p_x} = \frac{\frac{\partial w}{\partial y}}{p_y} = \lambda$. Если предельная справедливость по уровню сложности и научным результатам диссертации, приведенная на цены баллов по переменным модели, равна полученному множителю Лагранжа, то расчеты выполнены верно.

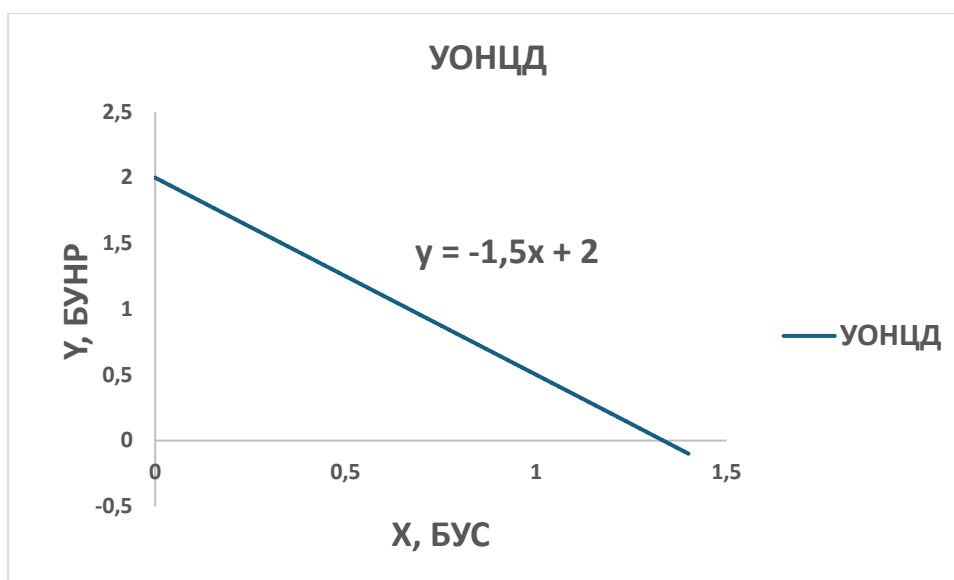
В демонстративных целях целесообразно построить две функции на одном графике – функцию ограничения научной ценности диссертации (**ФОНЦД**) (линейная функция) и нелинейную функцию кривой безразличия (**ФКБ**), которой касается функция ограничения ценности научной работы. В точке касания упомянутых функций, и находятся координаты максимума ценности данной

диссертации, которые следует подставить в общую функцию ценности диссертационных работ, чтобы далее решать вопрос о присуждении соответствующей ученой степени её соискателю.

Рассмотрим поясняющий числовой пример. Пусть оценивается диссертация, выполненная на третьем уровне сложности, то есть цена одного балла БУС составит $p_x = 3$, и автором получен научный результат второго ранга при цене одного балла равной двум (по уровню научных результатов): $p_y = 2$.

Максимальное количество баллов при заданных ценах уровня сложности и полученных научных результатов примем равным квадрату уровня научных результатов: $m = 2^2 = 4$, откуда запишем уравнение ограничения научной ценности данной диссертации в явном виде: $y = \frac{4}{2} - \frac{3}{2}x$. Для наглядности построим его график на плоскости xOy .

Рис. 1. Уравнение ограничения научной ценности диссертации для данного условного примера.

Далее составляем уравнение условной оптимизации для нахождения координат, максимизирующих ценность диссертационной работы: (x_0, y_0) , с введением множителя Лагранжа (лагранжиана):

$$W = xy + \lambda(4 - 3x - 2y).$$

Составляем систему алгебраических линейных уравнений:

$$\begin{cases} 0x + 1y - 3\lambda = 0 \\ 1x + 0y - 2\lambda = 0 \\ 3x + 2y + 0\lambda = 4 \end{cases}$$

Решив данную систему алгебраических линейных уравнений, получаем искомые координаты оптимума: $x_0 = \frac{2}{3}$, $y_0 = 1$, $\lambda = \frac{1}{3}$. Проверяем полученный результат на соответствие второму закону Госсена³: $\frac{1}{3} = \frac{\frac{2}{3}}{2} = \frac{1}{3}$.

Находим величину ценности данной диссертации по функции общей ценности научных работ: $w_0 = x_0 \cdot y_0 = \frac{2}{3} \cdot 1 = \frac{2}{3} \approx 0,66667$, откуда наивысшая кривая безразличия примет вид: $y = \frac{0,66667}{x}$.

Общая функция оценки ценности научных работ $w = xy$ будет максимизирована для данного исследования в точке касания УОНЦД и наивысшей для данного уровня кривой безразличия, что видно из нижеследующего графика.

Рис. 2. Касание УОНЦД и наивысшей для данного уровня работы кривой безразличия.

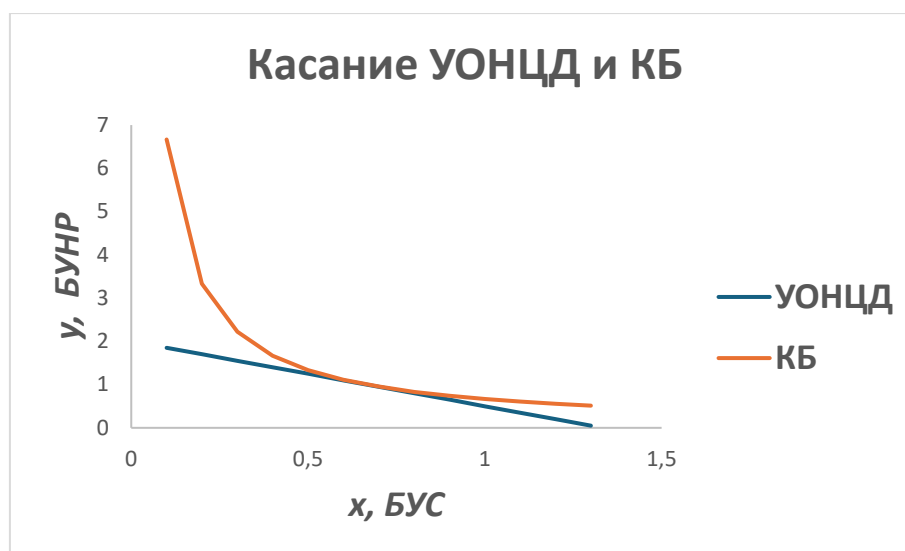

Таблица №1 к рисунку №2.

x	y_1	y_2
0,1	1,85	6,66666
0,2	1,7	3,33333
0,3	1,55	2,22222
0,4	1,4	1,666665
0,5	1,25	1,333332
0,6	1,1	1,11111
0,7	0,95	0,95238
0,8	0,8	0,833333

³ $\frac{\partial w}{\partial x}(y_0) = \frac{\partial w}{\partial y}(x_0) = \lambda$. Поскольку $\frac{\partial w}{\partial x} = y$ и $\frac{\partial w}{\partial y} = x$.

0,9	0,65	0,74074
1	0,5	0,666666
1,1	0,35	0,60606
1,2	0,2	0,555555
1,3	0,05	0,51282

Поскольку $w_0 = x_0 \cdot y_0 \approx 0,66667 > 0$, постольку соискатель ученой степени заслуживает её присуждения, а станет он кандидатом или доктором наук – это уже будет определяться уровнем развития конкретной научной отрасли по данной номенклатуре научных специальностей, отраслевым научным экспертным сообществом, насколько велики его (экспертного сообщества) требования к кандидатам и докторам наук, но при этом и кандидаты, и доктора наук будут строго дифференцированы по научному авторитету вне зависимости от отраслевой принадлежности, выполненной ими научной работы. То есть, фигурально выражаясь, можно будет сравнить «физиков» и «лириков». Естественно, здесь стираются и межгосударственные границы, поскольку любые научные работы можно точно оценить по величине одной цифры!

Рассмотрим более конкретный пример с установлением физического закона зависимости температуры точки росы от относительной влажности и температуры окружающей среды. Поскольку этот закон установлен в окончательной аналитической форме, постольку это научный результат десятого уровня, а получен он с помощью математических методов седьмого уровня.

Уравнение ограничения научной ценности работы (УОНЦР) примет вид: $y = \frac{100}{10} - \frac{7}{10}x$, поскольку цена одного балла научных результатов принимается равной десяти: $p_y = 10$, а цена одного балла, примененных научных методов, принимается равной семи: $p_x = 7$, откуда $y = 10 - 0,7x$, величина m принята равной квадрату цены научных результатов: $m = 10^2 = 10 \cdot 10 = 100$.

Общая функция ценности научной работы (ОФЦНР): $w = xy$, откуда общее уравнение условной оптимизации:

$$W = xy + \lambda(100 - 7x - 10y).$$

Составляем систему линейных алгебраических уравнений:

$$\begin{cases} 0x + 1y - 7\lambda = 0 \\ 1x + 0y - 10\lambda = 0 \\ 7x + 10y + 0\lambda = 100 \end{cases}$$

Решив данную систему алгебраических линейных уравнений, получаем искомые координаты оптимума: $x_0 = \frac{50}{7}$, $y_0 = 5$, $\lambda = \frac{5}{7}$. Проверяем полученный

результат на соответствие второму закону Госсена⁴: $\frac{y_0}{p_x} = \frac{x_0}{p_y} = \lambda$, то есть получаем: $\frac{5}{7} = \frac{\frac{50}{7}}{10} = \frac{5}{7}$. Второй закон Госсена выполняется.

Находим величину ценности данной научной работы по функции общей ценности научных работ: $w_0 = x_0 \cdot y_0 = \frac{50}{7} \cdot 5 = \frac{250}{7} \approx 35,7$, откуда максимально достижимая кривая безразличия примет вид: $y = \frac{35,7}{x}$.

Рис. 3. Графическое представление координат, определяющих максимальную величину ценности научной работы, при заданном ограничении.

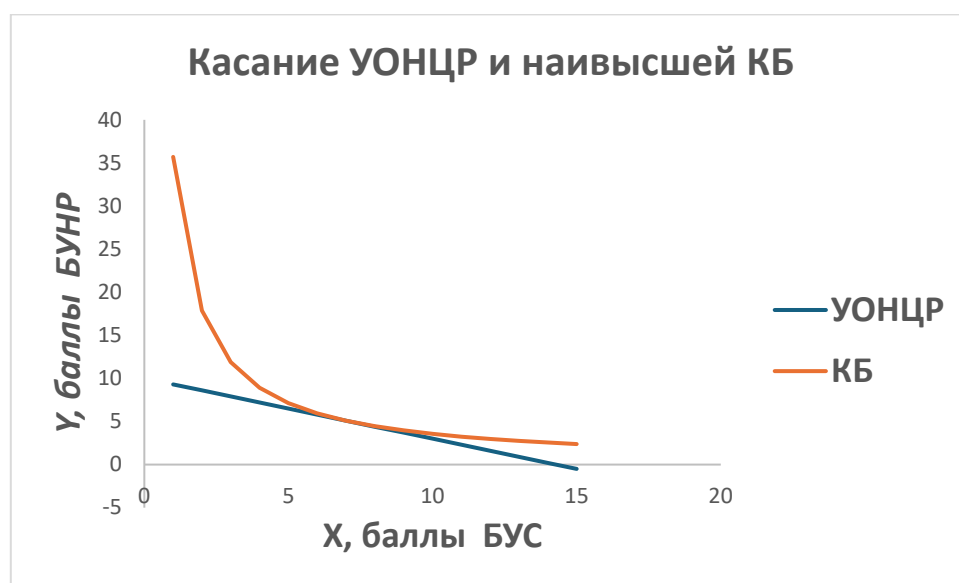

Таблица №2. К графику на рисунке №3.

x	y ₁	y ₂
1	9,3	35,7
2	8,6	17,85
3	7,9	11,9
4	7,2	8,925
5	6,5	7,14
6	5,8	5,95
7	5,1	5,1
8	4,4	4,4625

⁴ $\frac{\partial w}{\partial x}(x_0) = \frac{\partial w}{\partial y}(y_0) = \lambda$.

9	3,7	3,966667
10	3	3,57
11	2,3	3,245455
12	1,6	2,975
13	0,9	2,746154
14	0,2	2,55
15	-0,5	2,38

Поскольку величина $w_0 = x_0 \cdot y_0 = 35,7 \gg 0$ существенно больше нуля, постольку перед нами высоко значимый научный результат, который мы можем сравнивать с другими научными результатами, часть из которых может быть выше, ниже или равна данному результату.

Измерение глубины противоречий по оценке диссертаций внутри диссертационных и экспертных советов.

Применительно к разрешению споров и противоречий⁵ между диссертационными и экспертными советами положим, что мы можем дать обобщенную количественную оценку диссертации в баллах, и обозначим её буквой w . Очевидно, что оценка диссертации членами диссертационных и экспертных советов может, во-первых, полностью совпадать: $w_1 = w_2$, где w_1 указывает на оценку, данную профильным экспертным советом ВАК, w_2 – оценка диссертации, данная диссертационным советом, откуда разность между позициями экспертного и диссертационного совета равна нулю: $w_1 - w_2 = 0$; во-вторых, возможна ситуация, когда $w_2 > w_1$, откуда $w_1 - w_2 < 0$; в-третьих, теоретически возможен и вариант, когда $w_2 < w_1$, откуда $w_1 - w_2 > 0$.

Обозначим переменную разности мнений членов диссертационного и экспертного советов буквой W , и положим её в качестве независимой переменной на ось абсцисс в декартовой системе координат правой ориентации на плоскости WOF , где $\vec{F}$ – сила сопротивления противоречиям, которая всегда направлена по ординате к началу координат на пересечении осей абсцисс и ординат, либо снизу вверх, либо сверху вниз с какой-то линейной или нелинейной скоростью.

Сила сопротивления противоречиям проходит через начало координат (симметрична относительно начала координат, нечетная функция) и линейна в области её определения в ближайшей окрестности начала координат, что удобно записать в виде уравнения: $F = kW$, где $k = \frac{dF}{dW}$ – линейный коэффициент пропорциональности, показывающий насколько в абсолютном выражении

⁵ **Противоречие** – это *разновидность переменной напряжения* применительно к социальной системе, а напряжение – это *разность между двумя или более переменными*, которое порождает силу, а, следовательно, изменение в соотношениях потенциальной и кинетической энергии системы.

изменяется модуль силы сопротивления противоречиям при изменении величины разности мнений членов экспертного совета ВАК и членов диссертационного совета на один балл.

Взяв первообразную от функции *силы сопротивления противоречиям*, получим скалярную величину – потенциальную энергию экспертной системы (U_p), которая описывается параболой второго порядка, и всегда проходит через начало координат, имея единственный экстремум в виде минимума, что следует записать определенным интегралом с нижним и верхним пределами интегрирования: $U_p = k \int_a^b W dW = \left[\frac{1}{2} W^2 \right]_a^b = \frac{1}{2} b^2 - \frac{1}{2} a^2$ в согласии с формулой Ньютона-Лейбница.

Система экспертных оценок максимально эффективна при условии $W = 0$ – то есть тогда, когда мнения экспертного и диссертационного советов совпадают, а, следовательно, потенциальная энергия в системе экспертов равна нулю, а кинетическая максимальна, поскольку функция кинетической энергии является обратной относительно функции потенциальной энергии системы экспертных оценок с линейным коэффициентом пропорциональности равным минус единице. Зная функцию потенциальной энергии системы, всегда легко задать функцию её кинетической энергии: $U_{\text{кин.}} = U_{p(\max)} - \frac{1}{2} W^2$.

Величину (глубину) противоречий между членами диссертационного совета (w_2) в оценке каждой конкретной диссертации по каждому оценочному критерию мы можем измерить с помощью метода площади Гаусса, а потом суммировать все эти площади рассогласования мнений по каждому критерию оценки.

Площадь многоугольника противоречия на плоскости с участием n субъектов находим по координатам по формуле «землемера» (формула площади Гаусса, алгоритм «шнурования»⁶): $S = \frac{1}{2} \left| \sum_{i=1}^n \begin{pmatrix} x_i & y_i \\ x_{i+1} & y_{i+1} \end{pmatrix} \right|$, где S площадь любого многоугольника, включая естественно, и простейшие – квадрат, параллелограмм, ромб, треугольник, пятиугольник, десятиугольник и так далее; n – количество сторон многоугольника (или углов), (x_i, y_i) – координаты вершин, $\det$ – детерминант (определитель) матрицы 2x2. Существуют и другие формулы, дающие аналогичный результат, например, формула: $S = \frac{1}{2} \left| \sum_{i=1}^{n-1} x_i y_{i+1} + x_n y_1 - \sum_{i=1}^{n-1} x_{i+1} y_i - x_1 y_{i+1} \right|$.

При вычислениях важно не забыть замкнуть многоугольник, то есть включить первую координатную пару дважды (вначале и в конце) иначе будет ошибка в вычислениях.

Рассмотрим числовой пример. Положим, что пять экспертов оценивают диссертацию по двум критериям: 1) уровню сложности (x); 2) научным

⁶ Формула площади Гаусса (формула землемера или формула шнурования или алгоритм шнурования) – формула определения площади простого многоугольника, вершины которого заданы декартовыми координатами на плоскости.

результатам (y). То есть на плоскости xOy получим пятиугольник, по координатам которого измерим его площадь, показывающую глубину противоречия (уровень напряжения). Пусть координаты: $A(2; 3)$, $B(3; 5)$, $C(4; 7)$, $D(3; 2)$, $E(6; 9)$. Тогда площадь пятиугольника: $S = \frac{1}{2} |2 \cdot 5 + 3 \cdot 7 + 4 \cdot 2 + 3 \cdot 9 + 6 \cdot 3 - 3 \cdot 3 - 5 \cdot 4 - 7 \cdot 3 - 2 \cdot 6 - 9 \cdot 2| = \frac{4}{2} = 2$ (две квадратные единицы⁷). Перепроверим результат с помощью другого способа: $det_1 = \begin{pmatrix} 2 & 3 \\ 3 & 5 \end{pmatrix} = 2 \cdot 5 - 3 \cdot 3 = 1$; $det_2 = \begin{pmatrix} 3 & 5 \\ 4 & 7 \end{pmatrix} = 3 \cdot 7 - 4 \cdot 5 = 1$; $det_3 = \begin{pmatrix} 4 & 7 \\ 3 & 2 \end{pmatrix} = 4 \cdot 2 - 3 \cdot 7 = -13$; $det_4 = \begin{pmatrix} 3 & 2 \\ 6 & 9 \end{pmatrix} = 3 \cdot 9 - 6 \cdot 2 = 15$; $det_5 = \begin{pmatrix} 6 & 9 \\ 2 & 3 \end{pmatrix} = 6 \cdot 3 - 2 \cdot 9 = 0$. В сумме получаем четыре и, разделив на два, имеем два.

Величину (глубину) противоречий между членами профильного экспертного совета (w_1) в оценке каждой конкретной диссертации по каждому оценочному критерию мы также можем измерить с помощью метода площади Гаусса, а потом суммировать все эти площади рассогласования мнений, а далее сравнить их между собой. Естественно, соответствующие измерения мы можем провести с помощью интегрального исчисления, для чего подходит формула Грина⁸.

Далее можно будет анализировать глубину противоречий в оценке диссертационных исследований, как на уровне самих диссертационных советов, так и на более высоких уровнях – уровне профильных экспертных советов ВАК и президиума ВАК.

Естественно, для измерения величины согласованности мнений экспертов в экспертной системе любой размерности вполне применим полноценный корреляционный анализ, подобный тому, который я применял при изучении рассогласования мнений в системе судей [4, С. 96–103]. Весьма удобным будет применение множественного коэффициента ранговой корреляции (МКРК)⁹, и здесь уже может закладываться произвольное количество критериев (более двух), по которым производится оценка. Коэффициент конкордации может принимать значения от нуля до единицы. При полном согласовании мнений экспертов коэффициент будет равен единице. Если мнения экспертов абсолютно расходятся, то он равен нулю. В остальных случаях имеют место промежуточные значения коэффициента конкордации от нуля до единицы, не включая крайние значения.

К сожалению, в настоящее время в оценке диссертационных исследований существует высокий уровень неопределенности. Именно поэтому и появляются

⁷ То есть у нас было два критерия, по которым оценивалась диссертация на оценочной плоскости: xOy .

⁸ Теорема Грина определяет связь между криволинейным интегралом по замкнутому контуру и двойным интегралом по односвязной области, ограниченной этим контуром. По сути, теорема Грина – частный случай более общей теоремы Стокса.

⁹ Коэффициент конкордации.

факты почти полного рассогласования мнений членов диссертационных и экспертных советов.

Отдельные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок присуждения ученых степеней.

Предлагаю ВАК в соответствии с подпунктом «а», пункта 4 Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации дать официальное толкование пунктов 9, 10 и 13 Положения о присуждении ученых степеней или ходатайствовать о внесении дополнений, устраняющих имеющиеся пробелы, в само Положение о присуждении ученых степеней.

В действующем Положении имеются существенные пробелы, которые создают трудности в реализации (применении, исполнении, соблюдении и использовании) соответствующих норм права, мешают нормальной работе всех субъектов правоотношений в системе аттестации научно-педагогических кадров – соискателей ученых степеней, их научных руководителей и консультантов, оппонентов, ведущих организаций, диссертационных советов и экспертных советов. Так, в пункте 10 Положения говорится: «Диссертация должна быть написана автором самостоятельно, обладать внутренним единством, содержать новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствовать о личном вкладе автора диссертации в науку», а в пункте 13 записано, что «количество публикаций, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых изданиях должно быть: по ряду перечисленных отраслей – **не менее 15**; по остальным отраслям науки – **не менее 10**».

Очевидно, что каждая научная статья, публикуемая в научном журнале, должна быть **новой** и содержать, **по меньшей мере, один научный результат**. В противном случае может быть поставлен вопрос о плагиате или низком качестве статьи.

Возникает вопрос, а не достаточно ли одного, или, скажем, двух-трёх научных результатов для защиты докторской или кандидатской диссертации? И здесь мы видим пробел в пунктах 9 и 10 Положения – научные результаты не конкретизированы ни для математиков, ни для отраслевиков по номенклатуре научных специальностей, что катастрофически повышает уровень неопределенности в системе оценки научных работ.

В пункте 10 лишь упоминается термин «научный результат», а в пункте 9 ничего про научные результаты не сказано, что ведет к подмене объективных критериев оценки научного труда субъективными. Примерный список объективных критериев оценки научного труда мной разработан, и опубликован в статье «Критерии оценки научного труда: их роль в научном прогрессе и обеспечении государственной безопасности» [1, С. 27–47]. Его можно принять за основу с последующим внесением изменений и дополнений уполномоченными субъектами правоотношений. В пункте 10 Положения о присуждении ученых степеней также уместно сделать ссылку на методику оценки уровня научных работ (золотое правило количественной оценки качества научных работ),

которую следует привести в приложении к Положению о присуждении ученых степеней после доработки и согласования в научном сообществе.

Список литературы

1. Ольков, С.Г. Критерии оценки научного труда, их роль в научном прогрессе и обеспечении государственной безопасности / С.Г. Ольков // Публичное и частное право. – 2017. – № 4. – С. 27–47.
2. Ольков, С.Г. Методика точного измерения температуры точки росы с помощью совокупности линейных уравнений / С.Г. Ольков, О.А. Олькова, С.С. Ольков // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2025. – № 1. – С. 66–72.
3. Lawrence, M.G. The Relationship between Relative Humidity and the Dewpoint Temperature in Moist Air : A Simple Conversion and Applications / M.G. Lawrence // The Bulletin of the American Meteorological Society (BAMS). – 2005. – Vol. 86, Iss. 2. – P. 225–233.
4. Ольков, С.Г. Теория юридической ответственности (справедливости) Олькова: от общих вопросов до вынесения приговоров : учебное пособие / С.Г. Ольков. – Донецк : Донбасский государственный университет юстиции, 2026. – 156 с.
5. Ольков, С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли / С.Г. Ольков // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 2. – С. 117–126.

УДК 342.924

**МЕСТО РЕГИСТРАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОНАДЕЛИТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ С
ЛИЦЕНЗИОННЫМ И РАЗРЕШИТЕЛЬНЫМ ПРОИЗВОДСТВАМИ**

Мария Жоржевна Серенко, аспирант кафедры административно-правовых и финансово-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: m_korosteleva@bk.ru)

В статье изложены теоретические основы административно-правового регулирования наделения правами. Раскрыты понятие и признаки регистрационного, лицензионного и разрешительного производств. Автором выделены критерии разграничения указанных производств, обоснованы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики по вопросам такого разграничения.

Ключевые слова: административные процедуры, лицензирование, наделение правами, разрешительное производство, регистрационное производство.

**PLACE OF REGISTRATION PROCEEDINGS IN THE
ADMINISTRATIVE RIGHTS-GRANTING PROCESS: THEORETICAL AND
LEGAL ASPECTS OF DISTINCTION THEM FROM LICENSING AND
PERMITTING PROCEEDINGS**

Serenko, M.G.

The article outlines the theoretical foundations of administrative and legal regulation of granting rights. The article reveals the concept and features of registration, licensing, and permitting proceedings. The author identifies the criteria for distinguishing between these proceedings and substantiates the proposed measures for improving legislation and law enforcement practices related to such differentiation.

Keywords: administrative procedures, licensing, granting rights, permitting proceedings, registration proceedings.

Актуальность темы исследования. В теории административного права существует определенная дискуссия о соотношении различных видов административных производств [1–10]. Часто лицензионное, разрешительное и регистрационное производства рассматриваются как схожие формы

государственного регулирования. Однако, сущность регистрационного производства как правонаделительного, а не ограничительного, требует более четкого теоретического разграничения. Уточнение критериев отнесения тех или иных процедур к регистрационному производству представляется актуальной задачей для правильного правоприменения и построения административных регламентов. В условиях цифровизации и упрощения процедур становится особенно важным четкое понимание правовой природы и границ каждого вида административного производства. В связи с этим, исследование особенностей разграничения регистрационного производства с лицензионным и разрешительным производствами представляется важным направлением в снижении административных барьеров и оптимизации деятельности органов государственной власти.

Анализ научных исследований. Проблема теоретического разграничения регистрационного, лицензионного и разрешительного производств занимает центральное место в трудах ведущих ученых-административистов. В работах И.В. Пановой и Ю.Н. Старилова заложены основы понимания административно- правонаделительного процесса как системы стадийных действий, направленных на наделение субъектов правами и статусами [1–4]. Современный этап дискуссии характеризуется интегративным подходом к пониманию процесса, предложенным П.И. Кононовым, который акцентирует внимание на принципах систематизации внесудебных производств [5, 6].

Существенный вклад в разграничение дефиниций внес В.К. Нехайчик, чьи исследования позволили четко соотнести понятия «административная процедура» и «административное производство», определив последнюю как совокупность целенаправленных действий [7]. Проблематика лицензирования как специфической процедуры рассматривается А.А. Краснощековым [8], а вопросы лицензионно-разрешительного производства и правового статуса его субъектов находят отражение в работах А.И. Каплунова и Е.А. Фаткина [9, 10]. Несмотря на глубину существующих изысканий, вопрос методологического разграничения учета фактов (регистрации) и подтверждения права на деятельность (лицензирования) остается актуальным и требует уточнения.

Цель статьи – определение места регистрационного производства в системе административно-правовых процедур, обоснование критериев разграничения с лицензионным и разрешительным производствами. Методологической основой научного исследования является диалектический подход к рассматриваемому вопросу с использованием общих и частных методов научного познания: дедукции и индукции, сравнительно-правового, логического, системного анализа.

Изложение основного материала. Административно-правовое регулирование в сфере наделения правами представляет собой комплекс мер, реализуемых органами исполнительной власти и иными уполномоченными субъектами, направленных на предоставление физическим и юридическим лицам определенных прав, обязанностей, статусов или иных юридически значимых возможностей. Данный вид деятельности имеет выраженный

процессуальный характер, поскольку наделение правом не является единовременным актом, а представляет собой последовательность действий, регламентированных административно-правовыми нормами. В этой связи, целесообразно говорить об административно-правонаделительном процессе.

Российские ученые (И.В. Панова, Ю.Н. Старилов и др.) к ключевым признакам административно-правонаделительного процесса относят:

- субъектный состав: участие органов исполнительной власти или иных уполномоченных органов (например, Росреестр, ФНС) с одной стороны, и физических или юридических лиц, претендующих на получение определенных прав или статусов, с другой стороны. Также возможно участие заинтересованных третьих лиц;

- целенаправленность: направленность процесса на достижение конкретной цели – предоставление (наделение) определенным правом, статусом, возможностью. Например, регистрация юридического лица направлена на наделение его правоспособностью;

- нормативность: строгая регламентация процесса нормами административного права, устанавливающими порядок действий, сроки, требования к документам и т.д.;

- стадийность: разделение процесса на последовательные стадии, включающие подачу заявления, рассмотрение документов, принятие решения, выдачу документа, подтверждающего наделение правом;

- юридические последствия: возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей у субъектов в результате завершения процесса [1, С. 167; 4, С. 10].

В рамках административно-правонаделительного процесса выделяют несколько видов производств, различающихся по целям, процедурам и юридическим последствиям. Наиболее распространенными являются регистрационное, лицензионное и разрешительное производства [2, С. 52]. Другие виды, такие как аккредитация (например, образовательных учреждений), аттестация (в частности, педагогических работников), также входят в данную категорию, но в данной статье не являются предметом исследования.

При рассмотрении особенностей регистрационного, лицензионного и разрешительного производств ключевым аспектом является соотношение понятий «административная процедура» и «административное производство». В.К. Нехайчик в своем исследовании подчеркивает, что административное производство представляет собой более широкое понятие, включающее в себя совокупность административных процедур, объединенных общей целью. Административная процедура выступает в качестве отдельного этапа или действия в рамках административного производства. Например, в рамках лицензионного производства можно выделить следующие административные процедуры: прием заявления, проверка соответствия соискателя лицензионным требованиям, принятие решения о выдаче лицензии, выдача лицензии. Таким образом, административные процедуры выступают в качестве элементов, составляющих административное производство [7, С. 119].

Регистрационное производство – это вид административно-правонаделительного производства, представляющий собой регламентированную деятельность уполномоченных органов, направленную на установление юридически значимых фактов, их учет и внесение соответствующих сведений в государственные реестры или базы данных. В результате такой регистрации факту придается юридическая значимость, признаваемая государством, и возникают определенные правовые последствия.

Признаками регистрационного производства являются:

- установление фактов: процесс направлен на подтверждение или установление существования юридически значимых фактов (например, создание юридического лица, заключение брака, приобретение права собственности на недвижимость). Установление факта может потребовать предоставления определенных документов, проведения проверки или иного способа подтверждения;

- учет: подразумевается обязательное ведение реестров и баз данных, содержащих зарегистрированные сведения. Реестры должны обеспечивать достоверность, актуальность и доступность информации;

- придание юридической значимости: имеется ввиду государственное признание факта, подтвержденного регистрацией, порождающее определенные правовые последствия. Например, юридическое лицо считается созданным с момента его государственной регистрации (ст. 51 ГК РФ [11]). Отсутствие регистрации, в большинстве случаев, делает осуществление деятельности незаконным.

В отличие от лицензионного и разрешительного производств, регистрационное производство акцентирует внимание на установлении и учете фактов, а не на предоставлении права на осуществление какой-либо деятельности или совершение каких-либо действий [3, С. 79–82].

Нормативно-правовое регулирование регистрационного производства в Российской Федерации осуществляется на основании множества нормативных актов, определяющих порядок регистрации различных фактов и событий. Основными из них являются:

1. Гражданский кодекс РФ (ГК РФ): регулирует общие вопросы регистрации юридических лиц, прав на недвижимое имущество и других объектов гражданских прав [11].

2. Федеральный закон от 08.08.2001 №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»: устанавливает порядок государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [12].

3. Федеральный закон от 13.07.2015 №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»: определяет порядок государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также порядок ведения Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) [13].

4. Семейный кодекс РФ (СК РФ): регулирует порядок государственной регистрации актов гражданского состояния (рождение, брак, расторжение брака, смерть) [14].

5. Федеральный закон от 15.11.1997 №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»: устанавливает порядок регистрации рождения, смерти брака и развода [15].

В зависимости от объекта регистрации, нормативное регулирование может существенно отличаться. Например, процесс регистрации прав на недвижимое имущество существенно отличается от процесса регистрации юридического лица.

В свою очередь, в рамках лицензионного производства – второго вида рассматриваемых административно-правонаделительных производств – реализуются административно-правовые процедуры, посредством которых уполномоченный государственный орган предоставляет физическому или юридическому лицу специальное разрешение (лицензию) на осуществление определенного вида деятельности, требующего государственного контроля и регулирования в целях обеспечения безопасности, защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства [9, С. 114–115].

Понятие лицензии в российском законодательстве закреплено в Федеральном законе от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Согласно ст.3 данного закона, лицензия – это специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности), которое подтверждается записью в реестре лицензий [16].

Ключевыми признаками лицензионного производства являются:

- специальный характер разрешения: лицензия представляет собой не просто разрешение на осуществление деятельности, а специальное разрешение, требующее соблюдения особых условий и требований;

- ограниченный вид деятельности: лицензия выдается на конкретный вид деятельности, четко определенный в законодательстве. Объем правомочий лицензиата ограничен теми рамками, которые установлены в выданной лицензии;

- обязательность государственного контроля: лицензирование применяется к видам деятельности, представляющим повышенную опасность для общества и требующим постоянного контроля со стороны государства;

- платность: выдача лицензии в большинстве случаев сопровождается уплатой государственной пошлины;

- срочность: лицензия выдается на определенный срок.

Общая совокупность лицензионных требований и условий устанавливается законом и предъявляется к лицензиатам при осуществлении лицензируемого вида деятельности. Перечень лицензионных требований зависит от конкретного вида деятельности и устанавливается соответствующими положениями о лицензировании. К числу типичных лицензионных требований

относятся, в частности, квалификационные требования к персоналу, технические требования к оборудованию и помещениям, наличие системы контроля качества [8, С. 128–129].

В рамках разрешительного производства уполномоченный государственный орган выдает разрешение на совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности, которые могут быть ограничены или запрещены в целях защиты общественных интересов, безопасности граждан, охраны окружающей среды и т.п.

Понятие разрешения в российском законодательстве четко не определено на уровне федерального закона, однако оно широко используется в различных нормативных правовых актах. Разрешение – это документ, удостоверяющий право субъекта совершить определенные действия или осуществлять определенную деятельность, которые без наличия такого разрешения были бы неправомерными [10, С. 447].

Несмотря на отсутствие легального определения, можно выделить такие ключевые признаки разрешительного производства:

- ограниченное право на совершение тех действий (деятельности), которые в общем случае являются ограниченными или запрещенными;
- публичный интерес: выдача разрешений преследует цели защиты общественных интересов, безопасности, здоровья граждан, охраны окружающей среды;
- конкретный характер: разрешение выдается на совершение конкретного действия или осуществление конкретной деятельности в определенных условиях;
- определенный срок действия разрешения, а также возможность его отзыва (аннулирования) в случае нарушения условий его выдачи или возникновения обстоятельств, угрожающих обществу [9, С. 115].

Виды разрешений весьма разнообразны и охватывают различные сферы деятельности, в частности:

- разрешение на строительство (ст. 51 Градостроительного кодекса РФ) дает право на осуществление строительства, реконструкции объектов капитального строительства;
- разрешение на ввод объекта в эксплуатацию (ст. 55 Градостроительного кодекса РФ) подтверждает соответствие построенного объекта требованиям проектной документации и нормам технических регламентов [17];
- разрешение на оружие (Федеральный закон от 13.12.1996 №150-ФЗ «Об оружии») предоставляет право на приобретение, хранение и ношение оружия [18];
- разрешение на осуществление деятельности, связанной с использованием источников ионизирующего излучения (Федеральный закон от 09.01.1996 №3-ФЗ «О радиационной безопасности населения») необходимо для работы с радиоактивными веществами и приборами [19];
- разрешение на добычу (вылов) водных биологических ресурсов (Федеральный закон от 20.12.2004 №166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении

водных биологических ресурсов») предоставляет право на добычу рыбы и других водных животных [20].

В отличие от лицензирования, разрешительное производство, как правило, относится к разовым действиям или к деятельности, не требующей постоянного государственного контроля, а лицензия предполагает систематическое осуществление деятельности.

Четкое разграничение регистрационного, лицензионного и разрешительного производств имеет принципиальное значение для обеспечения законности и эффективности государственного управления. Отсутствие четких критериев может привести к коллизиям в правоприменительной практике, создать неопределенность для субъектов правоотношений и выступить основанием для злоупотреблений со стороны органов власти. В связи с этим, по мнению автора, можно выделить такие основные критерии, позволяющие разграничить рассмотренные виды административно-правонаделительных производств:

1. Цель и задачи каждого вида производства:

- целью регистрационного производства является установление юридически значимых фактов, их учет и придание им официального статуса, а задачей – фиксация информации в государственных реестрах, обеспечивающая публичность и достоверность данных. Итак, регистрация констатирует определенное состояние или право, например, регистрация юридического лица, регистрация прав на недвижимое имущество. Это чаще всего техническая функция;

- целью лицензионного производства является обеспечение безопасности и защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства путем контроля за осуществлением определенных видов деятельности. Его задача – предотвращение потенциальных рисков, связанных с осуществлением деятельности, требующей специальной квалификации и соблюдения особых требований. Лицензия разрешает, допускает осуществление определенной деятельности при соблюдении определенных условий, например, лицензирование медицинской, образовательной деятельности;

- цель разрешительного производства – в обеспечении законности и обоснованности совершения определенных действий или осуществления определенной деятельности, которые могут быть ограничены или запрещены в целях защиты общественных интересов. Задача – оценка рисков, связанных с планируемой деятельностью, и выдача разрешения при условии соблюдения установленных требований. Разрешение санкционирует конкретное действие или деятельность, например, разрешение на строительство, разрешение на ввод объекта в эксплуатацию.

2. Юридические последствия:

- в регистрационном производстве таковым является внесение записи в государственный реестр, подтверждающее факт существования юридического лица, права собственности и т.п. Регистрация создает публичную достоверность факта или права;

– юридическим последствием в лицензионном производстве является получение лицензии, предоставляющей право на осуществление определенного вида деятельности. Нарушение лицензионных требований влечет административную ответственность;

– юридическим последствием в разрешительном производстве выступает получение разрешения, дающего право на совершение конкретного действия или осуществление конкретной деятельности. Совершение действий без разрешения влечет административную или даже уголовную ответственность.

3. Степень усмотрения административного органа:

– в регистрационном производстве степень усмотрения административного органа минимальна. Если представлены все необходимые документы, соответствующие требованиям законодательства, орган обязан осуществить регистрацию. Отказ в регистрации возможен только по основаниям, прямо предусмотренным законом;

– в лицензионном производстве степень усмотрения административного органа выше, чем в регистрационном производстве, но также ограничена законом. Орган оценивает соответствие соискателя лицензионным требованиям и условиям. Оценка может носить оценочный характер, но должна быть обоснована;

– степень усмотрения административного органа в разрешительном производстве максимальна по сравнению с предыдущими двумя видами. Орган проводит комплексную оценку рисков, связанных с планируемой деятельностью, и принимает решение о выдаче или отказе в выдаче разрешения. Усмотрение должно осуществляться в рамках закона и с учетом принципов соразмерности и разумности.

4. Критерии объекта производства:

– в регистрационном производстве объектом является юридически значимый факт, право, событие, которые подлежат учету и фиксации в государственных реестрах;

– объектом лицензионного производства является вид деятельности, представляющий повышенную опасность для общества и требующий государственного контроля;

– в разрешительном производстве объектом является конкретное действие или деятельность, совершение которой без разрешения может нанести вред общественным интересам [7; 8; 10].

Выделенные критерии и их характеристики систематизированы автором исследования в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика регистрационного, лицензионного и разрешительного производств (составлено автором)

Критерии	Регистрационное производство	Лицензионное производство	Разрешительное производство
1	2	3	4
Цель	Установление и учет юридически значимых фактов	Обеспечение безопасности при осуществлении деятельности	Обеспечение законности совершения определенных действий
Юридические последствия	Внесение записи в реестр, публичная достоверность	Получение лицензии, право на осуществление деятельности	Получение разрешения, право на совершение определенных действий
Степень усмотрения	Минимальная	Средняя	Максимальная
Объект	Юридически значимый факт, право, событие	Вид деятельности	Конкретное действие или деятельность

На практике разграничение регистрационного, лицензионного и разрешительного производств не всегда является очевидным и вызывает затруднения у правоприменителей. Так, отмечает Е.А. Фатькин в своем исследовании ключевых проблем правового регулирования субъектов лицензионного производства, споры часто возникают по поводу квалификации действий органов власти: например, является ли требование о предоставлении определенных документов перед осуществлением деятельности лицензионным требованием или разрешительной процедурой. Суды при разрешении споров исходят из целей законодательного регулирования, существа требований, предъявляемых к заявителю, и последствий несоблюдения этих требований. Так, например, в делах, связанных с оспариванием действий Росреестра, суды акцентируют внимание на том, что регистрация носит удостоверительный характер и не является разрешением на совершение сделок [10, С. 447–448].

Анализ и систематизация изложенного материала позволили автору данного исследования прийти к следующим предложениям по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики:

– уточнение дефиниций: необходимо уточнить и унифицировать определения «лицензия», «разрешение», «регистрация» в федеральном законодательстве, четко определив их признаки и отличия. Следует избегать использования этих терминов как синонимов;

– в законодательстве необходимо четко определить сферы применения каждого вида производства: какие виды деятельности подлежат лицензированию, какие действия требуют получения разрешения, а какие подлежат регистрации. Критерии отнесения к конкретному виду производства должны быть ясными и однозначными;

– необходимо разработать методические рекомендации для органов власти и правоприменителей, содержащие подробные разъяснения по вопросам разграничения регистрационного, лицензионного и разрешительного производств. В рекомендациях должны быть приведены примеры из судебной и административной практики;

– активное использование принципа «одного окна», который предполагает, что заявитель предоставляет все необходимые документы в один орган, который обеспечивает взаимодействие с другими органами, участвующими в процессе наделения правами. Это позволит снизить административные издержки и упростить процедуры.

Реализация вышеуказанных мер позволит повысить эффективность административно-правового регулирования наделения правами, обеспечить соблюдение прав и законных интересов граждан и организаций, и будет служить укреплению законности и правопорядка в Российской Федерации.

Выводы. Административно-наделительное производство в Российской Федерации играет важную роль в обеспечении безопасности и контроля за разными сферами общественной жизни. Регистрационное производство направлено на установление юридически значимых фактов, их учет и внесение в публичные реестры. Лицензионное производство предоставляет право на осуществление определенной деятельности, требующей специального контроля со стороны государства. Разрешительное производство позволяет совершать определенные действия, которые могут быть ограничены в целях защиты общественных интересов.

Для повышения эффективности рассмотренных видов производств необходимо преодолеть существующие проблемы разграничения, что требует согласованных действий со стороны государства, субъектов экономической деятельности и общественных институтов. Для корректного разграничения регистрационного, лицензионного и разрешительного производств предложены следующие критерии: цель и задачи, юридические последствия, степень усмотрения административного органа и характеристики объекта производства.

Список литературы

1. Панова, И.В. Курс административно-процессуального права России : учебное пособие / И.В. Панова ; научный редактор Э.Н. Ренов. – Саратов : Научная книга, 2003. – 566 с.
2. Панова, И.В. Административно-процессуальное право России : монография / И.В. Панова. – 4-е изд., пересмотр. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2016. – 288 с.
3. Панова, И.В. Административно-процессуальное право : монография / И.В. Панова, А.Б. Панов. – 5-е изд., пересмотр. и доп. – Москва : Центр публичного права ; Саратов : Наука, 2025. – 831 с.
4. Старилов, Ю.Н. Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации – важнейший этап судебной реформы и модернизации административно-процессуального законодательства /

- Ю.Н. Старилов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. – 2015. – №2. – С. 8–15.
5. Кононов, П.И. Несколько тезисов в поддержку интегративного понимания административного процесса / П.И. Кононов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – №3. – С. 328–338.
 6. Кононов, П.И. Принципы современного внесудебного административного процесса (административного производства) : проблемы понимания и систематизации / П.И. Кононов, В.А. Зюзин // Правосудие. – 2020. – №3. – С. 119–145.
 7. Нехайчик, В.К. Административный процесс и административное производство: проблемы соотношения и правового регулирования / В.К. Нехайчик // Вестник Сургутского государственного университета. – 2025. – №3. – С. 116–127.
 8. Краснощеков, А.А. К вопросу о понятии и сущности лицензирования отдельных видов деятельности как разновидности административных процедур / А.А. Краснощеков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – №3. – С. 127–133.
 9. Каплунов, А.И. Административно-процессуальное право / А.И. Каплунов. – Санкт-Петербург : Р-КОПИ, 2017. – 210 с.
 10. Фатькин, Е.А. Проблемы правового регулирования субъектов лицензионно-разрешительного производства / Е.А. Фатькин // Молодой ученый. – 2024. – №22 (521). – С. 447–448.
 11. Гражданский кодекс Российской Федерации : Федеральный закон №51-ФЗ : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года: в актуальной редакции. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 26.03.2026).
 12. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон №129-ФЗ : [принят Государственной Думой 13 июля 2001 года : в актуальной редакции]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/ (дата обращения: 26.03.2026).
 13. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон №218-ФЗ : [принят Государственной Думой 3 июля 2015 года : в актуальной редакции] – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 26.03.2026).
 14. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон №223-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года: редакция от 23 ноября 2024 года (с изменениями от 30 октября 2025 года)]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 26.03.2026).

15. Об актах гражданского состояния : Федеральный закон №143-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 октября 1997 года : в актуальной редакции]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения: 26.03.2026).
16. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон №99-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 апреля 2011 года: в актуальной редакции]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 26.03.2026).
17. Градостроительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон №190-ФЗ : [принят Государственной Думой 22 декабря 2004 года : редакция от 31 июля 2025 года]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 26.03.2026).
18. Об оружии : Федеральный закон №150-ФЗ : [принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года : в актуальной редакции]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 26.03.2026).
19. О радиационной безопасности населения : Федеральный закон №3-ФЗ : [принят Государственной Думой 5 декабря 1995 года : в актуальной редакции]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8797/ (дата обращения: 26.03.2026).
20. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : Федеральный закон №166-ФЗ : [принят Государственной Думой 26 ноября 2004 года: в актуальной редакции]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (дата обращения: 26.03.2026).

УДК 347.63

**ПРАВОВАЯ АСИММЕТРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСТВА
ОДИНОКИМИ МУЖЧИНАМИ И ОДИНОКИМИ ЖЕНЩИНАМИ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Андрей Габриелян, кандидат юридических наук, Межгосударственная образовательная организация высшего образования «Российско-Армянский университет» (Республика Армения, г. Ереван)
(e-mail: AndriiY.Habrelian@gmail.com)

В статье исследуется правовая асимметрия реализации родительства одинокими мужчинами и женщинами в Российской Федерации. Анализируются нормы о вспомогательных репродуктивных технологиях, суррогатном материнстве, установлении происхождения ребенка, определении его места жительства и алиментных обязательствах. Обосновываются направления законодательной коррекции, ориентированные на равенство родителей и защиту интересов ребенка.

Ключевые слова: родительство, правовая асимметрия, одинокие мужчины и женщины, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство.

**LEGAL ASYMMETRY IN THE EXERCISE OF PARENTHOOD
BY SINGLE MEN AND SINGLE WOMEN IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Habrelian, A.

The article examines the legal asymmetry in the exercise of parenthood by single men and women in the Russian Federation. It analyzes the rules governing assisted reproductive technologies, surrogacy, determination of a child's parentage, residence, and alimony obligations. The author proposes directions for legislative reform aimed at ensuring parental equality and protecting the best interests of the child.

Keywords: parenthood, legal asymmetry, single men and women, assisted reproductive technologies, surrogacy.

Актуальность темы исследования. Современное репродуктивное право уже не ограничивается медицинским регулированием: в этой сфере пересекаются конституционные гарантии равенства, автономия личности, право на семейную жизнь и интересы ребенка. Для российского правового порядка эта

проблематика имеет особое значение, поскольку Конституция Российской Федерации декларирует не только формальное равенство, но и необходимость обеспечения равных возможностей для реализации родительства. Вместе с тем действующее законодательство демонстрирует нормативную конструкцию, при которой декларируемое Основным законом равноправие не во всех случаях трансформируется в равенство репродуктивных возможностей. Ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] прямо предусматривает право одинокой женщины на применение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) при наличии ее информированного добровольного согласия. Одновременно правовая модель суррогатного материнства в действующей редакции закона не создает гендерно нейтрального автономного механизма реализации родительства, поскольку доступ к данной программе зависит от пола, семейного положения и предусмотренной законом конфигурации участников репродуктивной программы. В связи с этим возникает вопрос, соответствует ли подобная дифференциация конституционному смыслу принципа равенства и не формирует ли она структурно асимметричную модель реализации права на родительство.

В отечественной юридической науке достаточно подробно исследованы отдельные аспекты вспомогательных репродуктивных технологий, суррогатного материнства, равенства прав родителей, алиментных обязательств и определения места жительства ребенка. Однако их совокупное системное действие исследовано значительно слабее. Между тем именно сочетание норм репродуктивного, семейного и конституционного права позволяет увидеть не изолированные частные проблемы, а целостную правовую модель, в которой формальное равенство может сосуществовать с фактической асимметрией возможностей мужчин и женщин при реализации родительства.

Анализ научных исследований. Правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий, суррогатного материнства, установления происхождения детей и реализации репродуктивных прав лицами, не состоящими в браке, являются предметом исследований в области конституционного, семейного, гражданского и медицинского права. Отдельные аспекты указанной тематики исследовали С.В. Алборов, Д.А. Белова, Е.Е. Богданова, А.Н. Левушкин, А.С. Назарова, С.О. Рубцова, Н.С. Румянцева, В.В. Самойлова, Е.А. Усачева, О.А. Хазова, Д.В. Шепелева. Между тем правовая асимметрия реализации родительства одинокими мужчинами и одинокими женщинами до настоящего времени не получила комплексной научной разработки, охватывающей как доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям и суррогатному материнству, так и установление происхождения ребенка, осуществление родительских прав после распада семьи и исполнение алиментных обязательств.

Цель исследования – определить, в какой мере российское регулирование вспомогательных репродуктивных технологий и суррогатного материнства

формирует асимметричную модель реализации родительства, а также обосновать необходимость ее точечной правовой коррекции.

Изложение основного материала.

Конституционно-правовые основания и асимметрия действующей модели регулирования родительства.

Исходной точкой анализа выступает конституционный принцип равенства, который в рассматриваемой сфере имеет не только декларативное, но и непосредственно прикладное значение. Ст. 19 Конституции РФ закрепляет, что все равны перед законом и судом, государство гарантирует равенство прав и свобод независимо от пола, а мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. В свою очередь, ст. 38 Конституции РФ устанавливает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей [2]. Таким образом, конституционная модель одновременно охраняет материнство и исходит из равенства родительского статуса, что требует рассматривать право на родительство не как производное исключительно от биологических различий, а как сферу, в которой должно обеспечиваться равенство возможностей мужчин и женщин. Поэтому речь идет не о противопоставлении материнства и отцовства, а в том, что охрана материнства не должна автоматически превращаться в нормативное умаление возможностей отцовства, если речь идет об однородном по своей цели интересе – реализации родительства.

С этой точки зрения действующее регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в РФ демонстрирует внутренне асимметричную конструкцию. Ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ определяет ВРТ как методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство [1]. При этом ч. 3 данной статьи закрепляет, что мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, вправе применять ВРТ при наличии обоюдного информированного добровольного согласия, однако право на применение ВРТ в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, не состоящих в браке. Одновременно закон прямо указывает, что одинокая женщина также имеет право на применение ВРТ при наличии ее информированного добровольного согласия. Тем самым законодатель формирует модель, в которой одинокая женщина обладает автономным правовым каналом достижения материнства в рамках ВРТ, тогда как одинокий мужчина не располагает сопоставимым автономным механизмом достижения биологического отцовства. Более того, доступ к суррогатному материнству в целом не выстроен как гендерно нейтральный механизм автономного родительства. Следовательно, асимметрия обусловлена не собственно биологическими различиями, а правовой конструкцией допустимых моделей родительства.

Разумеется, возможен контраргумент, на который, по существу, и опирается действующая законодательная логика. Его суть заключается в том, что использование донорского репродуктивного материала и суррогатное материнство не являются тождественными юридическими конструкциями. В первом случае речь идет о применении донорских половых клеток в рамках медицинского вмешательства, затрагивающего самого получателя услуги; во втором – о вынашивании и рождении ребенка с участием суррогатной матери, то есть о модели, предполагающей длительное телесное участие третьего лица. Такое различие действительно существует и не может игнорироваться. Однако различие между этими механизмами само по себе не доказывает конституционную оправданность отсутствия гендерно нейтрального режима автономного родительства через суррогатное материнство. Иначе говоря, нормативная разница между донорством половых клеток и суррогатным материнством сама по себе не снимает вопроса о соразмерности законодательно избранного ограничения. Даже если суррогатное материнство объективно представляет собой более сложную и этически чувствительную конструкцию, это не означает, что регулирование должно строиться на выборочном допуске одних субъектов и полном исключении других.

Именно в этом и проявляется основное противоречие действующего регулирования: при формальном признании равенства мужчин и женщин российское право допускает отдельные формы автономного материнства, но не создает универсальной гендерно нейтральной модели автономного родительства, включая возможность обращения к суррогатному материнству при соблюдении специальных медицинских, психологических, юридических и этических гарантий. В этой связи значение имеет не биологическая идентичность мужского и женского родительства, а соответствие действующей дифференциации требованиям равенства, разумности и соразмерности. В указанной постановке проблема выходит за пределы частного спора о репродуктивных технологиях и превращается в вопрос о системной согласованности конституционного принципа равноправия с действующей моделью семейно-правового и медицинского регулирования.

Статистический и судебно-практический контекст асимметрии действующей модели регулирования родительства.

Выявленная асимметрия не ограничивается стадией допуска к вспомогательным репродуктивным технологиям. Она продолжает проявляться и после возникновения семьи, особенно в ситуации распада брака, когда вопрос о юридическом статусе отца смещается из плоскости формального родительства в плоскость фактического участия в повседневной жизни ребенка. В этом смысле анализ должен учитывать не только нормы о ВРТ и суррогатном материнстве, но и более широкий институциональный фон, включающий устойчивость брака, масштабы семейных споров и характер судебной практики по делам о детях. Именно совокупность этих факторов позволяет увидеть, что речь идет не о разрозненных частных затруднениях, а о системной модели распределения репродуктивных и пострепродуктивных рисков.

Исходным эмпирическим индикатором выступает нестабильность брака как социально-правового института. По последним доступным полным годовым данным Росстата, в 2024 году в РФ зарегистрировано 880 тыс. браков и 644,5 тыс. разводов [3]. На этом основании можно определить, что на каждые 100 зарегистрированных браков в пределах календарного года пришлось около 73,2 разводов. При этом более поздние открытые промежуточные данные за I квартал 2025 года свидетельствуют о сохранении высокого уровня брачно-семейной нестабильности: за январь-март 2025 года было зарегистрировано 151,4 тыс. браков и 117,1 тыс. разводов [4], что составляет около 77,3 развода на 100 браков. Данный показатель не выражает вероятность распада конкретного брака, поскольку сопоставляет браки и разводы, относящиеся к разным семейным союзам и разным периодам их существования. В этом смысле он характеризует не судьбу одних и тех же семей, а общее состояние института брака и может использоваться лишь как индикатор его институциональной нестабильности. Если брак статистически выступает нестабильной формой организации семейной жизни, то для мужчины, чье биологическое отцовство в действующей правовой модели, как правило, опосредовано отношениями с женщиной, уже на этой стадии возникает повышенный риск утраты контроля над будущей моделью реализации отцовства.

Указанный вывод подтверждается и судебной статистикой. По последнему опубликованному годовому обзору судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, в 2024 году мировыми судьями рассмотрено 466,5 тыс. дел о расторжении брака и 160,9 тыс. дел о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей [5]. Одновременно среди дел, возникающих из семейных отношений и рассматриваемых районными судами, значительное место занимают споры, непосредственно связанные с перераспределением повседневного родительства после распада семьи: споры, связанные с воспитанием детей, составили 35,4 тыс. дел, причем 44% из них пришлись на споры о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей [5, С. 56]. Эти цифры позволяют сделать принципиальный вывод: после распада семьи споры о проживании, воспитании и содержании ребенка являются не исключением, а массовым правовым явлением, встроенным в функционирование семейно-правовой системы.

При анализе этой статистики важно учитывать одно обстоятельство. Российское право не содержит прямой нормы, устанавливающей, что ребенок при раздельном проживании родителей должен оставаться с матерью. Напротив, Верховный Суд РФ указывает, что при разрешении спора об определении места жительства несовершеннолетних детей суд должен исходить из равенства прав и обязанностей отца и матери, интересов ребенка и обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, если это не противоречит его интересам [6]. На нормативном уровне регулирование выглядит сбалансированным. Однако равенство правовых формул не всегда совпадает с фактическими исходами семейных споров. Еще в обобщении судебной практики Верховный Суд РФ прямо отмечал, что «в большинстве случаев» место

жительства детей определяется с их матерью, одновременно фиксируя тенденцию роста числа случаев определения места жительства ребенка с отцом [6]. В открытых источниках также подчеркивается, что полноценная общероссийская статистика по исходам таких споров в разрезе «с матерью / с отцом» отсутствует, поскольку соответствующая категория дел касается несовершеннолетних, а персональные данные сторон не раскрываются [7]. Поэтому для целей настоящего исследования принципиально важно не подменять официальную статистику экспертными оценками, но и не игнорировать устойчиво отмечаемое практическое тяготение к материнской модели проживания ребенка. Так, советник Федеральной палаты адвокатов РФ С. Макаров, основываясь на практике, указывал, что при наличии встречных требований обоих положительно характеризующихся родителей примерно в 95% случаев суды оставляют ребенка с матерью [8]. Близкая по смыслу экспертная оценка приведена и в юридическом комментарии Forbes Woman: при аналогичной постановке спора в пользу мужчин выносятся не более 5-6% решений [7]. Эти цифры не являются официальной судебной статистикой, поэтому их следует использовать только как экспертные ориентиры. Вместе с тем они позволяют обосновать использование специального аналитического показателя, описывающего общий институциональный риск фактического вытеснения отца из модели повседневного родительства после распада семьи.

Дополнительную конкретизацию указанного вывода дает судебная практика Верховного Суда РФ. Как было отмечено выше, на уровне закона и разъяснений высшей судебной инстанции спор о месте жительства ребенка должен разрешаться не по полу родителя, а исходя из интересов ребенка, равенства родительских прав и учета мнения ребенка в установленных законом случаях. Однако на уровне нижестоящего правоприменения сохраняется риск воспроизводства фактического приоритета матери даже вопреки этим ориентирам. Отчасти такая правоприменительная инерция связана с традиционным обращением к принципу 6 Декларации прав ребенка 1959 года, в котором закреплено положение о том, что малолетний ребенок не должен, кроме исключительных обстоятельств, быть разлучаем со своей матерью [9]. Вместе с тем в современной семейно-правовой логике данная формула не может рассматриваться как самостоятельная презумпция материнского приоритета.

Эту проблему иллюстрирует дело № 16-КГ23-20-К4, рассмотренное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ по спору об определении места жительства ребенка и по встречному иску об определении места жительства ребенка и взыскании алиментов [10]. В данном деле суд первой инстанции, учитывая фактическое проживание ребенка с отцом, надлежащее исполнение им родительских обязанностей и желание дочери остаться с ним, определил место жительства ребенка с отцом. Апелляция, напротив, сослалась на отсутствие «исключительных обстоятельств» для разлучения дочери с матерью, фактически воспроизведя материнскую презумпцию. Верховный Суд РФ признал такой подход ошибочным, указав, что формальная ссылка на принцип 6 Декларации прав ребенка 1959 года без учета отношения ребенка к

каждому из родителей, его психологического состояния, мнения ребенка и принципа равенства прав и обязанностей родителей является недопустимой [11]. Тем самым Верховный Суд РФ фактически ограничил возможность механического применения указанной международно-правовой формулы и подтвердил, что спор о месте жительства ребенка не может разрешаться исходя из пола родителя.

Следовательно, речь не идет о наличии прямо установленной в российском законодательстве «судебной презумпции матери». Корректнее говорить о фактически наблюдаемой асимметрии повседневного родительства, возникающей из сочетания высокой конфликтности семейных споров, ограниченной статистической прозрачности их итогов, экспертно отмечаемого тяготения части правоприменения к проживанию ребенка с матерью и судебных ситуаций, в которых Верховный Суд РФ корректирует механическое воспроизведение материнского приоритета. Для обобщающего описания совокупного действия этих факторов в настоящем исследовании предлагается использовать иллюстративный индекс правовой асимметрии:

$$\text{ИПА} = \text{Кнб} \times \text{Км}, (1)$$

где, Кнб – коэффициент институциональной нестабильности брака, рассчитываемый как отношение числа разводов к числу зарегистрированных браков за соответствующий календарный период;

Км – коэффициент практического тяготения споров о повседневном родительстве к модели проживания ребенка с матерью.

В качестве первого множителя используется авторский расчет на основе официальных данных Росстата за 2024 год: 644,5 тыс. разводов / 880 тыс. браков = 0,732 [3]. В качестве второго множителя применяется рабочая экспертно-практическая оценка на уровне 0,94-0,95, используемая здесь исключительно как эвристическая величина для описания устойчиво отмечаемого асимметричного распределения повседневного родительства в конфликтных семейных спорах [7; 8]. В результате произведение указанных показателей дает диапазон 0,688-0,696, то есть 68,8-69,6%. При этом ИПА не выражает вероятность исхода для каждого конкретного мужчины и не является строгим демографическим, социологическим или процессуально-статистическим показателем. Его назначение является иным: он служит иллюстративным показателем институционального риска утраты статуса повседневного родителя в условиях высокой брачной нестабильности и выраженной асимметрии фактических исходов семейных конфликтов. Поэтому ИПА следует рассматривать не как доказательство индивидуальной предопределенности результата, а как аналитическую модель, позволяющую наглядно показать совокупное действие двух факторов – нестабильности брака и практического тяготения судебных споров к материнской модели проживания ребенка.

С учетом изложенного можно сделать промежуточный вывод, имеющий принципиальное значение для всей статьи. Даже если оставить в стороне вопрос о формировании гендерно нейтрального доступа к суррогатному материнству, действующая модель семейно-правового регулирования уже сама по себе

помещает мужчину в ситуацию повышенного институционального риска. Этот риск складывается из трех взаимосвязанных элементов: статистически высокой нестабильности брака, массового характера споров о детях и алиментах, а также практической асимметрии распределения повседневного родительства после распада семьи. Следовательно, проблема равенства возможностей мужчин и женщин в сфере родительства не ограничивается доступом к репродуктивным технологиям, а охватывает весь жизненный цикл семейного правоотношения.

Правовые последствия действующей модели регулирования родительства.

Формальное закрепление равенства мужчин и женщин в конституционном и семейном законодательстве само по себе не устраняет различий в реальных возможностях реализации родительства. В результате лицо, заинтересованное в автономной реализации генетического родительства вне устойчивого союза с другим лицом, оказывается зависимым не только от собственной воли, но и от предусмотренной законодателем конфигурации допустимой репродуктивной модели. Для одинокого мужчины это выражается в отсутствии самостоятельного канала достижения биологического отцовства через суррогатное материнство, а для женщины – в ограниченности выбора, если она желает стать генетической матерью, но не готова либо не считает возможным самостоятельно вынашивать ребенка. Следовательно, проблема заключается не в «привилегированности» женщины как таковой, а в отсутствии универсального гендерно нейтрального механизма автономного родительства.

Указанная асимметрия не исчерпывается стадией рождения ребенка, а продолжается после возникновения семейного правоотношения. Семейный кодекс РФ закрепляет равенство прав и обязанностей родителей, а также устанавливает, что место жительства ребенка при раздельном проживании родителей определяется соглашением родителей, а при отсутствии соглашения – судом с учетом интересов ребенка и мнения ребенка (п.1 ст.61, п.3 ст. 65 СК РФ) [12]. Однако, как было показано выше, формальная симметрия родительских прав не всегда трансформируется в симметрию фактического участия родителей в повседневной жизни ребенка. После распада семьи один из родителей нередко переходит из положения повседневно включенного родителя в положение родителя регламентированного общения.

Поэтому правовые последствия действующей модели проявляются не только в отсутствии гендерно нейтрального механизма автономного родительства через суррогатное материнство, но и в последующем перераспределении повседневных и финансовых родительских функций. В этом смысле проблема правовой асимметрии охватывает весь жизненный цикл родительства: от допуска к репродуктивной технологии и установления происхождения ребенка до определения модели его проживания, участия родителей в воспитании и исполнения алиментных обязательств.

Еще одним проявлением правовой асимметрии является действующая алиментная модель. Семейный кодекс РФ исходит из обязанности родителей содержать несовершеннолетних детей, а также закрепляет, что суммы,

причитающиеся ребенку в качестве алиментов, поступают в распоряжение родителей или лиц, их заменяющих, и должны расходоваться на содержание, воспитание и образование ребенка; при этом по требованию родителя, обязанного уплачивать алименты, суд вправе определить перечисление не более 50% соответствующих сумм на счета, открытые на имя несовершеннолетних детей в банках (п. 1 ст. 80, п. 2 ст. 60 СК РФ) [12]. В ситуации раздельного проживания родителей данная конструкция, как правило, означает, что алиментные средства фактически поступают в распоряжение того родителя, с которым проживает ребенок. Такая модель ориентирована на защиту интересов несовершеннолетнего, однако не создает развернутого режима финансовой прозрачности получателя алиментов перед плательщиком. В результате обязанность одного родителя по регулярному предоставлению содержания и фактическое распоряжение соответствующими средствами другим родителем оказываются институционально разведенными, что усиливает ощущение правовой асимметрии.

Масштаб практической значимости алиментной проблематики подтверждается не только количеством судебных дел, но и объемом соответствующих денежных потоков. По последнему опубликованному годовому обзору судебной статистики, в 2024 году мировыми судьями было рассмотрено 160,9 тыс. дел о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей [5, С. 64]. Одновременно, по данным ФССП России, в 2024 году в рамках исполнительного производства было взыскано 92 млрд руб. алиментных платежей, тогда как в 2023 году соответствующий показатель составлял 66,5 млрд руб. [13]. В 2025 году объем взысканных алиментов увеличился до 110,3 млрд руб. [14]. Вместе с тем указанные данные характеризуют прежде всего сферу принудительного исполнения алиментных обязательств и не отражают всего объема алиментов, фактически уплачиваемых в Российской Федерации. Существенная часть алиментных платежей может осуществляться добровольно, по соглашению родителей, на основании нотариального соглашения либо путем исполнения судебного акта без обращения к судебным приставам. Совокупный объем таких добровольных выплат в открытой официальной статистике отдельно не выделяется, что дополнительно подтверждает ограниченную прозрачность алиментной модели, как с точки зрения финансового контроля, так и с точки зрения эмпирической оценки реального содержания ребенка после распада семьи.

В совокупности это позволяет сделать общий вывод: сочетание отсутствия гендерно нейтрального механизма автономного родительства через суррогатное материнство, высокой институциональной нестабильности брака, значительного числа споров о месте жительства детей, массовости алиментных дел и подтверждаемой судебной практикой склонности части судов к фактическому предпочтению материнской модели проживания ребенка свидетельствует о наличии системной проблемы равенства возможностей мужчин и женщин при реализации права на родительство в РФ. Речь идет не о противопоставлении отцовства материнству, а о том, что действующая модель, сохраняя язык

формального равенства, допускает асимметричное распределение репродуктивных, повседневно-родительских и финансовых рисков. Именно это обстоятельство и обосновывает необходимость дальнейшей точечной законодательной коррекции модели регулирования родительства.

Направления законодательной коррекции модели регулирования родительства.

С учетом выявленной асимметрии наиболее обоснованным представляется не дополнительное декларативное закрепление равенства, а адресное изменение тех норм, в которых формально признанный принцип равноправия трансформируется в различие реальных правовых возможностей. Такая коррекция должна быть комплексной, поскольку проблема проявляется не только на стадии допуска к вспомогательным репродуктивным технологиям, но и на последующих стадиях.

Первое направление связано с изменением ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ. В действующей редакции данная норма допускает применение вспомогательных репродуктивных технологий одинокой женщиной, но не формирует сопоставимого автономного механизма биологического отцовства для одинокого мужчины. Вместе с тем устранение выявленной асимметрии не должно сводиться только к включению одинокого мужчины в число субъектов, имеющих доступ к суррогатному материнству. Более последовательным решением представляется формирование гендерно нейтральной модели автономного родительства, при которой право на обращение к программе суррогатного материнства может принадлежать совершеннолетнему дееспособному лицу независимо от пола, семейного положения и наличия устойчивого союза с другим лицом, при соблюдении специально установленных медицинских, психологических, юридических и этических гарантий.

Такой подход позволил бы снять значительную часть внутренних противоречий действующего регулирования. Если законодатель признает, что женщина вправе самостоятельно принимать решение о материнстве с использованием ВРТ, то последовательное понимание принципа равенства требует признания автономного репродуктивного выбора не только за женщиной, но и за мужчиной. Одновременно женщина не должна быть ограничена исключительно моделью самостоятельного вынашивания беременности, если она желает стать генетической матерью, но по медицинским, психологическим, профессиональным, возрастным или иным заслуживающим внимания обстоятельствам не готова или объективно не может самостоятельно вынашивать ребенка. В этом случае речь идет не о противопоставлении материнства и отцовства, а о признании репродуктивной автономии как общей правовой ценности, принадлежащей человеку независимо от пола.

При этом расширение доступа к суррогатному материнству не должно означать его коммерциализацию вне надлежащего правового контроля. Напротив, чем шире круг лиц, допускаемых к такой программе, тем более строгими должны быть гарантии законности, добровольности и безопасности ее реализации. Поэтому гендерно нейтральная модель суррогатного материнства

должна предполагать обязательное информированное добровольное согласие всех участников, медицинское и психологическое консультирование, проверку отсутствия обстоятельств, создающих риск для интересов будущего ребенка, договорное оформление отношений с суррогатной матерью, запрет эксплуатации и принуждения, а также заранее установленный порядок государственной регистрации происхождения ребенка. Такая конструкция позволила бы перевести проблему из режима выборочного допуска отдельных субъектов в режим универсального, но строго контролируемого регулирования автономного родительства.

Дополнительным аргументом в пользу контролируемого, а не запретительного подхода является экономико-организационная специфика различных репродуктивных моделей. Открытые прайсы медицинских организаций и специализированных агентств показывают, стоимость программ суррогатного материнства в РФ обычно исчисляется миллионами рублей: в одних рыночных материалах общий объем расходов указывается на уровне 3,5-5,5 млн руб., в московских клинических программах – около 5,2-5,3 млн руб., а расширенные пакеты могут достигать 6,2-8,2 млн руб. и более [15; 16; 17]. Для сравнения, внутриматочная инсеминация с использованием донорской спермы, доступная одинокой женщине, является существенно менее затратной процедурой: по открытому прайсу клиники «Эмбрион» программа ВМИ со спермой донора составляет 61 тыс. руб., включая медицинскую часть и одну порцию криоконсервированной донорской спермы [18]. Отдельные банки донорского материала указывают стоимость донорской спермы российского донора, как правило, в пределах 27-45 тыс. руб. за образец в зависимости от его типа и характеристик [19]. Даже ориентировочное сопоставление стоимости показывает существенную разницу между указанными моделями. Минимальный ориентир программы суррогатного материнства в 3,5 млн руб. превышает стоимость ВМИ со спермой донора стоимостью 61 тыс. руб. примерно в 57 раз; программа стоимостью 5,2-5,3 млн руб. – примерно в 85-87 раз; расширенный пакет стоимостью 6,2-8,2 млн руб. – примерно в 102-134 раза. Если же сопоставлять стоимость суррогатного материнства только со стоимостью донорской спермы как репродуктивного материала, то разрыв становится еще более значительным: нижний ориентир в 3,5 млн руб. превышает стоимость образца донорской спермы за 27-45 тыс. руб. примерно в 78-130 раз.

Разумеется, приведенные данные не являются официальной государственной статистикой и зависят от региона, клиники, числа попыток, объема медицинского сопровождения, юридического оформления и иных условий конкретной программы. Однако даже на уровне ориентировочных рыночных значений видно, что суррогатное материнство и внутриматочная инсеминация с донорской спермой относятся к несопоставимым по стоимости и организационной сложности репродуктивным моделям. Поэтому участие лица в программе суррогатного материнства, как правило, свидетельствует о заранее сформированном и экономически обеспеченном репродуктивном намерении: сама структура такой процедуры предполагает предварительную подготовку,

значительные финансовые затраты, длительное медицинское и юридическое сопровождение, а также осознанное принятие будущего родительского статуса. Вместе с тем экономическая состоятельность не должна превращаться в самостоятельный критерий допуска к родительству; она может рассматриваться лишь как косвенный показатель серьезности намерения, тогда как решающее значение должны иметь законность программы, медицинские и психологические условия допуска, защита прав суррогатной матери и стабильность правового статуса ребенка.

Второе направление предполагает создание специального семейно-правового и регистрационного механизма установления происхождения ребенка и государственной регистрации родительства лица, воспользовавшегося гендерно нейтральной программой суррогатного материнства. Изменение ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ само по себе не может рассматриваться как достаточная мера, поскольку право, признанное на медицинской стадии, останется неполным без ясного порядка семейно-правового оформления происхождения ребенка. По этой причине одновременно требуется коррекция ст. 51 Семейного кодекса РФ [12] и положений Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [20]. В семейном законодательстве следует прямо закрепить возможность записи лица, воспользовавшегося законно проведенной программой суррогатного материнства, в качестве единственного родителя ребенка – матери или отца в зависимости от пола, генетической связи и установленной законом регистрационной модели. Такая запись должна допускаться при наличии договора суррогатного материнства, документов медицинской организации, подтверждения соблюдения установленного порядка применения ВРТ и согласия суррогатной матери на соответствующую государственную регистрацию. Одновременно необходимо нормативно ограничить возможность последующего оспаривания такой записи, если иное не обусловлено прямо названными в законе исключительными обстоятельствами, поскольку стабильность правового статуса ребенка должна иметь приоритетное значение. В регистрационном законодательстве, в свою очередь, следует закрепить специальный порядок подачи заявления о рождении и внесения сведений о родителях в подобной ситуации, чтобы исключить зависимость правового статуса ребенка от неопределенности административной практики.

Третье направление касается усиления гарантий реального участия отдельно проживающего родителя в жизни ребенка после распада семьи. Проведенный анализ показывает, что структурная асимметрия не исчерпывается репродуктивной стадией, а продолжается в сфере перераспределения повседневного родительства. Семейный кодекс РФ уже закрепляет равенство прав и обязанностей родителей и требует определять место жительства ребенка исходя из его интересов. В этих условиях целесообразно нормативно развивать подход, согласно которому значимое участие обоих родителей в воспитании ребенка должно рассматриваться как обычная и предпочтительная модель, если иное не вытекает из конкретных обстоятельств дела и интересов ребенка.

Одним из возможных инструментов такого развития может стать законодательное закрепление модели совместного воспитания ребенка после расторжения брака. При этом в контексте российского права корректнее говорить не о «совместной опеке» в буквальном смысле, поскольку опека и попечительство традиционно связаны с устройством детей, оставшихся без попечения родителей, а о модели совместного воспитания или поочередного проживания ребенка с каждым из родителей. Такой подход уже получил законопроектное оформление: в Государственную Думу внесен проект федерального закона № 1169168-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», направленный на определение условий установления и осуществления порядка совместного воспитания детей родителями, расторгающими брак [21; 22].

Содержательно такая модель могла бы предусматривать, что при отсутствии соглашения родителей суд не ограничивается выбором одного «основного» места жительства ребенка, а оценивает возможность установления индивидуального графика его проживания и воспитания с каждым из родителей. Такой график должен определяться с учетом возраста ребенка, его мнения при достижении установленного законом возраста, территориальной близости жилья родителей, режима обучения, состояния здоровья, психологической привязанности, фактической включенности каждого из родителей в жизнь ребенка, а также заключения органа опеки и попечительства. В то же время совместное воспитание не должно превращаться в механическую обязанность суда и не может применяться при наличии обстоятельств, создающих угрозу интересам ребенка: насилия, злоупотребления родительскими правами, уклонения от воспитания, отсутствия надлежащих жилищных условий, значительной территориальной удаленности родителей или иных обстоятельств, делающих поочередное проживание объективно невозможным.

Для реализации такой модели необходимо более подробно урегулировать процессуальные механизмы исполнения решений о порядке общения и совместного воспитания ребенка, включая сроки исполнения, способы контроля, ответственность за систематическое воспрепятствование общению и возможность оперативного судебного реагирования на действия, фактически исключающие одного из родителей из повседневной жизни ребенка. Такая коррекция не подрывает принцип приоритета интересов ребенка, а, напротив, способствует его реализации через сохранение максимально возможной двусторонней родительской включенности и переход от модели «родителя проживания» и «родителя общения» к модели реального участия обоих родителей в воспитании ребенка.

Четвертое направление связано с корректировкой алиментной модели, поскольку именно в ней наиболее остро проявляется разрыв между равной обязанностью родителей по содержанию ребенка и отсутствием симметричных механизмов проверки исполнения этой обязанности. Действующее семейное законодательство исходит из того, что оба родителя обязаны содержать несовершеннолетних детей, а суммы алиментов поступают в распоряжение

родителей или лиц, их заменяющих, и должны расходоваться на содержание, воспитание и образование ребенка. Одновременно закон допускает перечисление по решению суда не более половины алиментов на счет ребенка [12]. Эта конструкция, с одной стороны, уже признает возможность имущественного обособления части средств в интересах самого несовершеннолетнего, но, с другой стороны, не позволяет в полной мере оценить, действительно ли родитель, получающий алименты, участвует в материальном обеспечении ребенка соразмерно своей равной обязанности и используются ли полученные средства именно в интересах ребенка.

Вследствие этого представляется целесообразным дополнить Семейный кодекс РФ специальной нормой о контроле за использованием алиментов и подтверждении участия обоих родителей в содержании ребенка. Такая норма должна строиться не на универсальной обязанности тотального отчета по каждому алиментному делу, а на дифференцированном и многоуровневом подходе. В обычных случаях должна сохраняться презумпция добросовестного расходования алиментных средств в интересах ребенка. Однако в делах, где размер алиментов существенно превышает типичный объем повседневных расходов несовершеннолетнего, при наличии обоснованных данных о возможном нецелевом использовании средств либо при принятии судом решения о перечислении части алиментов на счет ребенка, суд должен иметь право устанавливать специальный порядок финансовой прозрачности.

Содержательно такая модель должна включать стандартизированную отчетность о расходовании полученных алиментов и подтверждение участия родителя, с которым проживает ребенок, в его содержании за счет собственных средств либо в иной документируемой форме. Речь может идти не только о прямом внесении денежных сумм, но и об оплате жилья, питания, лечения, обучения, ухода, транспорта, одежды, кружков, секций и иных расходов, объективно связанных с интересами ребенка. При этом предметом оценки должны выступать не личные траты родителя как таковые, а обеспечение уровня содержания ребенка, соразмерного совокупному участию обоих родителей. Подобная конструкция отражала бы не идею формального денежного равенства, а идею подтверждаемого и добросовестного участия обоих родителей в исполнении общей обязанности по содержанию несовершеннолетнего.

Не менее важным является вопрос о последствиях доказанного систематического нецелевого расходования алиментов. Здесь законодательная коррекция должна быть построена на принципе соразмерности. Само по себе установление факта недобросовестного использования средств не должно автоматически влечь изменение места жительства ребенка, поскольку семейное законодательство требует исходить прежде всего из его интересов, а преимущество одного из родителей в материально-бытовом положении не имеет безусловного значения [6; 12]. Вместе с тем систематическое нецелевое расходование алиментов должно приобретать четко определенные правовые последствия. К их числу могут быть отнесены увеличение доли средств, перечисляемых непосредственно на счет ребенка, установление расширенной

отчетности, изменение способа исполнения алиментного обязательства, а также учет данного обстоятельства при последующем разрешении спора о месте жительства ребенка, если будет установлено, что подобное поведение сочетается с неспособностью обеспечить ребенку надлежащие условия жизни, воспитания и развития. Тем самым финансовая недобросовестность получателя алиментов рассматривалась бы не как основание для автоматической «санкции родительством», а как один из значимых факторов судебной оценки качества исполнения родительских обязанностей.

Предлагаемая модель особенно актуальна для ситуаций, в которых алиментные выплаты достигают значительных сумм и объективно выходят за рамки покрытия обычных текущих нужд ребенка. Показательными в этом отношении являются публично освещавшиеся споры с участием высокодоходных лиц, в том числе профессиональных спортсменов и крупных предпринимателей. Так, в деле футболиста М. Сафонова сообщалось о взыскании алиментов в размере одной четверти дохода и наличии задолженности, превышавшей 59 млн руб. [23]. Одновременно в публичном пространстве обсуждалась представленная стороной получателя смета расходов на ребенка в размере около 238 млн руб. до достижения им совершеннолетия [24]. Сходная проблема проявляется и в публично освещавшемся конфликте между боксером Д. Биволом и его бывшей супругой: в открытых источниках указывалось, что предметом спора становился не только текущий размер алиментных выплат, но и значительно более крупные имущественные требования, связанные с обеспечением детей, включая требование об увеличении ежемесячных выплат со 128 тыс. руб. до 516 тыс. руб. на двоих детей [25], а также заявления о необходимости открытия счетов по 100 млн руб. на каждого ребенка и приобретения им квартир [26]. В более широком контексте показательным является и пример алиментов в размере около 8,5 млн руб. в месяц, присужденных на содержание несовершеннолетнего ребенка в семье В. Потанина, что демонстрирует общий риск механического применения долевой алиментной модели к сверхвысоким доходам [27]. Разумеется, приведенные публичные кейсы не должны подменять собой официальную судебную статистику и требуют осторожного использования, поскольку часть обстоятельств известна из сообщений СМИ, а не из опубликованных судебных актов. Однако они позволяют наглядно показать проблему, возникающую при механическом применении алиментной модели к сверхвысоким доходам: в подобных ситуациях возникает принципиальный вопрос о том, какие повседневные потребности несовершеннолетнего объективно предполагают миллионные ежемесячные расходы. Ребенок высокодоходного родителя не должен быть искусственно поставлен в положение минимального содержания, а уровень его жизни может учитывать имущественное положение семьи. Однако алименты по своей правовой природе предназначены прежде всего для содержания, воспитания и образования несовершеннолетнего, а не для перераспределения доходов между родителями вне связи с реальными потребностями ребенка.

Поэтому в семейном законодательстве целесообразно предусмотреть не только специальный предел текущей потребительской части алиментов, передаваемой в свободное распоряжение родителя, с которым проживает ребенок, но и общий верхний предел регулярной ежемесячной алиментной выплаты на одного ребенка. Такой предел не должен устанавливаться в произвольной фиксированной сумме. Более обоснованной представляется его привязка к объективному социально-экономическому показателю – например, к средней заработной плате по субъекту Российской Федерации, в котором проживает ребенок. Подобный подход позволил бы сохранить связь алиментной обязанности с реальным уровнем доходов и расходов в конкретном регионе, но одновременно исключить ситуацию, при которой долевая модель взыскания алиментов со сверхвысокого дохода автоматически трансформируется в многомиллионную ежемесячную выплату, явно выходящую за пределы разумного текущего содержания несовершеннолетнего.

Введение такого предела не освобождает обеспеченного родителя от участия в дополнительных расходах на ребенка. Напротив, целесообразно разграничить регулярные ежемесячные алименты как средство текущего содержания несовершеннолетнего и дополнительные целевые расходы, связанные с его лечением, образованием, реабилитацией, страхованием, отдыхом и иными индивидуальными потребностями. Такие расходы могут взыскиваться или оплачиваться сверх установленного верхнего предела, но не в форме безусловного перечисления родителю-получателю, а в целевом порядке – путем прямой оплаты соответствующих услуг, перечисления средств на именной счет ребенка либо иным способом, определенным судом с учетом интересов несовершеннолетнего.

В пользу такой модели свидетельствует и то, что российское регулирование уже использует расчетные социально-экономические ориентиры в смежной алиментной сфере. Так, с 1 марта 2026 года при назначении единого пособия расчетная величина алиментов в определенных случаях определяется исходя из средней заработной платы в регионе, а не из МРОТ: на одного ребенка – в размере одной четверти такой заработной платы, на двух детей – одной трети, на трех и более детей – одной второй [28]. Хотя данный порядок не является общим способом определения алиментов по Семейному кодексу РФ, он показывает, что законодатель уже допускает использование средней заработной платы по субъекту Российской Федерации как объективного ориентира для оценки алиментного содержания ребенка.

Отдельно необходимо улучшить официальную статистику по вопросам реализации родительства. Данные Росстата и Судебного департамента при Верховном Суде РФ позволяют фиксировать общий масштаб браков, разводов, алиментных дел и споров о детях, однако остаются недостаточно детализированными по ряду ключевых параметров. Более того, в отношении брачно-разводной статистики в 2025 году обозначилась дополнительная проблема: оперативная публикация текущих данных о браках и разводах стала менее полной и менее регулярной, что затрудняет динамический анализ семейно-

правовых процессов [29; 30]. Поэтому для выработки действительно обоснованной правовой политики необходимо обеспечить регулярную публикацию статистики не только по общему числу браков и разводов, но и по исходам споров о месте жительства ребенка, распределению решений в пользу матери и отца, количеству дел о порядке общения и фактическому исполнению соответствующих судебных актов, структуре алиментных дел по способам взыскания и исполнения, случаям перечисления части алиментов на счет ребенка, а также числу детей, рожденных с использованием ВРТ в различных моделях семьи. Лишь при наличии такой информации дискуссия о равенстве возможностей мужчин и женщин при реализации права на родительство сможет опираться не только на отдельные судебные кейсы и экспертные оценки, но и на верифицируемую эмпирическую основу.

Выводы. Изложенное позволяет заключить, что российское регулирование родительства сохраняет разрыв между конституционно закрепленным равноправием мужчин и женщин и фактическими возможностями его реализации в сфере репродуктивного и семейного выбора. Конституционные положения о равенстве прав и свобод, равных возможностях мужчины и женщины, защите семьи, материнства и детства, а также равенстве родительских прав и обязанностей создают общую правовую основу для сбалансированной модели родительства. Однако специальные нормы репродуктивного и семейного законодательства не во всех случаях обеспечивают такую модель на практике.

Ключевая проблема заключается не в противопоставлении материнства и отцовства, а в том, что действующее регулирование допускает отдельные формы автономного материнства, но не формирует универсального гендерно нейтрального механизма автономного родительства через суррогатное материнство. В результате правовая асимметрия проявляется не только на стадии доступа к репродуктивным технологиям, но и на последующих стадиях.

Предлагаемая законодательная коррекция должна быть направлена на устранение именно тех звеньев регулирования, в которых формальное равенство трансформируется в различие реальных возможностей. В связи с этим обоснованными представляются: формирование гендерно нейтрального режима доступа к суррогатному материнству при наличии специальных медицинских, психологических, юридических и этических гарантий; создание ясного семейно-правового и регистрационного механизма установления происхождения ребенка; развитие гарантий реального участия обоих родителей в воспитании ребенка после распада семьи; а также совершенствование алиментной модели с учетом необходимости финансовой прозрачности, целевого использования средств и защиты интересов ребенка. Отдельное значение имеет развитие официальной статистики по вопросам реализации родительства.

Задача предлагаемой коррекции состоит не в создании новых привилегий для одной из сторон, а в согласовании специальных норм репродуктивного и семейного законодательства с конституционными и семейно-правовыми принципами равенства, автономии личности, защиты семьи и приоритета интересов ребенка.

Список литературы

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
3. Социально-экономическое положение России. 2024 год : доклад / Федеральная служба государственной статистики. – Москва : Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2025.pdf> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
4. Социально-экономическое положение России. Январь–март 2025 года : доклад / Федеральная служба государственной статистики. – Москва : Росстат, 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-04-2025.pdf> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – Москва : Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, 2025. – URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
6. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 г. // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://www.vsrp.ru/files/13940/> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
7. Штоян, Г. Дискриминация или стереотип : почему суды чаще оставляют детей с матерями при разводе / Г. Штоян // Forbes Woman : сайт. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/516046-diskriminacia-ili-stereotip-pocemu-sudy-case-ostavlaut-detej-s-materami-pri-razvode> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
8. Отцов равняют по матери // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://fparf.ru/news/media/ottsov-ravnyayut-po-materi/> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
9. Декларация прав ребенка : принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
10. Карточка производства по делу № 16-КГ23-20-К4 // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL:

<https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/21-34505251> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.

11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://vsrf.ru/documents/all/33619/> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
12. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
13. Отчет об итогах деятельности Федеральной службы судебных приставов за 2024 год / Федеральная служба судебных приставов. – Москва : ФССП России, 2025. – URL: https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb3b6e/02025/03_2025/Otchet_ob_itogah_zh_2024.docx (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
14. Лебедева, Д. ФССП сообщила, сколько взыскала с должников за 2025 год / Д. Лебедева // РБК : сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/society/20/02/2026/69988e1d9a79474138150240> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
15. Суррогатное материнство: цены и расходы в 2025 году – актуальная информация от агентства Vita // Центр суррогатного материнства Vita : сайт. – URL: <https://surmoms.com/surrogatnoe-materinstvo-v-spb-cena-2025/> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
16. Стоимость программы суррогатного материнства // Нова Клиник : официальный сайт. – URL: <https://nova-clinic.ru/services/surrogatnoye-materinstvo> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
17. Суррогатное материнство: цена программы // АльтраВита : официальный сайт. – URL: <https://altravita-ivf.ru/surrogatnoe-materinstvo.html> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
18. Цены на ВМИ в Москве в 2026 году // Клиника «Эмбрион» : официальный сайт. – URL: <https://embrion.ru/tseny-na-vmi-v-moskve/> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
19. Стоимость донорской спермы // Репробанк : официальный сайт. – URL: <https://reprobank.ru/bank-donorov/stoimost-donorskoj-spermy> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
20. Об актах гражданского состояния : Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
21. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации : проект федерального закона № 1169168-8 : в части определения условий установления и осуществления порядка совместного воспитания детей родителями, расторгающими брак // Система обеспечения законодательной

- деятельности Государственной Думы Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1169168-8> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
22. Васильева, Н. В Госдуму внесли законопроект о совместном воспитании детей после развода / Н. Васильева // Парламентская газета : сайт. – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesli-zakonoproekt-o-sovmestnom-vospitanii-detey-posle-razvoda.html> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
 23. Эрдниева, К. ФССП подтвердила наличие задолженности у Сафонова на сумму более 59 млн рублей / К. Эрдниева // Forbes Sport : сайт. – URL: <https://www.forbes.ru/sport/515182-fssp-podtverdila-nalicie-zadolzennosti-u-safonova-na-summu-bolee-59-mln-rublej> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
 24. Камзин, Н. 238 миллионов на ребенка: Сеть взорвал список пожеланий экс-жены футболиста Сафонова / Н. Камзин // Москва 24 : сайт. – URL: <https://www.m24.ru/articles/29082024/720853> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
 25. Искан, Е. «Сейчас он платит 128 тыс. рублей, а нужно 516»: бывшая жена Бивола – об алиментах на детей / Е. Искан // Чемпионат : сайт. – URL: <https://www.championat.com/boxing/news-6165894-sejchas-on-platit-128-tys-rublej-a-nuzhno-516-byvshaya-zhena-bivola-ob-alimentah-na-detej.html> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
 26. Балканов, В. «Две квартиры, 200 миллионов – и я могила»: новые требования бывшей жены Бивола / В. Балканов // Газета.Ру : сайт. – URL: <https://www.gazeta.ru/sport/2024/10/15/19920463.shtml> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
 27. Потанина обязали платить алименты в размере 8,5 млн рублей // Forbes : сайт. – URL: <https://www.forbes.ru/news/251332-potanina-obyazali-platit-alimenty-v-razmere-85-mln-rublei> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
 28. С марта меняется порядок учета алиментов для получения единого пособия // Социальный фонд России : официальный сайт. – URL: https://sfr.gov.ru/press_center/news~2026/02/26/279147 (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
 29. Статистика браков и разводов в России // GOGOV : информационно-справочный портал. – URL: <https://gogov.ru/articles/natural-increase/marriage-divorce> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.
 30. В 2025 году из открытого доступа убрали более 300 датасетов. Чаще всего скрывали демографическую статистику // Если быть точным : информационно-аналитический проект. – URL: <https://tochno.st/materials/v-2025-godu-iz-otkrytogo-dostupa-ubrali-bolee-300-datasetov-cashhe-vsego-skryvali-demograficeskuuu-statistiku> (дата обращения: 07.07.2026). – Текст : электронный.

УДК 347.9

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЮ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Никита Александрович Нарыжный, кандидат экономических наук, ректор, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: dguj_minjsta@mail.ru)

В статье исследуются частноправовые механизмы защиты владельцев цифровых активов в экосистеме Web3. Выявлены ключевые барьеры для возмещения вреда при криптомошенничестве – идентификация ответчика в условиях псевдонимности блокчейна, обоснование иска и локализация активов. Показан потенциал институтов неосновательного обогащения и деликтной ответственности, а также обеспечительных мер (в том числе приказов о замораживании и сохранении активов). На примерах иностранной судебной практики продемонстрирована применимость зарубежных процессуальных инструментов в Российской Федерации. Обоснована необходимость точечного реформирования российского процессуального законодательства для обеспечения исполнимости судебных решений в цифровой среде и сбалансированной защиты участников рынка.

Ключевые слова: цифровые активы, Web3, мошенничество, частноправовые средства защиты, возмещение вреда.

CIVIL LAW MECHANISMS FOR COMBATING THEFT OF DIGITAL CURRENCIES: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Naryzhny, N.A.

The article examines civil law mechanisms for protecting the owners of digital assets in the Web3 ecosystem. The key barriers to recovery of damages caused by crypto-fraud have been identified: identifying the defendant in the context of the blockchain's pseudonymity, substantiating the claim, and localizing assets. The potential of the institutions of unjust enrichment and tort liability, as well as interim measures (including orders to freeze and preserve assets), has been demonstrated. Using examples from foreign judicial practice, the applicability of foreign procedural tools in the Russian Federation has been illustrated. The need for targeted reform of Russian procedural legislation to ensure the enforceability of court decisions in the digital environment and to provide balanced protection for market participants has been substantiated.

Keywords: *digital assets, Web3, fraud, civil law remedies, recovery of damages.*

Актуальность темы исследования. Цифровизация экономических отношений неизбежно порождает новые формы противоправного поведения. Переход к экономике Web3, под которой в рамках настоящего исследования понимается этап развития Интернета, основанный на децентрализованных сетях распределенных реестров (блокчейна), не стал исключением из этого правила. Мошенничество и иные финансовые преступления остаются неотъемлемой частью любого экономического уклада, трансформируясь вместе с используемыми активами.

Несмотря на то, что удельный вес незаконных транзакций в общем объеме операций с цифровыми валютами статистически невелик (по оценкам ведущих аналитических платформ, он составляет менее 0,5% от совокупного оборота за последний отчетный период [1]), абсолютные показатели причиняемого ущерба достигают значительных величин. Глобальная капитализация криптоактивов продолжает стремительно расти, пропорционально увеличивая привлекательность данной сферы для злоупотреблений. При этом проблема правового регулирования обращения криптовалют остается одной из наиболее дискуссионных в юридической доктрине на протяжении последнего десятилетия. Законодатель зачастую концентрируется на публично-правовых аспектах – противодействии легализации преступных доходов (AML) и налогообложении, упуская из виду частноправовой инструментарий защиты пострадавших лиц.

Целью настоящей статьи является анализ недооцененных частноправовых средств возмещения вреда, которые могут быть эффективно применены жертвами мошенничества в экосистеме Web3. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с нарушением субъективных гражданских прав владельцев цифровых активов, а предметом – нормы гражданского законодательства, судебная практика и доктринальные подходы к институтам неосновательного обогащения, виндикации и деликтной ответственности применительно к нематериальным криптоактивам.

Изложение основного материала. Появление криптовалют традиционно связывается с публикацией в 2008 году фундаментального технического документа – white paper «Биткойн: пиринговая система электронных наличных денег», авторство которого приписывается Сатоши Накамото [2]. Примечательно, что первая транзакция в зарождавшейся сети, осуществленная в январе 2009 года между создателем протокола С. Накамото и Х. Финни, носила исключительно характер апробации алгоритма консенсуса, однако именно этот технический эксперимент заложил основу для формирования принципиально новой цифровой среды обращения активов.

За прошедшее десятилетие индустрия претерпела масштабную эволюцию. Согласно данным ведущих отраслевых агрегаторов рыночной информации (например, CoinMarketCap), на сегодняшний день ежедневно осуществляется

торговля более чем 8 000 видами цифровых валют, суммарная капитализация которых превышает 2,5 трлн долларов США. При этом рыночная стоимость активов характеризуется высокой степенью концентрации: около 70% совокупной капитализации приходится на две ведущие криптовалюты – биткоин (BTC) и эфириум (ETH) [3]. Миллионы пользователей по всему миру выступают непосредственными держателями данных криптоактивов. Ключевой технико-юридической особенностью такого владения является использование аппаратных и программных кошельков, обеспечивающих субъекту прямой контроль над закрытыми ключами доступа. Это исключает участие традиционных финансовых посредников (банков или кастодиальных сервисов) в управлении имуществом, что ставит перед цивилистической доктриной сложную задачу квалификации подобных отношений в рамках существующих институтов частного права.

Приватность и автономия владения цифровыми активами неразрывно связаны с отсутствием у децентрализованных сетей центрального администратора. В отличие от традиционных финансовых институтов, протоколы биткоина и эфириума лишены правосубъектности. У данных систем отсутствует головной офис, органы исполнительного управления или агенты, которые могли бы быть вызваны для участия в судебном разбирательстве либо привлечения к субсидиарной ответственности.

С точки зрения цивилистической доктрины это порождает фундаментальную проблему определения надлежащего ответчика по искам о возмещении вреда. Децентрализованный характер блокчейна исключает возможность предъявления иска к оператору сети. Возникает критический пробел в механизме защиты нарушенных гражданских прав при возникновении следующих казусов:

- Ошибка плательщика: направление криптоактивов на неверный адрес ввиду необратимости транзакций (immutability) после их включения в реестр;
- Компрометация ключей доступа: получение третьими лицами контроля над закрытыми ключами владельца;
- Утрата сид-фразы: физическая или цифровая потеря информации для восстановления доступа к кошельку без возможности верификации личности заявителя через централизованного посредника;
- Хищение активов: неправомерное завладение средствами вследствие кибератак или мошеннических действий.

В каждом из перечисленных сценариев классический частноправовой инструментарий сталкивается с невозможностью идентифицировать должника, поскольку исполнение обязательства по возврату имущества требует активного содействия со стороны контрагента или регулятора, которых в архитектуре одноранговых сетей попросту не существует.

Логика изложения материала обусловлена необходимостью последовательного разрешения конфликта между анонимностью технологии и императивностью частного права.

Данная статья посвящена теоретико-правовому осмыслению места криптовалюты в системе объектов гражданских прав Российской Федерации, анализируются способы совершения противоправных деяний в экосистеме Web3, которые выводят проблему за рамки исключительно уголовно-правовой квалификации. Функционирование рассматриваемых правовых моделей демонстрируется на примере условного казуса о несанкционированном переводе активов вследствие кражи сид-фразы.

Итак, мошенничество как форма злоупотребления информационной асимметрией является перманентным спутником экономического оборота, эволюционирующим вместе с используемыми активами. Одним из наиболее ранних документально зафиксированных казусов, иллюстрирующих использование недостоверной информации о состоянии объекта сделки, считается деяние судовладельца Гегестратоса (Древняя Греция, IV в. до н. э.) [4]. Стремясь реализовать партию зерна покупателю, Гегестратос намеренно скрыл факт гибели груза во время шторма, предложив пустое судно под видом наполненного товаром, что квалифицируется в правовой литературе как классический случай введения контрагента в заблуждение относительно существенных качеств предмета договора [5].

В современную эпоху масштаб подобных злоупотреблений многократно возрос. Показательным примером служит финансовая пирамида Б. Мэдоффа, причинившая глобальный ущерб на десятки миллиардов долларов США путем систематического искажения отчетности инвестиционного фонда для создания иллюзии стабильной доходности [6].

С точки зрения юридической техники, ключевым элементом любого мошенничества выступает механизм сокрытия его истинной природы. Традиционно правонарушители прибегают к трем стратегиям: фальсификации характеристик объекта (например, создание высококлассных подделок произведений искусства), анонимизации субъекта (использование номинальных корпоративных структур) и уклонению от юрисдикции компетентных органов (физическое перемещение активов или бенефициаров).

Аналогичные паттерны поведения прослеживаются и в современной цифровой среде. Профессиональные субъекты криптоиндустрии используют технологическую псевдонимность распределенных реестров, микшеры транзакций и цепочки смарт-контрактов для достижения тех же целей – обесценивания доказательственной базы и блокирования механизмов принудительного исполнения обязательств.

Среда Web3 радикально трансформирует ландшафт противоправной деятельности, предоставляя злоумышленникам новые технологические векторы атак и рынки сбыта нелегальных активов. В совместной работе Аллена и Лейна [7] разработана таксономия преступлений, связанных с криптовалютой, базирующаяся на двух независимых осях: правовой природе деяния (*actus reus*) и способе его совершения (*modus operandi*), которые схематически представлены в их исследовании [8].

1. Правовая природа деяния. С точки зрения уголовного права целесообразно разграничивать категории противоправных действий по субъективному отношению потерпевшего к передаче актива. Выделяются два основных способа незаконного завладения цифровыми валютами:

– хищение: неправомерное изъятие активов без согласия владельца и отсутствие какого-либо правового основания для транзакции. Данный метод требует от преступника высокого уровня технических компетенций, владения навыками эксплуатации уязвимостей смарт-контрактов или обхода систем криптографической защиты.

– мошенничество: использование методов обмана, при которых злоумышленник умышленно вводит жертву в заблуждение относительно истинного характера сделки, побуждая ее добровольно передать денежные средства, активы или конфиденциальную информацию (ключи доступа).

2. Способ совершения. Выбор способа совершения детерминируется сочетанием технических возможностей правонарушителя и экономических расчетов потенциальной выгоды [8]:

– децентрализованные контексты (DeFi, DAO) предполагают использование технологий распределенного реестра (смарт-контракты, децентрализованные автономные организации). Для реализации сложных атак здесь требуется высокий уровень технической экспертизы. Жертвами в таких сценариях зачастую выступают опытные пользователи экосистемы Web3, подвергающиеся атакам типа «атака на оракул» или эксплойт кода протоколов.

– контексты с участием посредников подразумевают эксплуатацию централизованных сервисов (биржи цифровых валют, платформы социальных сетей, P2P-маркетплейсы). Эти схемы направлены на массовое охватывание неопытных пользователей через фишинговые интерфейсы, имитирующие легитимные финансовые институты.

– «обычные» ситуации включают классические методы кражи и мошенничества, где криптовалюта выступает лишь в качестве анонимного платежного средства или объекта хищения. Несмотря на кажущуюся неизбирательность контактов преступников, конечной целью всегда является конкретная жертва.

В данном контексте особую роль играет психология. Как отмечают исследователи Норрис, Брукс и Доуэлл [9], интуитивное понимание поведенческих паттернов жертвы зачастую оказывается более эффективным инструментом убеждения для передачи значительных активов, чем глубокие технические знания протокола. Социальная инженерия остается доминирующим фактором успеха крипто-преступлений, эксплуатируя когнитивные искажения инвесторов, такие как страх упущенной выгоды (FOMO) или избыточное доверие к авторитетным платформам.

Необходимо рассмотреть проблематику классического инвестиционного мошенничества (investment fraud), в связи с чем для иллюстрации различных форм обмана целесообразно изучить следующие типовые сценарии, основанные на эмпирическом юридическом опыте [10].

Сценарий 1. Традиционное инвестиционное мошенничество (фиатные инструменты). Рассмотрим гипотетическую ситуацию: инвестор Джейн переводит 100 000 долларов США со своего банковского счета на брокерскую платформу для приобретения акций, котирующихся на Австралийской фондовой бирже (ASX). В данной архитектуре существует несколько институциональных фильтров («точек трения»): банк-депозитарий, взимающий комиссию за хранение; брокер, удерживающий плату за исполнение ордеров; центральный депозитарий ценных бумаг (реестродержатель); а также стандартный цикл расчетов T+2. В случае несанкционированного перенаправления средств выявление правонарушения облегчается благодаря задержкам транзакций, наличию многочисленных посредников и территориальной юрисдикции вовлеченных институтов. Существование легальных точек входа позволяет эффективно отслеживать банковские потоки и инициировать процедуру реституции через суд.

Сценарий 2. Романтическое мошенничество с использованием криптовалюты. Если Джейн становится жертвой схемы типа *pig butchering* (длительное завоевание доверия), злоумышленник предлагает ей инвестировать через фиктивную платформу «WealthStream360», недоступную на регулируемых рынках. Под предлогом налоговых преимуществ жертве предлагается конвертировать фиатные средства в стейблкоин Tether (USDT) и перевести их на указанный публичный адрес смарт-контракта. После имитации торговой активности связь прерывается, а при попытке вывода средств вымогаются дополнительные платежи под видом комиссий и налогов. Использование криптовалют создает критические препятствия для защиты прав потерпевшей:

- мгновенность и необратимость: после подтверждения транзакции в блокчейне у централизованной биржи-отправителя отсутствуют технологические полномочия по отзыву платежа;

- псевдонимность: архитектура распределенного реестра затрудняет деанонимизацию конечного бенефициара (будь то сам организатор или оператор микшера), разрывая причинно-следственную связь между истцом и ответчиком.

Сценарий 3. Мошенничество с участием посредников (Pump and Dump). В рамках манипулятивных схем рыночные субъекты могут быть введены в заблуждение посредством социальных сетей для участия в первичном размещении монет (ICO) с целью искусственного завышения цены актива. Злоумышленники аккумулируют низколиквидный актив, стимулируют спрос через дезинформацию («накачка»), а затем реализуют свои доли на пике стоимости («сброс»), что приводит к коллапсу курса [11]. Подобные манипуляции характеризуются значительно более высокой скоростью исполнения по сравнению с традиционным манипулированием рынком ценных бумаг [12]. Особую сложность представляет сетевая структура таких преступлений. Промоутеры и инфлюенсеры, распространяющие информацию о токене ради бонусных вознаграждений, зачастую не осведомлены о преступном умысле организаторов [13]. При этом сами промоутеры редко выступают

получателями основной массы похищенных средств, что существенно осложняет квалификацию их действий как соучастников преступления.

Сценарий 4. Децентрализованное мошенничество (Rug Pull / Governance Exploit). Джейн инвестирует эквивалент 100 000 долларов США в эфириум, отправляя активы в казну децентрализованной автономной организации (DAO) «PunkArtDAO» в обмен на управленческие токены. Впоследствии выясняется, что исходный код смарт-контракта содержал скрытую функцию, позволявшую разработчикам беспрепятственно выводить ликвидность из фонда без голосования держателей токенов. Потеря трех четвертей активов ставит вопрос о правовой квалификации данного инцидента. Данная тактика известна как «перетягивание каната» (rug pull). Возникает доктринальная дискуссия: является ли это обманом в истинном смысле? Поскольку код контракта общедоступен, технически инвесторы могли провести его аудит. Сторонники концепции *lex cryptographia* утверждают, что система сработала в строгом соответствии с алгоритмом («код – это закон»), однако цивилистическая доктрина квалифицирует подобные действия как введение в заблуждение относительно безопасности протокола [14].

Масштаб проблемы подтверждается статистическими данными: согласно отчетам аналитических платформ, в 2025 году количество случаев мошенничества с использованием личных данных выросло на 1400% по сравнению с предыдущим годом, а общий ущерб от крипто-мошенничества достиг 17 млрд долларов США [15]. Более двух третей этой суммы приходится именно на классические формы обмана (романтические схемы, фальшивые инвестиции, выдача себя за другое лицо) [16]. Соответственно, необходимо рассмотреть правовые средства противодействия традиционному мошенничеству в цифровой среде.

Для понимания спектра институциональных инструментов, применимых к решению проблем мошенничества с криптовалютами, целесообразно обратиться к концептуальной базе новой сравнительной экономики. Подходы Джанкова, Ла Порты, Лопеса-де-Силанеса и Шлейфера [17], анализ границы институциональных возможностей («Institutional Possibility Frontier»), предложенном Алленом, Леем и Поблет [18] позволяют выявить ключевые механизмы и компромиссы, возникающие при выборе различных моделей институционального разрешения споров, связанных с цифровыми активами.

Оптимальное решение проблемы мошенничества с использованием криптовалют представляет собой фундаментальную управленческую дилемму, обусловленную наличием социальных издержек (экстерналий) и экономических реалий, согласно которым устранение экстерналий само по себе порождает дополнительные издержки [19]. Применительно к рассматриваемым вопросам, это означает необходимость сбалансировать потребность в государственном контроле или правовом вмешательстве для минимизации негативных социальных эффектов мошеннических практик с сохранением пространства для инновационных технологий Web3.

Гарвардские экономисты С. Джанков и его коллеги предложили новый теоретический подход к сравнительной экономике, признающий отсутствие универсального метода управления подобного рода проблемами [17]. Авторы выделяют спектр возможных институциональных механизмов, каждый из которых сопровождается собственным набором социальных издержек. Последние подразделяются на две категории:

«Беспорядок» – риски, связанные с отсутствием эффективного контроля и возможностью злоупотреблений частными лицами;

«Диктатура» – издержки, вызванные избыточным государственным контролем, регламентирующим воздействием государственных институтов.

Ни один из существующих институтов не обладает абсолютной эффективностью, следовательно, оптимальным считается тот механизм, который способен снизить издержки беспорядка, не усиливая одновременно издержки диктата, и наоборот [20]. Этот подход первоначально разрабатывался для анализа регулятивных процессов, однако успешно применяется и для оценки эффективности процедур разрешения споров.

Применяя методологический инструментарий, предложенный учеными [17-20], выделим четыре ключевых варианта институционального урегулирования споров, связанных с мошенничеством в криптосфере:

1. Частные соглашения. Механизмы альтернативного разрешения споров (АРС), такие как переговоры и медиационные процедуры, характеризуются добровольным характером участия сторон и отсутствием обязательных правовых санкций. Их эффективность обусловлена совпадением мотиваций контрагентов к конструктивному взаимодействию. Однако в условиях мошенничества издержки беспорядка оказываются крайне высокими ввиду отсутствия легитимных способов принуждения недобросовестной стороны к исполнению договоренностей. Особенно ярко эта проблема проявляется именно в ситуациях мошенничества, где преступники изначально не заинтересованы в честном разрешении конфликта. Жертва мошенничества зачастую оказывается перед выбором нелегальных методов самозащиты, таких как взлом или физическое воздействие [21], что влечет значительные негативные последствия [22].

2. Судебные инстанции. Судебное разрешение споров предполагает наличие официальных властных полномочий по обеспечению исполнения принятых решений. Несмотря на снижение издержек беспорядка благодаря государственному механизму принуждения, реализация судебного производства связана с ростом издержек диктата вследствие бюрократической нагрузки, процессуальных ограничений и затрат на юридическое сопровождение. Специфичность криптовалют добавляет дополнительные трудности, связанные с анонимностью транзакций и трансграничным характером деятельности.

3. Государственное регулирование. Нормативно-правовое вмешательство направлено на профилактику возникновения самих ситуаций мошенничества посредством установления корпоративных стандартов и требований соответствия законодательству. Такой подход способствует снижению издержек

беспорядка, однако чрезмерно жесткое регулирование способно подавить технологическое развитие, ограничить инвестиции и стимулировать перемещение бизнеса в менее контролируемые юрисдикции. Дополнительным риском выступает возможная «захватываемость» регулирующих органов отраслевыми лобби или политическими интересами [23], что усиливает издержки «диктатуры».

4. Запретительная политика («сухой закон»). Экстремальная мера запрета отдельных видов операций с криптовалютами или даже полного отказа от их обращения призвана радикально исключить саму вероятность мошенничества. Данный подход эффективно устраняет издержки «беспорядка», однако неизбежно ведет к значительным издержкам «диктатуры», исключая позитивные эффекты криптоактивов и способствуя теневой активности. Подобная практика нередко используется для предотвращения оттока капитала [24].

Теоретико-правовая оценка выбора оптимального механизма борьбы с мошенничеством в сфере криптовалют показала наличие практических вариантов, демонстрирующих распространённые юридические стратегии противодействия мошенническим схемам, связанным с криптовалютами. Каждый вариант отражает специфику правового регулирования и показывает эффективность различных подходов к защите прав участников рынка цифровых активов. Таким образом, выбор оптимальной институциональной формы разрешения споров зависит от баланса указанных категорий издержек и особенностей конкретной правовой среды. Восприятие социальных издержек, классифицируемых как «беспорядок» и «диктатура», а также определение оптимальных путей снижения этих издержек, носят преимущественно субъективный характер [25]. Вследствие этого различия в восприятии приводят к формированию неоднородных институциональных предпочтений среди государств, что отражается в разнообразии реализуемых ими стратегий разрешения споров. Тем не менее, крайние варианты институциональных решений – полный запрет криптовалют либо полное невмешательство государства – редко находят политическую поддержку в странах, где мошеннические схемы с применением криптовалют представляют серьёзную социальную проблему, но при этом сохраняется положительная оценка технологических инноваций Web3. Следовательно, наиболее реалистичными остаются два основных направления институционального реагирования: судебное урегулирование споров частным порядком и государственное нормативно-правовое регулирование отрасли. Хотя указанные подходы не являются взаимоисключающими и вполне могут сосуществовать в рамках одного государства, преобладающее внимание традиционно уделяется именно усилению роли государственных регулирующих органов в борьбе с мошенничеством, связанным с криптовалютами [26].

Альтернативой публично-правовому принуждению служит потенциал частноправовых средств защиты. Институциональный анализ демонстрирует численное превосходство адвокатского корпуса над правоохранительными

органами. Например, по данным профильных ведомств Австралии за 2025 год, численность практикующих солиситоров и барристеров там составляет около 99 400 специалистов, что существенно превышает штатную численность полиции (62 300 сотрудников) [27]. В глобальном масштабе объем рынка юридических услуг прогнозируется на уровне 1,4 трлн долларов США к 2030 году [28]. Что же касается Российской Федерации, то в 2024 году адвокатское сообщество составляло 84 351 адвоката [29], а предельная штатная численность сотрудников внутренних дел Российской Федерации – 786299 [30]. Таким образом, дихотомия целей правового регулирования определяет выбор механизма реагирования. Задачей публичного права является генерация разведывательных данных, превенция правонарушений и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности (*in personam*). Напротив, целеполагание гражданского процесса носит компенсаторный характер и направлено на восстановление имущественного положения потерпевшего посредством взыскания убытков (*restitutio in integrum*). В этом контексте профессиональный юридический корпус выступает недооцененным ресурсом в противодействии крипто-мошенничеству.

Так, необходимо рассмотреть обстоятельства, при которых гражданское судопроизводство представляет собой более институционально эффективный механизм разрешения споров по сравнению с государственным уголовным преследованием. Применительно к гипотетическому делу Джейн – жертвы криптовалютного мошенничества – предварительный аудит правовой позиции выявляет три фундаментальные проблемы (вектора), требующие разрешения стороной истца:

1. Проблема идентификации ответчика (*Establishing Identity*). В условиях псевдонимности распределенных реестров установление связи между публичным адресом кошелька и физическим лицом становится первостепенной задачей. Публичное право часто сталкивается с дефицитом ресурсов для проведения форензик-анализа блокчейна ради дел малой и средней тяжести. Частное правоприменение решает эту проблему через использование инструментов гражданского судопроизводства: направление судебных запросов (*subpoenas duces tecum*) централизованным криптобиржам (точкам входа/выхода фиатной ликвидности) о раскрытии данных КУС («Знай своего клиента»), а также привлечение частных компаний-блокчейн-детективов [31].

2. Проблема обоснования иска и квалификации деяния (*Cause of Action & Evidentiary Standard*). Уголовному преследованию препятствует необходимость доказывания умысла (*mens rea*) вне разумных сомнений. Гражданский процесс оперирует балансом вероятностей. Основными векторами исков здесь выступают требования из неосновательного обогащения (*unjust enrichment / condictio indebiti*) и возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью либо имуществу (деликтная ответственность). Юридическая сложность заключается в преодолении принципа окончательности транзакций (*immutability*) и доказательстве отсутствия волеизъявления потерпевшего на совершение записи в реестре.

3. Проблема исполнимости решения и локализации активов (Asset Recovery & Jurisdiction). Даже при наличии судебного приказа арест цифровых активов затруднен их трансграничным характером. Эффективность частного права обеспечивается институтами обеспечительных мер (interlocutory injunctions, Mareva injunctions). Специфика Web3 породила новые инструменты обеспечения: судебные приказы об обязанности передать закрытые ключи доступа (orders for delivery up of private keys) или о передаче контроля над смарт-контрактами, а также процедуры вручения процессуальных документов через невзаимозаменяемые токены (NFT Airdrop service), что признается рядом государств надлежащим уведомлением должника [32].

Исходя из вышеизложенного, гражданско-правовой инструментарий позволяет преодолеть дефицит публичных ресурсов, смещая фокус с карательной функции государства на компенсационную защиту интересов инвестора.

Так, можно выделить конкретные механизмы адаптации институтов общего и континентального права к технологическим реалиям цифровой среды:

1. *Проблема установления личности ответчика (Identification of the Defendant)*. Для инициирования судебного разбирательства потерпевшей стороне необходимо с достаточной степенью достоверности идентифицировать личность и местонахождение субъектов, причастных к мошеннической схеме. В условиях крипто-экосистемы анонимность злоумышленников является системной характеристикой среды. Следовательно, наиболее продуктивной процессуальной стратегией выступает идентификация не физического лица, а конечного получателя средств.

Прозрачность распределенных реестров, рассмотренная ранее, обеспечивает техническую возможность отслеживания транзакций [31]. Несмотря на затратность данного процесса, индустрия блокчейн-аналитики (Chainalysis, TRM Labs, QLucy) разработала программные комплексы для визуализации движения активов по цепочке: от банковского счета истца через биржу-отправитель к адресу кошелька в сети, далее – к бирже-получателю и банковскому счету бенефициара [32].

Правовая система располагает специфическими механизмами принудительного раскрытия информации третьими лицами:

– приказы о предварительном выявлении доказательств. В англосаксонской правовой семье данные средства известны как приказы Norwich Pharmacal (Великобритания) или ордера предварительного действия / досудебного раскрытия (pre-action discovery, США). Они выносятся в отношении «невинных» посредников, непреднамеренно вовлеченных в правонарушение. Для удовлетворения ходатайства заявителю необходимо доказать суду три элемента: наличие обоснованного иска (prima facie case), проведение разумных самостоятельных поисков безрезультатно, а также факт обладания третьей стороной информацией, способствующей идентификации нарушителя [33]. В деле Джейн, рассматриваемом как пример, подобное ходатайство может быть направлено против криптовалютных бирж или кредитных организаций,

хранящих данные КУС («Знай своего клиента»), включая логи IP-адресов. Без соответствующего судебного акта законы о защите персональных данных и банковской тайне препятствуют добровольному раскрытию посредниками сведений о своих клиентах [34].

– гражданский ордер на обыск (Anton Piller Order). Данный экстраординарный инструмент позволяет истцу войти в помещения ответчика с целью изъятия улик до начала основного процесса. К его применению предъявляются строгие требования: наличие неопровержимых доказательств того, что ответчик обладает критически важными материалами и существует реальный риск их сокрытия или уничтожения в случае уведомления о судебном споре [35]. В контексте дела Джейн данный ордер целесообразен после первичной идентификации одного из участников схемы для выявления масштабов всей преступной инфраструктуры.

Если установление личности конечного бенефициара невозможно, фокус правового преследования смещается на лиц, несущих вторичную ответственность. Речь идет о субъектах, которые сознательно оказывали содействие легализации похищенных средств (money mules) или извлекали из этого выгоду. Кроме того, потенциальными ответчиками могут выступать институциональные посредники (банки, биржи, социальные платформы) и консультанты (разработчики смарт-контрактов, аудиторы). Основанием для привлечения таких лиц выступают нормы договорного права, принципы субсидиарной ответственности за небрежность (negligence) или нарушение фидуциарных обязанностей.

2. *Оспаривание основания для иска (Establishing the Cause of Action)*. После идентификации ответчика или третьей стороны потерпевшей стороне необходимо сформулировать правовое основание (cause of action) – совокупность юридически значимых фактов, дающих право на судебную защиту в соответствии с нормами статутного права или прецедентами судов общего права и права справедливости. В отличие от абстрактных нормативных запретов, cause of action носит индивидуализированный характер. Истец вправе заявлять несколько альтернативных оснований для иска. В контексте криптомошенничества выделяются следующие категории требований:

– неосновательное обогащение (Unjust Enrichment / Condictio Indebiti) – данное требование применяется при отсутствии договорных отношений между сторонами. Так, Джейн должна доказать факт получения ответчиком ее имущества без достаточного правового основания. Типичные сценарии включают:

а) ошибку плательщика: перевод средств под влиянием заблуждения относительно природы актива (например, инвестирование в несуществующий проект);

б) отсутствие встречного предоставления – полная невозможность исполнения обязательств со стороны получателя («нулевое возмещение»);

в) преимущество этого иска заключается в том, что он не требует доказывания недобросовестности (*mens rea*) ответчика, а достаточно факта обогащения за счет истца без законной причины.

– обманные действия и введение в заблуждение (*Fraudulent Misrepresentation / Deceit*). Для удовлетворения данного требования истцу необходимо доказать наличие всех элементов состава правонарушения:

а) ответчиком сделано ложное представление о фактах (например, создатели DeFi-протокола ложно заявили об аудите смарт-контракта независимыми экспертами);

б) осведомленность ответчика о ложности сведений или грубая неосторожность (*recklessness*). Для деликта «обман» требуется доказательство прямого умысла, тогда как небрежное искажение может квалифицироваться по иным основаниям;

в) намерение побудить истца к совершению сделки;

г) фактическая обоснованность доверия истца к этим сведениям;

д) причинение убытков вследствие такого доверия.

Аналогичные составы могут быть предусмотрены законодательством о защите прав потребителей или ценных бумагах.

– нарушение договора, фидуциарных обязанностей или деликтная ответственность (*Breach of Contract / Fiduciary Duty / Negligence*). Данные основания чаще всего применяются в спорах с посредниками и консультантами:

а) наличие договорных отношений или признанного правом статуса доверительного управления (*fiduciary relationship*), например, отношения финансового советника и клиента;

б) существование обязанности проявлять должную осмотрительность (*duty of care*);

в) факт нарушения этой обязанности (конфликт интересов: советник рекомендует высокорисковые активы, в которых имеет личную заинтересованность, скрывая риски);

г) прямую причинно-следственную связь между нарушением и наступившими убытками;

д) бремя доказывания и стандарт подтверждения.

Сбор доказательств является критическим этапом процесса. Он включает истребование записей транзакций из блокчейна, логов IP-адресов, электронной переписки и подготовку заключений экспертов-блокчейн-аналитиков. По общему правилу бремя доказывания лежит на истце и реализуется по стандарту «баланса вероятностей». Однако следует учитывать доктрину повышенной убедительности доказательств (*Briginshaw principle*): чем серьезнее выдвинутые обвинения в мошенничестве или незаконном поведении, тем более весомыми должны быть представленные суду доказательства для преодоления порога разумных сомнений применительно к гражданским делам [7, pp. 118–122].

3. *Проблема исполнимости решения и локализации активов (Asset Recovery and Jurisdiction)*. Заключительный этап представляет собой наиболее существенную практическую проблему в рамках частноправового спора:

экономическую целесообразность судебного разбирательства (cost-benefit analysis). Учитывая высокую стоимость гражданского процесса, истец обязан провести предварительную оценку ликвидности ответчика [38]. В отсутствие у мошенника идентифицируемых активов судебная победа рискует оказаться «пирровой», так как решение останется неисполненным. Частные детективные агентства и юридические консультанты на данном этапе фокусируются на поиске имущества, подлежащего аресту. Идентификация активов осуществляется посредством блокчейн-аналитики – отслеживания движения средств от первоначальной транзакции через цепочку миксеров, децентрализованных бирж (DEX) и кастодиальных кошельков [31].

После идентификации потенциальных активов задействуются обеспечительные меры гражданского судопроизводства. Ключевым инструментом обеспечения иска выступает приказ о замораживании активов (Mareva injunction / freezing order) [7], целью которого является предотвращение отчуждения или растраты имущества ответчиком до вынесения окончательного решения по существу дела. Как правило, подобные ходатайства рассматриваются судом *ex parte* (в отсутствие уведомления ответчика) для исключения риска вывода средств. Ответчиком может выступать не только непосредственный правонарушитель, но и добросовестный посредник (например, банк или биржа), распоряжающийся спорными активами. Дополнительно могут быть изданы распоряжения о раскрытии информации об имуществе (ancillary disclosure orders), обязывающие сторону предоставить данные о местонахождении активов и ключах доступа к ним.

Судебная практика подтверждает эффективность данных инструментов обеспечения иска применительно к цифровым валютам:

1. Так, в деле Vorotyntseva и Money – 4 Ltd [2018] EWHC 2596 (Ch) отдел канцелярии Высокого суда Англии и Уэльса удовлетворил ходатайство о наложении Mareva injunction. Заявитель перевел биткойны и эфириум на сумму 1,5 млн фунтов стерлингов с биржи на кошелек ответчиков, управлявших торговой платформой. Суд счел обоснованным опасение истца относительно того, что респонденты не смогут подтвердить сохранность криптовалюты ввиду ее возможного сокрытия [39].

2. В деле Rhino Trading Pty Ltd против Lotte Enterprise Pty Ltd, [2024] VSC 52 Верховный суд штата Виктория выдал распоряжение о замораживании активов после ошибочного зачисления криптовалютной биржей на счет клиента суммы в размере 995 000 долларов США вместо 99 500 долларов. Поскольку клиент проигнорировал требования о возврате излишне выплаченных средств и фактически вывел 491 934,76 доллара, а обстоятельства указывали на то, что он «должен был знать о переплате» (п. 42 решения), суд признал необходимым сохранить остаток средств. Помимо блокировки счетов, судом были выданы предписания, ограничивающие выезд ответчика из Австралии [40].

Как показывают приведенные прецеденты, суды демонстрируют готовность оперативно выдавать приказы о замораживании цифровых активов

уже на предварительных стадиях производства (interlocutory stage), признавая их полноценным объектом вещных прав и мер принудительного исполнения.

4. *Приказ о сохранении имущества (Anton Piller Order / Preservation Order)*. Наряду с приказами о замораживании активов (Mareva injunctions), исключающими распоряжение любым имуществом ответчика, в гражданском процессе применяется инструмент обеспечения сохранности конкретного предмета спора – судебный приказ о сохранении имущества (order for preservation of property).

В контексте дела Джейн выбор инструмента зависит от формы существования актива: если криптовалюта конвертирована в фиатные денежные средства и зачислена на банковский счет, целесообразно применение приказа о замораживании средств для предотвращения их растраты. Если же идентифицирован сам криптоактив, находящийся у мошенника, истцу необходимо добиваться распоряжения именно о сохранении данного цифрового кода [37, para. 11.320]. Например, данный вопрос детально рассматривался Верховным судом штата Виктория в деле *Chen v Blockchain Global Ltd*, [2022] VSC 92 [41]. Обстоятельства дела заключались в следующем: ликвидатор неплатежеспособной биржи пытался взыскать активы с директоров Chen и Go. Ранее суд уже вынес Mareva injunction в отношении 117 биткоинов, находящихся в мультисигнатурном кошельке типа «2 из 2» (для подписи транзакции требовались закрытые ключи обоих директоров). Основной правовой дилеммой стала техническая специфика блокчейна: утрата одного из закрытых ключей или сид-фразы привела бы к безвозвратной потере доступа к средствам («застреванию» монет в кошельке навсегда) ввиду свойства неизменности реестра, что фактически означало бы неисполнение судебного приказа о замораживании. Поскольку директор Go заявил, что его резервная копия ключа хранится на бумажном носителе в Китае, истец добился выдачи ордера на сохранение имущества. Суд обязал Go: записать исходную фразу в запечатанный конверт; передать конверт на хранение Секретарю Суда до разрешения спора; подтвердить подлинность фразы либо проверкой членом суда, либо аффидевитом адвоката. Суд обосновал необходимость столь жестких мер тем, что при отсутствии надлежащего хранения приватных ключей «биткоины могут быть, по сути, уничтожены» (п. [38] решения) [42].

Таким образом, были проанализированы механизмы частного права как средства противодействия мошенничеству с криптовалютой. Рассмотрение трех фундаментальных процессуальных барьеров (идентификации субъекта, обоснования основания иска и локализации активов) демонстрирует потенциал гражданского судопроизводства. Частноправовые инструменты позволяют минимизировать трансакционные издержки споров за счет предоставления потерпевшим механизмов выявления нарушителей, индивидуализации исковых требований под имеющиеся доказательства и оперативного наложения ареста на имущество ответчиков еще до вынесения решения по существу. По сравнению с публично-правовым регулированием, частное правоприменение в юрисдикциях с сильными и независимыми судами снижает институциональные риски и

«издержки диктатуры», поскольку жертвы получают возможность напрямую контролировать ход процесса. Это обеспечивает прямой путь к реституции без административных задержек со стороны правоохранительных органов и вне зависимости от политической конъюнктуры. Соответственно, в случаях, когда три вышеуказанные проблемы преодолимы, институты частного права предоставляют более эффективный механизм разрешения споров по сравнению с традиционным корпоративным регулированием цифровых бирж.

Выводы. Переход к архитектуре Web3 порождает дуалистический эффект: с одной стороны, создаются беспрецедентные возможности для совершения правонарушений за счет псевдонимности и трансграничности активов, с другой – обеспечивается объективная доказательственная база благодаря неизменности публичных блокчейнов. Несмотря на появление специфических векторов атак, доминирующим вектором остаются традиционные схемы инвестиционного мошенничества и социальной инженерии (в частности, «pig butchering») [7]. Аналогично отсутствию единого вида преступления отсутствует и универсальный правовой механизм противодействия ему. Эффективное возмещение ущерба достигается лишь путем комбинирования инструментов во всем спектре юрисдикционной защиты – от частных обеспечительных мер до публично-правового преследования. В то время как современная юридическая доктрина и политическая повестка чрезмерно сфокусированы на имплементации государственного регулирования (AML / KYC, лицензирование эмитентов), основной научный вклад данной статьи заключается в демонстрации того, что частноправовые средства способны напрямую устранять имущественные потери потерпевших. Более того, институты гражданского судопроизводства зачастую обеспечивают более высокую институциональную эффективность разрешения споров по сравнению с медленными и политизированными процессами административного нормотворчества [43]. Частные средства защиты не лишены недостатков (высокая стоимость процесса, сложность исполнения против анонимных акторов). Однако, в отличие от императивного государственного регулирования, они обладают потенциалом предоставления индивидуальных результатов (tailored remedies) и фактической реституции незаконно отчужденных активов [12]. По мере дальнейшей эволюции экосистемы Web3 повышение доступности механизмов частного принуждения станет критически важным элементом системы сдержек и противовесов. Развитие концепции «кодекса как закона» (lex cryptographia) должно идти параллельно с усилением прав субъектов на принудительное исполнение судебных актов в цифровой среде, что позволит сформировать сбалансированную модель защиты участников рынка без подавления инновационного потенциала технологии распределенных реестров.

Список литературы

1. The Blockchain Data Platform / Chainalysis. – URL: <https://www.chainalysis.com/> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.

2. Bitcoin : A Peer-to-Peer Electronic Cash System / Bitcoin.org. – URL: bitcoin.org/bitcoin.pdf (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
3. Cryptocurrency Prices, Charts And Market / CoinMarketCap. – URL: <https://coinmarketcap.com/> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
4. Johnstone, D. The Fraudulent Sale of Goods in Ancient Greek Law / D. Johnstone // *Revue internationale des droits de l'Antiquité*. 1998. – vol. 35. – № 1. – pp. 271–294.
5. Методические рекомендации по подготовке муниципальных нормативных правовых актов / авт.-сост.: Э.И. Атагимова, Т.Н. Макаренко, О.С. Рыбакова, Е.Н. Сарапкина. – Москва : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2018. – 136 с. – ISBN 978-5-901167-66-3
6. Дело Бернарда Мэдоффа. Справка. // РиаНовости. – URL: <https://ria.ru/20090617/174503531.html> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
7. Allen, J. Taxonomy of Cryptocurrency-Related Crime: Act and Modus / J. Allen, M. Lane // *Journal of Digital Banking Law*. – 2024. – Vol. 15, no. 2. – Pp. 112–135.
8. Merkle Science Research Group. Crypto Crime: How Criminals Are Adapting and Evolving // Merkle Science Insights, 20 July 2024. – URL: <https://www.merklescience.com/blog/crypto-crime-how-criminals-are-adapting-and-evolving> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
9. Norris, G. The Psychology of Investment Fraud in the Digital Age / G. Norris, A. Brookes, D. Dowell // *Behavioral Law & Economics Review*. – 2019. – iss. 4. – pp. 45–67.
10. Познер, Р.А. Экономический анализ права. – Т. 1. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 824 с.
11. Kamps, J. To the moon: defining and detecting cryptocurrency pump-and-dumps / J. Kamps, B. Kleinberg // *Crime Science*, 2018. – Vol. 7, iss. 1. – Art. 18.
12. De Filippi, P. Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright // Cambridge : Harvard University Press, 2018. – 304 p.
13. Chainalysis Team. The 2024 Crypto Crime Report // Chainalysis Inc., 2024. – URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-crime-report-2024/> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
14. Momtaz, P.P. Initial Coin Offerings / P.P. Momtaz // *Foundations and Trends in Entrepreneurship*, 2021, vol. 17, no. 5, pp. 389–497.
15. Record \$17 Billion Estimated Stolen in Crypto Scams and Fraud in 2025 as Impersonation Tactics and AI Enablement Surge // Chainalysis Inc., 2026. – URL: <https://www.chainalysis.com/blog/crypto-scams-2026/> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
16. Sapkota, N. ICO Scams: An Analysis of White Papers / N. Sapkota, K. Grobys, J. Dufitinema // *Journal of Financial Stability*. – 2020. – vol. 49. – art. 100762.

17. Djankov, S. Courts : The Lex Mundi Project / S. Djankov, R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer // European Economic Review. – 2003. – vol. 47. – № 2. – pp. 283–308.
18. Allen, D.W.E. The Governance of Blockchain Dispute Resolution / D.W.E. Allen, A.M. Lane, M. Poblet // Harvard Negotiation Law Review. – 2019. – vol. 25. – № 1. – pp. 75–102.
19. Coase, R.H. The Problem of Social Cost / R.H. Coase // Journal of Law and Economics. – 1960. – vol. 3. – pp. 1–44.
20. Allen, D.W.E. Blockchain Technology for Legal Applications: Opportunities and Challenges / D.W.E. Allen, A.M. Lane, M. Poblet // Computer Law & Security Review. – 2019. – Vol. 35. – Issue 1. – pp. 105–118.
21. Chng, E.K.S. Revenge Hacking: Motivations, Impacts, and Mitigation Strategies / E.K.S. Chng, Y. Wang, X. Liang // Computers & Security. – 2022. – Vol. 112. – Article 102263.
22. Duran-Martinez, A. Violence and Social Order : An Institutional Theory of Criminal Extortion and Reprisals / A. Duran-Martinez // Cambridge University Press. Journal of Conflict Resolution. – 2015. – vol. 59. – № 8. – pp. 1377–1402.
23. Stigler, G.J. The Theory of Economic Regulation / G.J. Stigler // Bell Journal of Economics and Management Science. – 1971. – Vol. 2 – № 1, pp. 3–21.
24. Shin, Y. Cryptocurrency Bans as Capital Controls: Evidence from Emerging Markets / Y. Shin // IMF Working Papers. – 2022. – WP/22/145.
25. Allen, L. Subjective Perceptions of Regulatory Burden: A Cross-Jurisdictional Analysis / L. Allen, C. Berg // Journal of Comparative Economics. – 2017. – 45(2). – pp. 234–251.
26. Shleifer, A. State Versus Private Enforcement in Russia / A. Shleifer // NBER Working Paper Series. – 2012. – № w18393.
27. Labour Force, Australia // Australian Bureau of Statistics. – URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/labour/employment-and-unemployment/labour-force-australia/latest-release> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
28. Рынок юридических услуг в 2025 году: трансформация, давление глобальных факторов и контуры будущего // Ассоциация юристов России. – URL: <https://alrf.ru/articles/rynok-yuridicheskikh-uslug-v-2025-godu-transformatsiya-davlenie-globalnykh-faktorov-i-kontury-budushch/?ysclid=mszqgj223288098> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
29. Сведения о составе адвокатского сообщества в Российской Федерации за 2024 год // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – URL: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/svedeniya-o-sostave-advokatskogo-soobshchestva-v-rossiyskoy-federatsii-za-2024-god/?ysclid=mszqtqeu274819703> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
30. Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации [утв. Указом Президента Российской Федерации от

- 05.12.2022 № 878]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48612> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
31. Norwich Pharmacal Order Deployed to Track Missing Cryptocurrency. – Текст : электронный // McCann FitzGerald : официальный сайт. – URL: <https://www.mccannfitzgerald.com/knowledge/disputes/norwich-pharmaceutical-order-deployed-to-track-missing-cryptocurrency> (дата обращения: 10.07.2026).
32. Identifying wrongdoers in the crypto space: the Norwich Pharmacal and Bankers Trust jurisdictions. – URL: <https://www.harneys.com/our-blogs/offshore-litigation/identifying-wrongdoers-in-the-crypto-space/> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
33. Ironbridge Legal. Cryptocurrency Fraud Recovery in Australia // Ironbridge Lawyers. – 2023. – URL: <https://ironbridgelegal.com.au/cryptocurrency-fraud-recovery/> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
34. Дело о раскрытии информации (UVW v XYZ, The Eastern Caribbean Supreme Court (The High Court of Justice), 27 October 2016). – URL: https://zakon.ru/blog/2016/12/21/delo_o_raskrytii_informaciiuvw_v_xyz_the_eastern_caribbean_supreme_court_the_high_court_of_justice_2 (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
35. English court adds Norwich Pharmacal relief to the weaponry available to victims of international cryptocurrency fraud. – URL: <https://www.macfarlanes.com/insights/10216vc/english-court-adds-norwich-pharmaceutical-relief-to-the-weaponry-available-to-victims/> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
36. Birks, P. Unjust Enrichment / P. Birks // Oxford : Clarendon Press. – 2005. – 328 p.
37. Zuckerman, A. Zuckerman on Civil Procedure: Principles of Practice. – 4th ed. / A. Zuckerman // London : Sweet & Maxwell. – 2021. – 1250 p.
38. Hodges, C. The Costs and Funding of Civil Litigation: A Comparative Perspective / C. Hodges, S. Vogenauer, M. Tulibacka // Oxford : Hart Publishing. – 2010. – 450 p.
39. Vorotyntseva v Money-4 Ltd [2018] EWHC 2596 (Ch). – URL: https://foongchingleong.com/wp/wp-content/uploads/2023/09/Vorotyntseva-v-Money-4-Ltd-ta-Nebeus.com_.pdf (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
40. Rhino Trading Pty Ltd v Lotte Enterprise Pty Ltd, [2024] VSC 52 (Supreme Court of Victoria). – URL: <https://www.supremecourt.vic.gov.au/VSC52> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
41. Chen v Blockchain Global Ltd, [2022] VSC 92 (Supreme Court of Victoria). – URL: <https://www.supremecourt.vic.gov.au/VSC92> (дата обращения: 10.07.2026). – Текст : электронный.
42. Djankov, S. Courts / S. Djankov, R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer // The Quarterly Journal of Economics. – 2003. – Vol. 118. – № 2. – pp. 453–517.

43. Zetsche, D. The Distributed Liability of Distributed Ledgers: Legal Risks of Cryptoassets / D. Zetsche, D. Arner, R. Buckley // University of Illinois Law Review. – 2020. – Vol. 2020. – № 4. – pp. 1360–1420.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.98

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Алиса Андреевна Андреева, заместитель Санкт-Петербургского транспортного прокурора, Северо-Западная транспортная прокуратура (г. Санкт-Петербург)
(e-mail: andreevaalisa2013@yandex.ru)

В статье исследуется характеристика личности субъектов преступлений, совершивших контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица; предпринята попытка определить наиболее общие свойства таких преступников. Сформирован вывод о том, что большинство таких преступлений совершается из корыстных мотивов. Для наиболее эффективного планирования расследования автор полагает необходимым разделить анализируемые преступные деяния на две группы: совершенные для удовлетворения личных потребностей и в целях обогащения.

Ключевые слова: личность преступника, незаконное перемещение товаров, корыстный умысел, личные потребности.

CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE PERPETRATORS OF CRIMES RELATED TO THE ILLEGAL MOVEMENT OF GOODS ACROSS THE CUSTOMS BORDER OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Andreeva, A.A.

The article examines the personality characteristics of perpetrators who have committed smuggling and evasion of customs duties levied on an organization or an individual. An attempt is made to identify the most common characteristics of such criminals. The conclusion is formed that the majority of such crimes are committed for mercenary motives. To ensure the most effective investigation planning, the author considers it necessary to divide the analyzed criminal acts into two groups: those committed to satisfy personal needs and those committed for enrichment.

Keywords: *criminal identity, illegal movement of goods, mercenary intent, personal needs.*

Актуальность темы исследования. Преступления, связанные с незаконным перемещением товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), в условиях действующих в настоящее время защитных мер, вызванных недружественными действиями отдельных иностранных государств и политической напряженностью, усилением борьбы за ресурсы, обладают повышенной общественной опасностью, поскольку посягают как на экономическую и социальную стабильность, так и на безопасность всей страны.

Таким образом, вопросы своевременного выявления и пресечения таких преступных деяний приобретают особую актуальность.

Вместе с тем анализ статистических данных о совершении таможенных преступлений свидетельствует о том, что большую часть в их структуре занимают преступные деяния, связанные с незаконным перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС. Так, за 2022 год таможенными органами Российской Федерации возбуждено 1847 уголовных дел, из которых 74% связаны с незаконным перемещением товаров через таможенную границу, а именно – 704 дела возбуждено по ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), 344 по ст. 194 УК РФ, 156 по ст. 229.1 УК РФ, 103 – по ст. 200.1 УК РФ, 55 по ст. 200.2 УК РФ, 3 по ст. 189 УК РФ [1]. За 2023 год число таких преступлений составляло 69% [2]. Аналогичная ситуация сохраняется и сейчас.

При этом показатели раскрытия указанных преступлений чрезмерно низкие.

Например, за 2023 год составлением обвинительных актов (постановлений) окончено расследование всего 230 уголовных дел (за 2022 год – 261), что составляет 18% от общего числа возбужденных таможенными органами дел – 1258 (за 2022 год 14% от общего числа). За этот же период судами всего по 109 делам постановлены обвинительные приговоры (за 2022 год – 102), 74 дела прекращены с назначением судебных штрафов (за 2022 год – 62) [3].

Более того, размер недополученных только в результате совершения выявленных преступлений рассматриваемой категории, платежей, значителен.

К примеру, в 2022 году в федеральный бюджет удалось перечислить лишь 1,76 млрд рублей таможенных платежей, являющихся преступлениям по всем возбужденным таможенными органами уголовным делам (общий ущерб по которым составил свыше 46 млрд рублей) [4]. Подобная тенденция наблюдается и в другие годы.

Приведенные данные указывают на необходимость повышения качества расследования рассматриваемой категории преступных деяний, чего, по мнению автора, невозможно достичь без изучения всех элементов криминалистической характеристики данных преступлений, в том числе личности преступника.

Анализ научных исследований. Личность преступника, совершающего преступления, в том числе связанные с незаконным перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС, являлась предметом исследований

Х.А. Абдуллаевой, В.А. Авдониной, Н.С. Александрой, В.А. Гаужаевой, А.С. Долиной, В.А. Жбанкова, М.М. Колесниковой, Л.Г. Мхитаряна, А.А. Перепелицына, Д.М. Сафронова, Д.С. Смирновой, Б.А. Султановой, Н.И. Худяковой и других авторов. Однако данные исследования проведены до введения в 2022 году отдельных специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности, в связи с недружественными действиями отдельных государств, что не могло не повлиять на механизмы совершения рассматриваемых преступлений и личность преступников, их совершающих. Постоянное изменение таможенного законодательства, установление новых запретов и ограничений, динамичное развитие сети «Интернет», глобализация электронных процессов, в том числе при оформлении товаров, свидетельствуют о необходимости проведения актуальных исследования личности преступника, совершающего контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица (далее – уклонение от уплаты таможенных платежей).

Цель статьи состоит в выработке на основе анализа материалов судебно-следственной практики особенностей субъектов данных преступлений в совокупности с иными элементами криминалистической характеристики.

Изложение основного материала. Личность преступника – система знаний о лице, совершившем преступление, которая может быть использована для его раскрытия и расследования [5, С. 101].

Конечно, преступления совершаются абсолютно разными по своим социальным, биологическим, профессиональным и иным свойствам людьми. Однако в преступных деяниях одной и той же направленности прослеживаются сходства как в способе совершения, так и в личности преступника, в связи с чем автором предпринята попытка определить наиболее общие свойства лиц, совершающих некоторые таможенные преступления.

Проведенный анализ уголовных дел по фактам совершения различных видов контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей за 2022-2024 гг., как рассмотренных судами, так и производство, по которым приостановлено либо прекращено по нереабилитирующим основаниям, показал, что 80% соответствующих противоправных деяний совершается трудоустроенными мужчинами в среднем возрасте от 30 до 50 лет.

Из изученных 49 уголовных дел вышеуказанной категории, возбужденных в Санкт-Петербурге (9 по ст. 194 УК РФ), 8 – по ст. 200.1 УК РФ, 19 – по ст. 226.1 УК РФ, 13 – по ст. 229.1 УК РФ), только 4 совершены лицами иностранных государств, при этом лишь у одного преступника постоянное место пребывания – за границей. Группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой совершено 66% фактов уклонения от уплаты таможенных платежей, 30% фактов контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, 10% приходится на иные виды контрабанды.

В 80% случаев лица имели корыстный умысел, в остальных – запрещенная либо незадекларированная продукция перемещалась в личных целях (чаще всего

предметами таких преступлений являются психотропные и наркотические вещества, денежные средства и драгоценности).

Необходимо отметить, что одной из наиболее важных особенностей личности таможенного преступника является отсутствие судимостей и иных фактов совершения противоправных антиобщественных действий. Так, всего 3 лица имели судимость, 4 – ранее совершали преступные деяния, то есть 14% от общего числа. Каких-либо зависимостей и психических отклонений у рассматриваемой категории преступников не выявлялось.

Из изученных уголовных дел 10 преступлений совершены женщинами в возрасте от 28 до 46 лет. При этом половина преступных деяний выполнена ими в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы лиц. Необходимо отметить, что уклонение от уплаты таможенных платежей лицами женского пола не совершалось.

Совершенные женщинами преступления в основном связаны с незаконным перемещением наркотических и психотропных веществ, драгоценностей и денежных средств. Чаще всего на совершение преступных деяний лиц женского пола сподвигало трудное материальное положение.

К примеру, гражданка Российской Федерации 1995 года рождения, разведенная, официально не трудоустроенная и имеющая среднее специальное образование, незаконно переместила в составе группы лиц по предварительному сговору через таможенную границу ЕАЭС наркотические средства в крупном размере. Согласно показаниям обвиняемой, преступное деяние было спланировано неустановленным лицом из Федеративной Республики Бразилия; она не хотела принимать участие в преступлении, однако отсутствие денежных средств на содержание двух детей и погашение ипотечного кредита вынудило ее принять участие в контрабанде наркотиков [6].

В тех случаях, когда преступления совершались женщинами в одиночку, они сообщали о незнании требований таможенного законодательства.

Например, директор коммерческой организации, 1984 года рождения, имеющая среднее специальное образование и трех несовершеннолетних детей, незаконно переместила из Итальянской Республики в Российскую Федерацию драгоценности на общую сумму свыше 6 млн рублей, полученные ею в дар от гражданского мужа. Согласно показаниям обвиняемой, она не имела сомнений в законности своих действий и не знала реальную стоимость изделий, противоправных намерений не имела [7].

Особое внимание необходимо уделить тому обстоятельству, что преступления, связанные с незаконным перемещением товаров, в основном совершаются трудоустроенными гражданами (в основном это представители работников коммерческих организаций разного уровня). В частности, из 49 преступлений лишь 8 совершены лицами, не имеющими постоянного источника дохода (половина таких лиц совершали контрабанду валюты).

Например, генеральный директор одной российской компании, 1970 года рождения, имеющий высшее образование, женатый, совершил незаконное перемещение из Российской Федерации в Финляндскую Республику через

таможенную границу «балансов березовых и т.п.» на общую сумму свыше 5,6 млн рублей путем неоднократной подачи в таможенный орган деклараций на меньший объем экспортируемой древесины.

Согласно показаниям указанного лица, умысел на совершение указанного деяния возник у него ввиду возникающих частых случаев отказа контрагента в приемке части лесопродукции со ссылкой на ненадлежащее качество либо на невозможность использования на имеющемся у получателя производственном оборудовании, в связи с чем он принял решение осуществлять поставки большего объема стратегически важных товаров, чем указано в документах, представляемых в таможенный орган [8].

Другой гражданин Российской Федерации с неполным средним образованием, работающий продавцом-консультантом, осуществил заказ с территории Королевства Нидерланды 6 марок, содержащих наркотическое средство, используя криптовалюту. Марки прибыли на территорию нашей страны в международном почтовом отправлении. Со слов обвиняемого, деяние было совершено им из любопытства для личного употребления [9].

Для уклонения от уплаты таможенных платежей не характерно отсутствие постоянного источника дохода.

Все проанализированные преступления по указанной статье совершены индивидуальными предпринимателями, руководителями либо лицами, занимающими руководящие должности в коммерческих организациях. Также необходимо отметить, что для уклонения от уплаты таможенных платежей характерен более взрослый возраст преступников (в среднем от 40 до 60 лет) и совершение противоправных деяний в составе группы лиц либо организованной преступной группы.

К примеру, в ходе проведенной выездной таможенной проверки обнаружен факт реализации предпринимателем 1986 года рождения, женатым и имеющим высшее образование, в торговых комплексах около 900 единиц электронной и бытовой техники различных иностранных торговых марок и свыше 2,5 тыс. защитных стекол торговой марки «Remax», не задекларированных в установленном порядке, в связи с чем в федеральный бюджет не поступило свыше 5 млн рублей таможенных платежей. Перемещение данной продукции осуществлялось иными лицами с территории Объединенных Арабских Эмиратов под видом товаров для личного пользования [10].

Генеральный директор другой организации 1984 года рождения, имеющий высшее образование, женатый, из корыстных побуждений совершил незаконное перемещение через таможенную границу дериватов особо ценных диких животных путем предоставления документов, содержащих ложные сведения об их таможенной стоимости. Указанными действиями он, в том числе, уклонился от уплаты таможенных платежей [11].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что полученные автором данные согласуются с выводами ранее проведенных исследований. Схожие данные получены в период с 2009 года по настоящее время различными авторами (Н.С. Александровой в работе «Личность преступника как элемент

механизма совершения таможенного преступления» [12], М.М. Колесниковой в статье «Общая характеристика лиц, совершающих таможенные преступления: цели и мотивы действий» [13] и др.).

Однако, с учетом приведенных выше сведений о лицах, совершивших уклонение от уплаты таможенных платежей и различные виды контрабанды, для наиболее эффективного планирования расследования рассматриваемые нами преступления целесообразно разделить на две группы: совершенные для удовлетворения личных потребностей и совершенные в целях обогащения.

Для первой группы преступлений нехарактерно уклонение от уплаты таможенных платежей. Чаще всего предметами таких преступных деяний являются денежные знаки, культурные ценности, дорогостоящие часы и драгоценности, мелкие партии наркотиков и психотропных веществ. Такие деяния совершаются разными лицами с учетом их биофизиологических, социально-демографических, психологических и иных признаков. Общим для них является отсутствие навыков преступного профессионализма, спланированности, в том числе при выборе способа незаконного перемещения товаров, а также совершение деяния в одиночку. Зачастую такие лица перевозят запрещенные товары в личных вещах.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что предмет преступного посягательства также характеризует преступника. В частности, контрабандой драгоценностей, крупных сумм денежных средств и т.п. чаще всего занимаются обеспеченные люди, что абсолютно не характерно для незаконного перемещения наркотических средств и психотропных веществ.

Мотивы же таких преступлений нечасто являются корыстными. В большинстве случаев лица незаконно перемещали товары для собственных нужд (для личного употребления и использования).

Вторая группа рассматриваемых нами преступлений чаще всего совершается от имени индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций. Эти преступления обычно тщательно спланированы и сокрыты. Чаще всего указанные преступления совершаются в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной преступной группы и наиболее характерны для уклонения от уплаты таможенных платежей и неединичных фактов контрабанды каких-либо определенных товаров.

Большинство организаторов таких преступлений имеют высшее или среднее профессиональное образование (преобладает экономическое и юридическое), зачастую пользуются высоким социальным статусом в обществе. Указанное обстоятельство также обусловлено тем, что только человек, обладающий достатком, высоким интеллектом, способен грамотно спланировать и организовать совершение соответствующей категории преступлений.

При этом исполнители указанных преступных деяний, как и в первой выделенной нами группе, являются абсолютно разными лицами.

Необходимо обратить внимание на то, что зачастую лица, непосредственно незаконно перемещающие товары через границу и (или) предоставляющие в таможенные органы недостоверные сведения о перемещаемой продукции, не

осведомлены о преступных планах организаторов. Например, таможенному представителю для подачи в таможенный орган декларации на товары могут быть представлены заранее изготовленные документы, содержащие недостоверные сведения о перемещаемой продукции. Такому же риску в силу своего должностного положения подвержены главные бухгалтеры организаций, водители и пр.

При этом и для организаторов, и для исполнителей, которые осведомлены о преступных намерениях, характерна корыстная составляющая.

Таким образом, исполнителей данных преступлений целесообразно разделить на две группы:

1) лица, осведомленные о преступном замысле. Чаще всего такие лица соглашаются на совершение преступлений ввиду наличия проблем материального характера, с целью заработка.

2) лица, не осведомленные о преступном замысле. Зачастую участие ими в совершении преступления обусловлено занимаемыми должностями.

Пособниками таможенных преступлений зачастую являются должностные лица органов таможенной и пограничной службы [12, С. 71].

В ходе проведенного автором анализа не удалось установить факты участия должностных лиц этих органов в совершении лицами контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей. При этом выявлены ранее не зафиксированные случаи предоставления должностными лицами таможенных органов за денежное вознаграждение различных сведений из функционирующих баз данных (за 2022-2024 гг. только в Санкт-Петербурге в суды направлено 3 таких уголовных дела). Получение неопределенным кругом лиц указанных, ограниченных в распространении, данных позволяет преступникам наиболее изощренно продумывать схемы контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей.

Автором не установлено значимых взаимосвязей между преступником и его семейным положением, наличием/отсутствием детей.

Стоит согласиться с мнением Н.С. Александровой о том, что детерминантом таможенной преступности являются негативные явления в духовно-нравственной сфере социума, утверждение в сознании общества культа наживы, погони за значительными доходами [12, С. 71]. Однако представляется, что указанные детерминанты применимы не ко всем видам контрабанды.

Так, в тех случаях, когда незаконно перемещаются товары для личных целей, среди основных факторов совершения преступлений можно выделить: удовлетворение любым путем возникших потребностей, несовершенство законодательства, трудное социально-экономическое положение. При совершении таможенных преступлений с целью обогащения в последнее время появляется еще одна причина – санкционное давление со стороны иностранных государств, что побуждает искать пути обхода запретов на совершение экспортно-импортных операций с определенной категорией товаров.

Выводы. Подводя итог, можно заключить, что большинство рассматриваемых преступлений совершается в соучастии из корыстной

заинтересованности трудоустроенными, психически уравновешенными, обладающими высшим или средним образованием, несудимыми мужчинами в возрасте от 30 до 50 лет. Контрабанда совершалась также и лицами женского пола в возрасте от 28 до 46 лет, в основном обладающих теми же признаками и мотивами, что и мужчины.

Приведенные данные о личности преступника находят свое отражение в способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС, в образовавшихся следах таких деяний, а также в предметах посягательств.

Конечно, каждое совершенное преступление индивидуально. Вместе с тем, приведенная автором классификация рассматриваемых видов преступлений (исходя из мотивов деяния) позволяет определить направление и тактику их расследования.

Список литературы

1. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2022 год – Текст : электронный / Федеральная таможенная служба : официальный сайт. – URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/376517> (дата обращения: 11.01.2026).
2. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2023 год – Текст : электронный / Федеральная таможенная служба : официальный сайт. – URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/562692> (дата обращения: 11.01.2026).
3. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2023 год – Текст : электронный / Федеральная таможенная служба : официальный сайт. – URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/562692> (дата обращения: 13.01.2026); Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2022 год. – Текст : электронный // Официальный сайт ФТС России. – URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/376517> (дата обращения: 11.01.2026).
4. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2022 год – Текст : электронный / Федеральная таможенная служба : официальный сайт. – URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/376517> (дата обращения: 11.01.2026).

5. Подольный, Н.А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики / Н.А. Подольный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – № 3. – С. 100–104.
6. Уголовное дело № 12204009714000045 / Архив Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга. – 2024.
7. Уголовное дело № 12104009714000060 / Архив следственного отдела ЛО МВД России в аэропорту Пулково. – 2022.
8. Уголовное дело № 1-753 / Архив Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга. – 2024.
9. Уголовное дело № 1-690 / Архив Московского районного суда г. Санкт-Петербурга. – 2023.
10. Уголовное дело № 12404009705000014 / Архив Санкт-Петербургской таможни. – 2024.
11. Уголовное дело № 12104009702000046 / Архив следственного отдела Санкт-Петербургского линейного отдела МВД России на водном транспорте. – 2022.
12. Александрова, Н.С. Личность преступника как элемент механизма совершения таможенного преступления / Н.С. Александрова // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2018. – № 1 (65). – С. 70–73.
13. Колесникова, М.М. Общая характеристика лиц, совершающих таможенные преступления: цели и мотивы действий / М.М. Колесникова // Вестник ЗабГУ. – 2009. – № 3. – С. 109–113.

УДК 343.32

ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ К АКТУАЛЬНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ

Игорь Алексеевич Антонов, доктор юридических наук, главный научный сотрудник отдела подготовки кадров высшей квалификации научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Роман Владимирович Черепанов, адъюнкт адъюнктуры и докторантуры научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

На основе историко-правового анализа обоснована необходимость законодательного закрепления родового определения государственной измены. Казуистичная диспозиция ст. 275 УК РФ порождает риски расширительного толкования. Предложена авторская редакция уголовно-правовой нормы с закрытым перечнем форм деяния и четкими критериями отграничения от смежных составов, направленная на обеспечение правовой определенности и единства судебной практики.

Ключевые слова: измена, государственная измена, ст. 275 УК РФ, законодательная дефиниция, историко-правовой анализ, внешняя безопасность государства.

PHENOMENON OF HIGH TREASON IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: FROM HISTORICAL RETROSPECTIVE TO CURRENT LEGISLATIVE DEFINITION

Antonov, I.A., Cherepanov, R.V.

Drawing on a historical-legal analysis, the article substantiates the need for a legislatively enshrined generic definition of high treason. The casuistic disposition of Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation gives rise to the risks of expansive interpretation. The authors propose a wording of the criminal-law provision featuring an exhaustive list of the forms of conduct and clear criteria for its delineation from related offenses, aimed at ensuring legal certainty and uniformity of judicial practice.

Keywords: treason, high treason, Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation, legislative definition, historical-legal analysis, external security of the state.

Актуальность темы исследования. Исследование является актуальным, поскольку обеспечение национальной безопасности, защита суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности государства на всех исторических этапах являлось необходимым условием самого государственного существования России [1, С. 5], что предопределяет особую роль уголовного права как определяющего элемента межотраслевого правового режима охраны указанных ценностей. В этой связи состав государственной измены (ст. 275 УК РФ), обладающий повышенной общественной опасностью ввиду прямого посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства, требует формальной определенности уголовно-правового запрета. Вместе с тем действующая диспозиция ст. 275 УК РФ ограничена перечислением конкретных форм деяния (шпионаж, выдача государственной тайны, переход на сторону противника и т.п.) при отсутствии законодательного определения понятия «государственная измена». Указанный пробел обуславливает нечеткость границ состава преступления (особенно в части формулировки «иная помощь»), затрудняет разграничение со смежными преступлениями и создает предпосылки для расширительного толкования в следственно-судебной практике. Дополнительную остроту проблема приобретает в условиях современных геополитических реалий, гибридных угроз и военного противостояния, требующих адекватной правовой оценки новых форм деструктивной деятельности. Исходя из этого, возникает необходимость историко-правового осмысления эволюции понятия государственной измены и выработки оптимальной законодательной дефиниции, обеспечивающей баланс между полнотой охвата угроз и принципом правовой определенности.

Анализ научных исследований. В разное время вопросам уголовно-правовой охраны безопасности государства, проблематике государственной измены и смежных составов преступлений свои работы посвятили: С.В. Борисов, М.И. Бородина, С.В. Дьяков, А.Г. Кулев, А.В. Наумов, В.Н. Рябчук, Н.С. Таганцев, А.А. Чугунов и другие ученые, однако вопрос законодательного закрепления родового определения государственной измены остается открытым (казуистичная диспозиция ст. 275 УК РФ порождает риски расширительного толкования).

Целью исследования является выявление на основе историко-правового анализа закономерностей эволюции понятия государственной измены в российском законодательстве, обоснование необходимости закрепления родового определения данного преступления и предложение авторской редакции диспозиции ст. 275 УК РФ, обеспечивающей правовую определенность и единство правоприменительной практики.

Изложение основного материала. Историческая эволюция юридического и политического понятия «государственная измена» представляет собой сложный процесс семантической и социальной трансформации, заключающийся в переходе от идеи нарушения личной, договорной верности конкретному правителю к концепции преступления против абстрактного публично-правового образования – государства-нации. Этот семантический и социальный сдвиг

выявляется через комплексный анализ изменения языковых значений, развития правовых норм и смены политических парадигм.

Обращение к этимологии слова «измена» позволяет реконструировать его первоначальное содержание. Термин восходит к старославянскому существительному «измѣна» [2, С. 159], которое образовано с помощью суффикса а- от глагола «измѣнити» («изменять»). Этот глагол, в свою очередь, является префиксальным производным (префикс из-) от основы мѣн- (ср. диалектное «мѣнити» – «менять»), связанной с праславянским корнем mēn-. Последний находит широкие индоевропейские соответствия (лит. mainai «обмен», латыш. maina «перемена», др.-инд. mayate «меняет») [3, С. 172, 262].

Первоначальное значение корня mēn- соотносилось с идеей перехода, замещения – от сугубо материального обмена («мѣна») до изменения характера социальных связей. Глагол «изменить» в этимологическом смысле означал «сменить, переменить, передать что-либо кому-либо», а применительно к социальной сфере – «переменить сторону, перейти на иную позицию или к иному покровителю». Иначе говоря, в исходном значении «измена» мыслилась не как предательство некой абстрактной идеи, а как вполне конкретный акт перехода, предполагавший смену верности и разрыв персональной связи.

Переход от нейтрального значения «смена» к резкому оценочному «предательство» – процесс, без понимания которого невозможно адекватно оценить природу рассматриваемого преступления. В условиях национального государства измена Родине уже не сводится к простой перемене юрисдикции. По существу, речь идет о фундаментальном разрыве гражданином конституционно-правовой и нравственной связи со своим государством. Не формальное нарушение запрета как таковое, а именно этот глубинный нравственно-политический конфликт определяет высшую степень общественной опасности деяния и, соответственно, строгость уголовной репрессии. Современное толкование, фиксирующее значения «предательство интересов родины» и «нарушение верности», свидетельствует о завершении указанного семантического сдвига [4, С. 238].

Дореволюционный период (IX – начало XX века).

В начальный период развития древнерусского права измена не получила специальной законодательной регламентации, что объясняется отсутствием самого института государства в его современном понимании. Посягательства на верховную власть воспринимались как личная «обида» князя и влекли за собой частную месть или княжескую опалу, но не публичное уголовное преследование.

Первый шаг к институционализации данного деяния связан с Псковской Судной грамотой 1467 года. Статья 7 устанавливала за «перевет» (измена, шпионаж или бегство к врагу с предательскими целями) смертную казнь, приравнивая его по степени тяжести к краже из Кремля и поджогу [5, С. 39]. Предательство, таким образом, осмыслялось уже не только как личная обида князя, но как преступление против государственно-политического образования.

Судебники 1497 и 1550 годов последовательно расширяли круг деяний, посягающих на государство. На смену общим формулировкам пришла

конкретная криминализация: были выделены такие формы, как «коромола» (заговор или измена), «подым» (призыв к мятежу), «зажигальничество» (поджог города) и «градской здавец» (умышленная сдача города неприятелю). Казуистичная техника и невысокий уровень юридической определенности ключевых понятий сохранялись [6, С. 19-20], однако сами правовые нормы уже свидетельствуют о достаточно четком понимании законодателем объективной стороны посягательств: наказуемой становилась не абстрактная нелояльность, а конкретные действия, направленные на подрыв внутренней стабильности и внешней безопасности формирующегося централизованного государства.

Соборное Уложение 1649 года ознаменовало новый уровень юридической техники: впервые преступления против государя и государства были систематизированы в рамках отдельной главы (II), объединившей различные по характеру посягательства – от измены и бунта до оскорбления государя [7, С. 86]. Внутри этой системы нормотворец уделил особое место государственной измене, сконструировав ее через перечисление конкретных форм деяния и предложив обобщенную характеристику. Статья 2, консолидировав предшествующие нормы, гласит: *«Также будет кто при державе царьского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать собирать, или кто царьского величества с недруги учнет дружитца, и совестными грамотами ссылатца, и помочь им всячески чинить, чтобы тем государевым недругом, по его ссылке, Московским государством завладеть или какое дурно чинить ...и такова изменника по тому же казнити смертию»* [8, С. 147].

С научной точки зрения данная статья не содержит абстрактной юридической дефиниции термина «государственная измена». Законодательная техника остается казуистичной: вместо формулировки общего понятия представлено перечисление конкретных, наиболее типичных для того времени форм деяния. С позиции современной теории юридической техники анализируемая статья может быть квалифицирована как описательный состав-предписание – конструкция, типичная для правовой мысли XVII века. Обобщение в ней достигалось не дедуктивным конструированием абстрактных категорий, а индуктивным суммированием отдельных казусов.

Новый этап нормативного регулирования связан с Артикулом воинским 1715 года. Глава XVI «Об измене и переписке с неприятелем» впервые закрепила термин «измена» в общегосударственном законодательном акте. Артикул 124 устанавливал ответственность за тайную переписку и подачу сигналов неприятелю, что, по существу, означало криминализацию шпионской деятельности, хотя сам термин «шпионаж» в тексте закона не употреблялся [9, С. 420]. Вместе с тем казуистичная техника здесь сохранялась в полном объеме: законодатель ограничивался перечнем конкретных деяний, не предпринимая попытки сформулировать обобщенное определение измены.

Последующее законодательство имперского периода не предложило принципиально новых подходов к ответственности за государственную измену. Даже Свод Законов 1832 года (ст. 226-227) носил компилятивный характер, лишь

воспроизвел нормы Соборного Уложения и Воинского устава.

Принципиальный сдвиг происходит с принятием Устава военно-уголовного 1839 г., который впервые вводит сам термин «государственная измена» и закрепляет его определение. При этом впервые общественно опасное деяние фокусируется исключительно на посягательствах против внешней безопасности государства, отграничиваясь от внутривнутриполитических преступлений. Согласно ст. 179 государственною изменою признается: *«1) Кто умыслит предать государство или какую-либо его часть онаго внешнему неприятелю (а). 2) Кто будет вызывать и поощрять соседние Государства к войне против отечества, или подавать им повод и предлог к оной (б). 3) Кто во время войны или сам будет переезжать к неприятелю для сообщения ему сведений о состоянии Армии и внутреннем положении государства, или имеет с неприятелем тайную переписку, или принимать неприятельских шпионов (в). 4) Кто перейдет к неприятелю (г). 5) Кто, приняв от неприятеля возмутительные манифесты и объявления, будет разсеивать оные (д)»* [10, С. 420]. Примечание к статье вводит принцип открытости перечня, позволяя распространять правовую норму на деяния, прямо не предусмотренные Уставом, но тождественные по антигосударственной направленности. В результате чего данная дефиниция заложила понятийную основу состава государственной измены в отечественном праве именно как преступления против внешней безопасности – конструкция, которая в целом сохраняется и в современном уголовном законодательстве.

Дальнейшая систематизация уголовного законодательства нашла отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Анализ второго отделения главы второй «О бунте против власти верховной и о государственной измене» (статья 275 Уложения) позволяет выявить особенности ее законодательной дефиниции. Норма представляет собой развернутое казуистическое определение, сконструированное через экстенсивный перечень составов, дифференцированных по признакам субъекта, времени совершения деяния и форме вины. В мирное время к измене относились умысел на предательство интересов государства, возбуждение иностранной державы к войне против России и сообщение государственных тайн (п. 1-2). Напротив, составы измены в военное время (п. 3) сформулированы открыто: «способствовать или благоприятствовать неприятелю... иными действиями», что воспроизводит адаптивный принцип, заложенный в Уставе 1839 года. Самостоятельный состав образовывала «дипломатическая измена» (п. 4). Такой подход свидетельствует о появлении у законодателя понимания того, что характер и степень общественной опасности деяния меняются в зависимости от состояния государственной безопасности, а сама измена в военное время трансформируется в непосредственную угрозу обороноспособности как таковой, требующую максимально гибкой правовой реакции.

В редакции Уложения 1885 года отделение о государственной измене не претерпело содержательных изменений: изменилась лишь нумерация статей (с 275-282 на 253-261) и были частично скорректированы санкции отдельных

норм [11, С. 193–195].

Уголовное уложение 1903 года ознаменовало переход к обобщенным формулам: статья 108 впервые закрепляет родовое понятие измены через формулу «способствования или благоприятствования неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях». Это решение было осознанным, поскольку законодатель, по свидетельству Н.С. Таганцева, не мог предусмотреть все возможные виды изменнических действий и потому избрал обобщенный способ описания состава [12, С. 197]. Однако данную правовую норму еще нельзя признать генеральной дефиницией в строгом смысле: формула сохраняла привязку к военному времени и не охватывала весь спектр действий, направленных на предательство.

Советский период (1917 – 1991 годы).

Октябрьская революция 1917 года открыла принципиально новый этап в развитии отечественного уголовного законодательства. Термин «государственная измена» был сознательно исключен из нормативного оборота и заменен понятием «контрреволюционные преступления». Причины носили идеологический характер: в условиях становления советского строя слова «Родина» и «государство» ассоциировались с царским режимом, тогда как термин «контрреволюционный» был привычен населению и уже использовался в законодательстве после Февральской революции 1917 года [13, С. 116]. Первоначально нормы об ответственности за посягательства на советскую власть, включая те действия, которые ранее квалифицировались как изменнические, закреплялись разрозненно – в отдельных декретах Совета народных комиссаров и постановлениях Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем [14, С. 580–581].

Систематизация и кодификация данных уголовно-правовых запретов были осуществлены в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года. Впервые в истории отечественного законодательства составы государственных преступлений, включая государственную измену, были помещены на первое место в Особенной части кодекса, тогда как ранее в уголовном законодательстве Российской империи приоритет традиционно отводился преступлениям против веры. Статья 57 закрепила общее определение контрреволюционного преступления, охватившее и изменническую деятельность, однако самостоятельный состав государственный измены выделен не был: она оказалась растворенной в широкой категории контрреволюционных посягательств, что придавало уголовно-правовой норме излишнюю политизированность и репрессивную широту [23, С. 12–18].

Дефиниция, по верному утверждению А.Г. Кулева, носила аморфный характер, а ее экспрессивный характер открывал возможности для привлечения к ответственности широкого круга неугодных лиц [6, С. 41]. В результате понятие измены в этот период вновь приобрело смешанный характер, объединяя в едином составе как внешние, так и внутренние политические угрозы, в отличие от дореволюционной традиции, которая начиная с Устава 1839 года последовательно разграничивала измену (внешняя безопасность) и

внутриполитические преступления.

Расширение понятия контрреволюционного преступления было осуществлено в Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных против порядка управления), принятом ЦИК СССР 25 февраля 1927 года [16]. Данный акт впервые в советском законодательстве включил в объект уголовно-правовой охраны внешнюю безопасность СССР наряду с внутренними завоеваниями революции, что означало частичный возврат к дореволюционной логике, разграничивавшей посягательства на внешнюю и внутреннюю безопасность государства. Само же определение контрреволюционного преступления как деяния против «завоеваний пролетарской революции» сформировалось под влиянием трёх ключевых факторов: особенностей этапа становления СССР, острой потребности в защите государственного суверенитета от посягательств извне и изнутри, а также доминирования в доктрине того времени идей социологической школы уголовного права [17, С. 206–210].

В период действия УК РСФСР 1926 года совершенствование законодательства о государственных преступлениях продолжилось. В частности, 21 ноября 1929 года был принят Закон о невозвращениях [18], который квалифицировал отказ должностных лиц вернуться из-за границы как измену. Помимо этого, 8 июня 1934 года вступил в силу Закон об измене Родине, впервые закрепивший сам термин «измена Родине». Оба закона были инкорпорированы в текст УК РСФСР 1926 года. В связи с чем текст статьи 58.1а стал следующим: *«Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу»* [19].

В отличие от предшествующей аморфной «контрреволюционной» терминологии, эта формула впервые четко привязала состав преступления к признаку гражданства и конкретным интересам государственной безопасности. Однако жесткая перечислительная диспозиция, лишенная открытых или оценочных элементов, делала норму крайне ригидной, не позволяя правоприменителю гибко реагировать на новые, не описанные в диспозиции способы посягательства.

Последующее развитие нормы об измене Родине получило в Законе СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» [20], положения которого были полностью воспроизведены в УК РСФСР 1960 года (ст. 64). По сравнению с предшествующим законодательством, диспозиция статьи подверглась технико-юридической корректировке: из текста была исключена избыточная идеологическая фразеология, а перечень форм преступного деяния был уточнен и расширен. Сущностное содержание нормы при этом осталось неизменным. В рамках этой же модели окончательно оформилось соотношение измены со шпионажем: УК РСФСР 1960 года разграничил составы по признаку гражданства (измена –

для граждан СССР, шпионаж – для иностранцев и апатридов), хотя объективная сторона деяний оставалась схожей. Такая конструкция, подвергавшаяся критике за искусственность, была в неизменном виде воспринята УК РФ 1996 года, что предопределило дальнейшую дискуссию о соотношении норм ст. 275 и 276 УК РФ [21, С. 87-93].

Современное регулирование (УК РФ 1996 года).

Смена государственного строя и социально-экономических отношений в России в 1990-е годы закономерно повлекла за собой необходимость реформирования всего уголовного законодательства. При этом законодатель, отказавшись от идеологически нагруженного термина «измена Родине», поместил рассматриваемый состав в главу 29 УК РФ под наименованием «государственная измена» (ст. 275 УК РФ).

Примечательно, что разработчики сознательно сузили объект посягательства исключительно до внешней безопасности, вернувшись к дореволюционной логике и отойдя от смешанной советской модели. Однако, в отличие от исторических аналогов (например, Устава 1839 г.), современная правовая норма не содержит развернутого определения, ограничиваясь лишь казуистичным перечнем: *«Государственная измена, то есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации»* [22].

Следует отметить, что подобная законодательная конструкция и ее соотношение со смежными составами преступлений вызвали неоднозначную оценку в доктрине уголовного права и породили научную дискуссию, не утихающую до настоящего времени. Не углубляясь в терминологические аспекты данной дискуссии, касающиеся определения понятия «государственная измена» и его недостатков [23, С. 61–62], заметим, что законодатель вновь обратился к технике построения состава преступления путем перечисления конкретных форм измены, отказавшись от абстрактного определения данного деяния. Тем самым были искусственно сужены границы применения рассматриваемой нормы. Наряду с этим законодатель отказался от признака «враждебности», конкретизировал предмет и субъект преступления, а круг лиц, на которых распространяется действие правовой нормы, был уточнен [24, С. 208].

На дальнейшую эволюцию исследуемой правовой нормы существенное воздействие оказали геополитические обстоятельства. Конституционализация суверенитета в качестве национальной ценности в 2020 году [25, С. 6] и проведение специальной военной операции поставили на повестку дня вопрос об усовершенствовании уголовно-правовых механизмов защиты государственных интересов. Так, Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ статья 275 УК РФ была дополнена новой формой государственной измены – «переход на сторону противника» [26]. Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ в примечание введено официальное определение понятия «противник»

(унифицированное с примечанием к статье 276 УК РФ) и детализировано содержание «перехода на сторону противника». При всей значимости этих точечных новелл, адаптирующих правовую норму к современным вызовам, смысловым стержнем итоговой законодательной дефиниции должен выступать именно суверенитет как высшая конституционная ценность, поскольку посягательство на него и составляет подлинное содержание исследуемого деяния [27, С. 136–137].

Рост числа осужденных по статье 275 УК РФ (2020 – 6 лиц, 2021 – 14, 2022 – 16, 2023 – 39, 2024 – 145 (статистические данные за 2025 год в открытом доступе не опубликованы на момент написания настоящего исследования)) подтверждает актуальность законодательной конкретизации состава рассматриваемого преступления [28].

В действующей редакции ст. 275 УК РФ закреплено следующее положение: *«Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации»* [29]. В примечаниях к статье 275 УК РФ раскрывается содержание понятия «противник», разъясняется, что подразумевается под «переходом на сторону противника», а также предусматривается условие освобождения от уголовной ответственности за государственную измену.

Принципиально важно, что в действующей законодательной конструкции упоминание о суверенитете как непосредственном объекте посягательства полностью отсутствует, хотя речь идет о высшей конституционной ценности. Это обстоятельство само по себе указывает на необходимость пересмотра самой законодательной дефиниции данного преступления.

Сопоставление рассмотренных подходов к нормативному закреплению государственной измены приводит к следующему выводу. Советская модель, сочетавшая родовую характеристику с закрытым перечнем, была продуктом своего времени и страдала от излишней политизации и репрессивной широты. Современная конструкция, формально детализируя способы совершения преступления, оставляет границы состава преступления размытыми вследствие оценочного признака «иная помощь» и не содержит четкой родовой дефиниции. Следовательно, ни один из этих подходов не свободен от существенных изъянов. В данной связи методологически обоснованным представляется иной путь: интеграция родовой дефиниции непосредственно в диспозицию правовой нормы в сочетании с формированием закрытого перечня деяний, при обязательном учете как исторического опыта, так и современных реалий уголовно-правового

регулирования.

Авторская редакция диспозиции статьи 275 УК РФ: обоснование и содержание

Действующая редакция статьи 275 УК РФ возлагает на диспозицию функцию описания конкретных форм деяния, не снабжая их четким родовым определением. Результатом становится смысловая перегруженность текста и оценочная неопределенность. Открытая конструкция «иная помощь», лишенная строгих смысловых рамок, создает опасность необоснованного расширительного толкования: под квалифицирующий признак измены могут подпадать деяния, которые по не посягают на фундаментальные основы государственности. С точки зрения современной законодательной техники, базовое определение конкретного состава преступления должно быть интегрировано непосредственно в диспозицию правовой нормы. Вынесение дефиниции за пределы диспозиции (например, в примечание) [30, С. 2] методологически оправдано лишь для раскрытия отдельных специальных понятий, оценочных признаков или условий освобождения от ответственности, но не для подмены самого состава преступления. Включение родового конструктивного признака непосредственно в текст ст. 275 УК РФ позволит сохранить структурную целостность нормы и обеспечить принцип правовой определенности.

Необходимо оговориться, что специальный сравнительно-доктринальный анализ предлагаемых дефиниций государственной измены в отечественной науке уголовного права к настоящему времени не проводился. Большинство исследователей ограничиваются критикой действующей редакции ст. 275 УК РФ, не предлагая развернутых альтернативных конструкций. Настоящее предложение является в этом отношении одним из первых опытов нормативного конструирования такого рода.

Предлагается следующая редакция диспозиции статьи 275 УК РФ:

«Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации в интересах иностранного государства, международной либо иностранной организации или их представителей и заведомо направленные против суверенитета, территориальной целостности либо обороноспособности Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической или консультационной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».

Предложенная редакция обладает рядом преимуществ с точки зрения законодательной техники и правоприменительной практики.

Во-первых, введение общего конструктивного признака «в интересах

иностранного государства... и заведомо направленные против суверенитета...» не трансформирует альтернативные деяния (шпионаж, выдачу государственной тайны, переход на сторону противника и оказание помощи) в «способы» совершения некоего более обобщенного деяния. Они сохраняют статус самостоятельных, юридически равнозначных форм объективной стороны состава, а предлагаемый признак лишь указывает на их общую объективную и субъективную направленность.

Во-вторых, важнейшим нововведением является исключение оценочной конструкции «иная помощь» и формирование закрытого перечня форм содействия (финансовая, материально-техническая, консультационная помощь). Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ, демонстрирующая кратный рост числа осужденных по ст. 275 УК РФ, диктует необходимость максимальной конкретизации состава. Закрытый перечень выступает надежным гарантом принципа «*nullum crimen sine lege certa*», исключая возможности для необоснованного расширительного толкования и позволяя правоприменителю четко отграничивать государственную измену от смежных преступлений против безопасности государства, не обладающих столь высокой степенью общественной опасности, в первую очередь ст. 275.1 УК РФ.

В-третьих, использование в диспозиции устоявшихся конституционно-правовых категорий («суверенитет», «территориальная целостность», «оборонеспособность») в качестве объектов направленного воздействия придает правовой норме необходимую нормативную строгость. Вместе с тем следует оговориться: суверенитет как объект правовой охраны защищается в российском законодательстве не только от внешних, но и от внутренних угроз, что прямо следует из Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [31]. Поэтому отграничение государственной измены от иных преступлений против основ конституционного строя (например, от насильственного захвата или удержания власти, вооруженного мятежа) обеспечивается не абстрактным противопоставлением «внешнего» и «внутреннего», а прямым указанием на обязательный иностранный элемент: совершение деяния исключительно «в интересах иностранного государства...». Наличие же иностранного элемента в сочетании со специальным субъектом (гражданином РФ), разрывающим конституционную связь с государством, и составляет ту онтологическую специфику, которая отличает государственную измену от иных преступлений против внешней безопасности.

Подводя итог, отметим: интеграция родового конструктивного признака и закрытого перечня деяний непосредственно в диспозицию статьи 275 УК РФ позволяет устранить смысловую перегруженность нормы, сохранить догматическую чистоту формального состава и сформировать устойчивый механизм отграничения данного преступления от смежных посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства. В конечном счете это способствует единству судебной практики и укреплению принципа правовой определенности в сфере уголовно-правовой охраны безопасности Российской Федерации.

Выводы. Историко-правовое исследование феномена государственной измены позволяет сформулировать следующие положения, значимые для доктрины уголовного права, правотворческой деятельности и правоприменительной практики.

Эволюция отечественного законодательства (от Псковской Судной грамоты до действующего УК РФ) обнаруживает последовательную смену законодательных моделей: от казуистического перечисления конкретных составов измены к абстрактным формулировкам и далее – к детализированному описанию форм деяния. Ни один из изученных исторических подходов, взятый в изолированном виде, в чистом виде не обеспечивает надлежащего баланса между полнотой охвата общественно опасных деяний и соблюдением принципа правовой определенности.

Действующая редакция ст. 275 УК РФ совмещает в диспозиции описание конкретных форм деяния при отсутствии четкого родового определения. Следствием становятся смысловая перегруженность и оценочная неопределенность, порождающие трудности квалификации и доктринальные разногласия. В этих условиях методологически обоснованным видится включение общего определения государственной измены непосредственно в диспозицию статьи с одновременным исключением оценочных признаков.

Предложенная авторская редакция диспозиции статьи 275 УК РФ имеет ряд достоинств. Закрытый перечень форм деяния исключает оценочное толкование и гарантирует соблюдение принципа правовой определенности; четкие субъективно-объективные критерии обеспечивают точность квалификации и служат гарантией от объективного вменения. Опора на устоявшиеся конституционные категории («суверенитет», «территориальная целостность», «оборонеспособность») придает норме необходимую нормативную строгость, а указание на иностранный элемент позволяет корректно отграничить состав от внутренних угроз суверенитету. Совершенствование диспозиции ст. 275 УК РФ в предложенном направлении устраняет внутреннюю противоречивость правовой нормы и формирует устойчивый механизм ее толкования, укрепляющий единство судебной практики и обеспечивающий соблюдение принципа правовой определенности.

Список литературы

1. Блатин, С.В. Национальная безопасность Российской Федерации и участие в её обеспечении органов государственной охраны : монография / С.В. Блатин. – Орёл : Академия ФСО России, 2014. – 167 с.
2. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.
3. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская ; под ред. С.Г. Бархударова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1971. – 542 с.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : ООО «Издательский

дом "ОНИКС 21 век"» ; ООО «Издательство "Мир и Образование"», 2004. – 896 с.

5. Мартысевич, И.Д. Псковская судная грамота : историко-юридическое исследование / И.Д. Мартысевич. – Москва : Издательство Московского университета, 1951. – 208 с.
6. Кулев, А.Г. Преступления против внешней безопасности государства : вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Кулев. – Ярославль, 2009. – 228 с.
7. Российское законодательство X–XX веков : тексты и комментарии: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1985. – Т. 3. – 432 с.
8. Соборное Уложение 1649 года // Законодательные памятники русского централизованного государства XV–XVII веков. – Л., 1987. – 448 с.
9. Памятники русского права. Вып. 8 / под ред. К.А. Софроненко. – М., 1961. – 668 с.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – 898 с.
11. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н.С. Таганцев. – 6-е изд., пересм. и доп. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1889. – 774 с.
12. Уголовное уложение 22 марта 1903 года / изд. Н.С. Таганцева. – СПб., 1904. – 1122 с.
13. Курс советского уголовного права. Часть особенная / Н.А. Беляев, Г.З. Анашкин, В.С. Прохоров и др. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 836 с.
14. Наумов, А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. / А.В. Наумов. – Москва, 2004. – Т. 2 : Особенная часть. – 832 с.
15. Дьяков, С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография / С.В. Дьяков ; Ассоц. «Юридический центр». – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2012. – 265 с.
16. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1927. – Отд. 1, № 12. – Ст. 123.
17. Маликов, С.В. УК РСФСР 1926 г. : отражение положений социологической школы / С.В. Маликов // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.) : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 28–29 июня 2021 года / отв. ред. В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. – С. 202–214.
18. Собрание Законов и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. – 1929. – № 76. – Ст. 732.
19. Собрание Законов и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства

- Союза Советских Социалистических Республик. – 1934. – № 33. – Ст. 255.
20. Закон СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 8.
21. Борисов, С.В. Государственная измена и шпионаж как одни из наиболее опасных преступлений против безопасности Российской Федерации / С.В. Борисов, А.А. Чугунов // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 3 (15). – С. 87–93.
22. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
23. Рябчук, В.Н. Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование / В.Н. Рябчук. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. – 1100 с.
24. Бородина, М.И. Анализ изменений уголовно-правовых характеристик преступления «государственная измена» до и после принятия федерального закона от 12 ноября 2012 г. № 190-ФЗ / М.И. Бородина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 19, № 3 (131). – С. 207–212.
25. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства : монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.] ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 423 с.
26. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29 (часть I-II). – Ст. 5227.
27. Антонов, И. А. Уголовно-правовая охрана внешней безопасности Российской Федерации / И.А. Антонов, Р.В. Черепанов // Сибирское юридическое обозрение. – 2026. – Т. 23, № 1. – С. 129–140.
28. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. – Текст : электронный // Агентство правовой информации : официальный сайт. – URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 26.07.2026).
29. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 53 (часть I). – Ст. 8520.
30. Войтович, А. Примечания в уголовном законе / А. Войтович, А. Рарог // Законность. – 2008. – № 2 (880). – С. 2–6.
31. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

УДК 343.3/.7+341.341

ОБРАЩЕНИЕ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ: ДОКТРИНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Юлия Викторовна Грачева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва)
(e-mail: JVGRACHEVA@msal.ru)

В статье дан подробный анализ мер, принимавшихся международным сообществом по гуманизации обращения с военнопленными, усилий России как в целом по регулированию обычаев и законов войны, так и обращению с военнопленными (две международные конференции – Брюссельская 1874 г. и Гагская 1898 г.), показаны противодействие ряда зарубежных стран, в первую очередь Англии, российским предложениям по режиму содержания плененных и роль Ф.Ф. Мартенса в разработке проектов соответствующих Конвенции и Декларации конференции. Раскрыто содержание Конвенций 1929 и 1949 гг., высказаны предложения по выработке действенного механизма по пресечению нарушений международно-правовых правил обращения с военнопленными.

Ключевые слова: военные конфликты, военнопленные, понятие военнопленного, правовой статус военнопленного, международно-правовые акты, обращение с военнопленными, доктринальные основы статуса военнопленных.

TREATMENT OF PRISONERS OF WAR: DOCTRINAL AND LEGAL FOUNDATIONS

Gracheva, Ju.V.

The article provides a detailed analysis of the measures taken by the international community to humanize the treatment of prisoners of war, as well as Russia's efforts to regulate the customs and laws of war and the treatment of prisoners of war (two international conferences, the Brussels Conference of 1874 and The Hague Conference of 1898). The article also highlights the opposition of several foreign countries, particularly England, to Russia's proposals regarding the treatment of prisoners of war, and the role of F.F. Martens in the development of the relevant Convention and Declaration. The content of the 1929 and 1949 Conventions is analysed, and proposals are made to develop an effective mechanism for preventing violations of international legal rules regarding the treatment of prisoners of war.

Keywords: *military conflicts, prisoners of war, concept of a prisoner of war, legal status of a prisoner of war, international legal acts, treatment of prisoners of war, doctrinal foundations of the status of prisoners of war.*

Актуальность темы исследования обусловлена рядом обстоятельств и в первую очередь нарушением Украиной прав пленных, что получило признание ООН. Обращение к истории позволяет вывить становление и эволюцию международного и национального законодательства, уголовно-правовые взгляды, сложившиеся по статусу военнопленного и обязательств воюющих стран по их обеспечению, показать роль России в формировании соответствующих международных конвенций.

Цель исследования – определить генезис доктринальных и правовых основ статуса военнопленных, раскрыть характеристику основных положений, регламентирующих обеспечение гуманного обращения с ними, в том числе закрепленных в международных конвенциях.

Изложение основного материала. *Военнопленные: понятие и правовой статус. Истоки.* Согласно дошедшим до нас историческим памятникам первобытные народы боготворили войну. По понятиям великих воинов древнего мира – римлян, копье (*hasta*) являлось символом права собственности.

Войну называли божественной, потому что она выступала законом мира; войну считали божественной как в окружающей ее таинственной славе, так и в необъяснимом влечении, которую к ней чувствуют; войну признавали божественной из-за ритуала ее объявления. Гуго Гроций вообще настаивал на необходимости торжественного объявления войны. Он отмечал, что даже сложились формулы объявления войны: «“Объявляю и начинаю войну против народов древних латинян и людей древних латинян” (Ливии, кн. I) ... “Не угодно ли повелеть объявить войну царю Филиппу и македонянам, состоящим под его властью” (Ливии, кн. XXXI), или ... “Римский народ повелел начать войну с народом гермундульским и гермундульцами” (Геллий, XVI, 4)» [8, С. 37]); войну воспринимали божественной исходя из ее последствий. Причем надо заметить, что подобного рода гимн войне превозносили величайшие умы своего времени, считая ее «творцом, началом всех вещей» (Гераклит) [6; 26].

В средние века война была «законом феодализма» и нормальным состоянием международной и государственной жизни.

Общественное мнение изменилось только в XIX в., хотя, следует сказать, что и ранее высказывались против войны. Так, еще древнегреческий историк (по выражению Цицерона – «отец истории») Геродот Галикарнасский говорил: «Никто настолько не безрассуден, чтобы предпочесть войну миру. Ведь во время войны отцы хоронят детей, а во время же мира – дети отцов» [18, С. 5]. Дж. Ст. Милль утверждал, что «было бы оскорблением читателя подвергать обсуждению пред ним безнравственность завоевательных войн... На этот счет не может быть двух мнений между честными людьми» [1, С. 171].

Неизменным спутником войны являются пленение воинов и плен, по сути, они имманентны вооруженным конфликтам. Военнопленные (термин

«военнопленный» стал употребляться начиная с 1610 г., до этого пленников именовали заключенными (примерно с середины XIV в.) всегда сталкивались с особым риском пыток, жестокого, унижающего человеческое достоинство обращения [12]. Это обуславливалось по крайней мере двумя обстоятельствами: во-первых, из-за их принадлежности к вооруженным силам противника; во-вторых, временем плена – пребывание в нем, как правило, приходилось на время военных действий, когда враждебность воюющих сторон достигала своего апогея.

А.-В. Гефтер отмечает, что «по древнему международному праву все неприятельские лица, захваченные победителем, признавались военнопленными. При этом если победитель не обещал им пощады, то мог распоряжаться ими по своему произволу. Даже обязательства, принятые на себя по этому предмету, не всегда обеспечивали военнопленных. Он мог их убить, мог оскорблять, обращать в рабство. Правда, некоторые народы имели менее варварские обычаи, но они не всегда соблюдали их. Так ... воспрещалось убийство пленника, скрывшегося в храме ... обеспечивалась пощада врагу, сдавшемуся добровольно и умолявшему о милосердии. Кроме того, существовал обычай ... щадить жизнь осажденных, сдавших вместе с орудиями своей обороны» [6, С. 244].

В средние века некоторую защиту пленных обеспечивала Церковь, однако на этом этапе ей не удалось переломить ситуацию. Воюющие стороны продолжали обращаться с военнопленными жестоко, по-варварски. Только выкуп и дух рыцарства смягчали нравы победителя. Но надо выделить главное – Церковь добилась постепенного уничтожения рабства военнопленных среди христианских народов. На Востоке подобное запрещение существовало с 1260 года [6].

Плен стал восприниматься как временное фактическое лишение военнопленного свободы для того, чтобы он не мог вернуться в свою страну и снова принять участие в войне. В практику межгосударственных отношений стал внедряться принцип, согласно которому народы должны во время мира сообща делать как можно больше добра, а во время войны – как можно меньше зла (Письмо Талейрана Наполеону. 20 ноября 1806 г.) [13].

Начиная с конца XIX в. международное сообщество стало прилагать усилия по определению статуса военнопленных. Активная роль в этом принадлежала России. Так, по ее инициативе в 1874 г. состоялась Брюссельская международная конференция.

Целью международной конференции являлась кодификация законов и обычаев войны, предполагающих уменьшение страданий людей во время вооруженных конфликтов государств. В циркуляре Российского правительства от 17 апреля 1873 г., направленном европейским государствам, указывалось: «...чем более развивается в настоящее время солидарность, предназначенная приблизить и соединить народы как членов одной семьи, чем более ... военная их организация имеет назначением придать их распрям характер борьбы между вооруженными нациями, тем более оказывается необходимым определить

точнее, чем до сих пор, законы и обычаи, согласные с состоянием войны, для того, чтобы ограничить последствия и уменьшить ее бедствия, насколько это возможно и желательно. В виду этой цели кажется необходимым, посредством взаимного соглашения, установить правила, которые должны быть обязательны как для самих правительств, так и для армий, на основании полнейшей взаимности» [15, С. 89-90].

Кстати сказать, эта же идея была заложена и в знаменитой декларации Екатерины II от 28 февраля 1780 г. относительно морского международного права. Ф.Ф. Мартенс пишет: «На основании документов, хранящихся в наших архивах, не подлежит сомнению, что императрицу сильно занимала мысль о составлении *общенародного кодекса*, в котором были бы определены обязательные для всех народов, во время морской войны, правила» [15, С. 90]. Принципы, изложенные в указанной декларации, не только были одобрены на Парижском мирном конгрессе 1856 г., но и признаны обязательными нормами международного законодательства. Таким образом, этот документ стал лучшим выражением основных начал международного морского права.

Проект Конвенции о законах и обычаях войны был подготовлен российским юристом-международником Ф.Ф. Мартенсом (Федор Федорович (Фридрих Фромгольд) Мартенс (1845–1909) – российский ученый-правовед эстонского происхождения, доктор наук, профессор, специалист в области международного права, дипломат, член Совета Министерства иностранных дел Российской империи (с 1881 г.)) [7, С. 42–43; 21]. В нем были учтены Полевая инструкция для армий Соединенных штатов [2; 3], Женевская конвенция 1864 г. об участии больных и раненых воинов, сложившиеся к этому времени обычаи войны и др. Проект, к сожалению, не стал действующим международным актом. Проблема была отнюдь не в качестве документа (к нему практически не было замечаний), многими государствами не воспринималась сама идея, заложенная в нем, – ограничение войны международными гуманитарными нормами.

Активным противником принятия конвенции выступала Великобритания. В английской периодической печати были опубликованы материалы, грубо искажающие авторство как самой идеи проведения конференции, так и проекта конвенции. Утверждалось, что проект был составлен в Берлине, но прусское правительство считало неприличным предложить его рассмотрение европейским державам. Согласно другим публикациям, Россия заимствовала эту идею у европейских государств, раньше предложивших обсудить законы войны. Другими словами, Россия перехватила у них инициативу. Между тем, еще в номере от 26 января 1873 г. «Петербургских ведомостей» указывалось на необходимость издания свода законов войны. «Накануне введения у нас всеобщей повинности, – говорится в статье, – потребность в закономерном определении прав и обязанностей войска бросается в глаза. Нельзя не желать, чтобы каждый защитник отечества не только шел на войну подготовленным и вооруженным по всем правилам военного искусства, но был бы, вместе с тем, проникнут сознанием той истины, что война не есть физическая борьба между народами, не ограниченная никакими предписаниями нравственности и права».

Таким образом, вопрос о законах войны обсуждался в России задолго до самой конференции.

Утверждение о заимствовании идеи конвенции и международной конференции не выдерживает критики по крайней мере еще по трем обстоятельствам. Во-первых, еще в самом начале 1874 г. в правительственных кругах России на официальном уровне обсуждался вопрос о созыве международной конференции для определения законов войны. Во-вторых, в марте этого же года в С.-Петербурге рассматривался первоначальный проект, предназначенный для направления европейским странам. Проект парижского общества стал известен в России намного позднее. В-третьих, русский и французский проекты существенно отличаются между собой по предмету регулирования. Достаточно сказать, что первый охватывает практически все вопросы войны, тогда как второй ограничивается лишь регламентацией статуса военнопленных и их пребывания в плену.

4 июня 1874 г. Великобритания направила России депешу, в которой требовала исключить обсуждение на конференции отношений между государствами, воюющими на море (она была вручена послом Англии лордом Лофтусом). В ответной депеше от 2/14 июля Россия заверила Англию, что конференция ограничится рассмотрением русского проекта конвенции. «Отсюда следует, – говорится в ней, – что ни военные действия на море, ни морские войны, ни отношения между воюющими на море, ни вообще общепризнанные начала международного права не будут нами ни возбуждаемы, ни затрагиваемы» [15, С. 128].

В конечном счете Англия дала согласие на участие в конференции, но ее представитель получил от своего правительства указание не высказываться в дебатах по проекту. Он добросовестно «исполнил возложенное на него поручение: во время заседаний конференции, продолжавшейся более месяца, не произнес ни одного слова при обсуждении статей русского проекта. Невольно возникает вопрос: не повредило ли это красноречивое молчание английского делегата успеху брюссельской конференции больше, нежели могло бы повредить полнейшее отсутствие представителя Англии?» [15].

В итоге конференция приняла указанный проект в виде декларации, т. е. документа, носящего рекомендательный характер.

Понятие и правовой статус военнопленного отражены в гл. 6 «О военнопленных» (ст. 23–37) проекта конвенции и аналогичной главе проекта декларации. В них учтен в том числе и опыт деятельности Парижского общества для улучшения быта военнопленных, основанного в 1872 г. Однако содержательно есть некоторые различия как в определении лиц, признаваемых военнопленными, так и их статуса. Например, в соответствии со ст. 23 проекта конвенции «военному плену подлежат все комбатанты и некомбатанты, входящие в состав признанных законом... вооруженных сил воюющих сторон...». «Военнопленные – не преступники, но легальные неприятели...» (ст. 25). Согласно ст. 23 проекта декларации «военнопленные признаются законными обезоруженными неприятелями».

Проекты конвенции и декларации допускают возможность отнесения к военнопленным лиц, которые, состоя при войсках, тем не менее не входят в их состав: корреспонденты журналов, газетные репортеры, маркитанты, поставщики, подрядчики и др. (у них должны быть разрешения на это и удостоверения личности). Следует заметить, что согласно разработанным Институтом международного права [9; 10] законам сухопутной войны (Оксфорд, 1880) указанные лица, «если они попадут в руки неприятеля, не могут быть задержаны более того, как это требуется военной необходимостью» [23, С. 328].

А. Ривье писал: «...военный плен ... уже более не рабство, но только временный арест для воспрепятствования дальнейшему участию в действиях неприятельских войск» [23, С. 330]. Пленные находятся во власти правительства, а не лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними следует обращаться человеколюбиво. Однако любое нарушение отношений подчиненности могло повлечь за собой меры наказания.

В проекте специально оговариваются имущественные права военнопленных. «Всякое имущество, лично им принадлежащее, за исключением оружия ... не подлежит отобранию от них».

Военнопленные могут находиться в городе, крепости, лагере или другой местности с обязанностью не отлучаться далее определенных границ. Содержать их в местах заключения можно не иначе, как только в целях обеспечения их безопасности. Запрещается пленных подвергать истязаниям или жестокому обращению.

Находящихся в плену лиц можно привлекать к некоторым общественным работам, соблюдая при этом два ограничения: во-первых, эти работы не должны иметь прямого отношения к военным действиям; во-вторых, они не должны быть изнурительными и унижительными для военного чина, если они относятся к армии, или для их официального и общественного положения, если они не входят в ее состав. Пленные могут заниматься разными промыслами и другими частными работами, соблюдая при этом распоряжения военной власти. Исключается их принуждение к участию в продолжающихся военных действиях на стороне государства, взявшего в плен.

Заработанные военнопленными средства либо используются для улучшения условий их содержания, либо выплачиваются при освобождении из плена.

Особое внимание в проектах уделено условиям содержания лиц, находящихся в плену. В целом они устанавливаются по одному из двух правил:

- 1) по обоюдному согласию воюющих сторон;
- 2) в случае отсутствия такого соглашения обеспечение пленных питанием и одеждой производится наравне с войсками государства, пленившего военных неприятеля.

На наш взгляд, целесообразно остановиться еще на некоторых обстоятельствах, нашедших отражение в проектах, вызывающих неподдельный интерес. Так, «в случае, если после удачного совершения побега, военнопленный впоследствии снова будет взят в плен, он не подлежит никакому взысканию за

свой прежний побег» (ст. 28 проекта декларации; в ст. 30 проекта конвенции дополнительно указано, что за такими лицами устанавливается усиленный надзор). Согласно разработанным Институтом международного права законам сухопутной войны «против пленного, обратившегося в бегство, можно после его оклика употребить оружие» (ст. 68).

Проекты предусматривают дискретное освобождение из плена «на честное слово, если им только это дозволяется законами их страны, и в таком случае они обязаны под ответственность своей чести добросовестно выполнять как в отношении собственного правительства, так и в отношении правительства, взявшего их в плен, все принятые ими на себя обязательства. При этом их собственное правительство не должно ни требовать, ни принимать от них услуг, противных данному ими честному слову» (ст. 31 проект декларации). Акты закрепляют запрет принуждения к принятию освобождения «на честное слово».

Военнопленный, освобожденный таким образом из плена и снова взятый в плен во время участия в боевых действиях против войск правительства, в отношении которого он обязался честью, может быть лишен прав и предан военному суду.

Несмотря на неудачу, «труды Брюссельской конференции, – как отмечается в литературе, – никогда не будут забыты, всегда будут иметь благотворительное влияние на военные действия, и никогда не могут быть вычеркнуты из истории русской политики, направленной к достижению истинно гуманных и великодушных целей. Такое значение было торжественным образом признано за инициативой русского правительства Институтом международного права, т. е. обществом ученых и государственных деятелей, которое имеет в своей среде лучших современных писателей цивилизованного мира по международному праву» [15, С. 139–140].

В заключительном протоколе Брюссельской конференции отмечено: «В настоящее время конференция ... присоединяется к убеждению, выраженному Правительством его императорского величества Государя императора Всероссийского, в том, что необходимо сделать шаг еще далее в деле пересмотра законов и обычаев войны, с целью более точного их определения, или же в видах указания, с общего согласия, известных пределов ограничивающих, насколько это возможно, суровости войны. Подчиненная таким условиям, война повлечет за собой менее бедствий и предотвратит усиление жестокостей, порождаемых отсутствием руководительных правил, неожиданностями и страстями, возбуждаемыми борьбой; таким образом, война успешнее может привести к ее конечной цели, т. е. к возобновлению добрых отношений и к заключению между воюющими сторонами более прочного и продолжительного мира».

Бельгия и Голландия пытались умалить значение Брюссельской конференции. В своем ответе представитель России подчеркнул, что «Россия – великая держава, великая своим могуществом, своим пространством, своим единством и своим народным духом. Несмотря на это, она искренне предана интересам мира. Величина ее устраняет всякую мысль о завоеваниях или наступательных войнах, а оборонительная ее сила так велика в настоящее время,

что ей нечего опасаться какого бы то ни было нападения. Поэтому наше правительство с полнейшим бескорыстием предложило созвание этой конференции и представило на ее обсуждение свой проект. Оно руководствовалось той мыслью, что существуют весьма важные вопросы, требующие разрешения в видах общего блага. Россия чувствует себя слишком солидарной с интересами всех, чтобы не исполнять обязанностей, вытекающих для нее из почетного и сильного положения, занимаемого ею в Европе» [15].

В августе 1875 г. Институт международного права провел своеобразный опрос членов своего общества. По их письменным ответам его генеральный секретарь Густав Ролен-Жакмэн (Густав Ролен-Жакмэн (1835–1902) – бельгийский юрист, публицист и политический деятель, один из создателей Института международного права (1873), основатель «Журнала международного права и сравнительного правоведения» (1869)) [28] – составил доклад, в котором аргументированно (в литературе даже отмечается такая особенность документа, как «редкое остроумие») отстаиваются позиции Брюссельской конференции, доказываемая несостоятельность доводов правительств некоторых стран, в частности Англии. Резолюция была принята абсолютным большинством голосов (против него голосовали только англичане). В нем подчеркнуты следующие обстоятельства, имеющие, на наш взгляд, принципиальное значение. Во-первых, Институт выражал признательность и «беспредельное уважение к великодушной инициативе Российского императора»; во-вторых, поддерживал идею кодификации законов войны; в-третьих, подчеркивал, что проект декларации заключает в себе «практические, гуманные и прогрессивные принципы».

Но, как нам кажется, главное заключалось в выводе Института. По его мнению, «при сравнении с правом войны, излагаемым в самых новейших сочинениях, брюссельский проект, как по отношению к вопросам им затронутым, так и по своему существу, стоит *на высоте современной науки*».

Институт международного права в сентябре 1877 г. на очередном заседании, проходившем в Цюрихе, принял Декларацию [21], в которой одобрил опубликованное бюро от его имени 28 мая «Воззвание к воюющим сторонам и к прессе» (в 1877-1878 гг. шла русско-турецкая война (другое название – Восточная война 1877-1878 гг.)).

В Декларации положительную оценку получил Указ Правительствующего Сената от 12 мая 1877 г., в котором говорится: «В виду смягчения бедствий войны и с целью согласовать, по мере возможности и под условием взаимности, военные действия с требованиями человеколюбия, военное начальство не преминет сообразоваться в своих распоряжениях с общим духом начал, выставленных Брюссельской конференцией 1874 г., насколько они применимы по отношению к Турции и согласны с особенной целью настоящей войны» [20].

Военное министерство России приняло меры к ознакомлению войск с указанными «конвенциями и началами», представив в «Военном сборнике», являющимся его официальным органом, своего рода военный катехизис в виде вопросов и ответов о законах и обычаях войны [20]. Несколько тысяч экземпляров издания были направлены в действующую армию.

2 июля 1877 г. русское правительство опубликовало «Временное положение о военнопленных», содержащее обязательные предписания по обращению с военнопленными, вобравшие в себя наиболее гуманные нормы международного права. Так, командирам воинских частей, при которых содержатся военнопленные, вменяется в обязанность «строго смотреть за тем, чтобы пленным не было причиняемо обид и притеснений, и чтобы положенное им довольствие доходило до них полностью и в надлежащем виде» (§ 33). Им обеспечивались свобода вероисповедания и другие права (например, право собственности).

Положение по-новому регламентировало ряд институциональных аспектов содержания лиц в плену. Так, ведение всех дел военнопленных и надзор за ними изымались из ведения Министерства внутренних дел (как предполагалось ранее) и поручались военному ведомству. «Главное заведование пленными, находящимися внутри империи, принадлежит военному министерству по главному штабу. Гражданские власти оказывают всемерное содействие военному начальству...» (§ 30 Положения).

В XIX – начале XX вв. нормы о военнопленных в том или ином объеме включались во многие международные акты. Например, согласно ст. VI Мирного трактата, заключенного в Париже 18/30 марта 1856 г. [14], «военнопленные будут немедленно возвращены с той и другой стороны». Аналогичное положение содержалось в Договоре, заключенном в Портсмуте 23/5 сентября 1905 г. между Россией и Японией [14, С. XIX].

В конце XIX в. Российское правительство вновь выступило с инициативой проведения международной конференции, посвященной законам и обычаям войны. В циркуляре Российского правительства от 12 августа 1898 г. министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев обратился к представителям России за границей с циркулярной нотой, в которой, в частности, говорилось: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны были бы стремиться усилия всех правительств... Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающего всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи ... конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века» [28].

Инициатива Николая II получила диаметрально противоположные оценки. Но надо заметить, что представители лишь немногих западных стран восприняли ее благосклонно. Многие средства массовой информации признавали предложения императора непрактичными и неосуществимыми [23, С. 19]. Например, Франция считала, что ее границы обеспечены хуже, чем границы России, поэтому частичное и пропорциональное разоружение может оказаться для нее неприемлемым.

Россия была вынуждена пересмотреть задачи конференции. Причины этого отражены в ноте М. Н. Муравьева от 30 декабря 1898 г., адресованной иностранным дипломатическим представителям в С.-Петербурге.

Конференция заседала в Гааге с 18 мая по 29 июля 1899 г., вошла в историю как Гагская мирная конференция [25]. К сожалению, ее цели не были реализованы – не была достигнута договоренность не только по сокращению вооружений и военных бюджетов, но даже их фиксирование на существующем уровне. Вся ее работа свелась к установлению общих правил относительно третейского суда и выработке шести конвенций и деклараций. Правда, Ф.Ф. Мартенс называет еще одно достижение конференции. Он пишет: «...на долю Гагской конференции мира 1899 г. выпала счастливая задача исполнить желание всех бывших международных конференций ... и обратить статьи 1868 г. в обязательный международный закон. 17/29 июля была подписана в Гааге конвенция, в силу которой “Красный Крест” отныне распространяется также на военные действия на море. К сожалению, последняя, 10-ая статья, относительно судьбы раненых и больных воинов, высаженных в нейтральных портах, вызвала протест со стороны Англии и Германии, и потому не будет ратифицирована державами» [17, С. 541].

Проблема обращения с военнопленными на этой конференции практически не обсуждалась, не нашла отражения ни в одном из документов, принятых на ней. О пленении и плене как спутниках войны в самом общем виде говорилось лишь в дискуссиях, причем в большей мере применительно к военным действиям на море.

В Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 5/18 октября 1907 г. закреплялось, что государства «признали необходимым восполнить и, по некоторым пунктам, сделать более точными труды первой Конференции Мира, которая, одушевляясь, по примеру Брюссельской конференции 1874 года, этими началами мудрой и великодушной предусмотрительности, приняла постановления, имеющие предметом определить и установить обычаи сухопутной войны» [17, С. СХI].

В Положении о законах и обычаях сухопутной войны (принято в качестве приложения к Конвенции) гл. II полностью посвящена военнопленным. Она во многом повторяет установления Брюссельской конвенции 1874 г. Вместе с тем в ней содержится ряд новелл, относящихся в первую очередь к организационно-институциональным аспектам обеспечения прав и законных интересов военнопленных. Так, с началом военных действий в каждом из воюющих государств, а также в нейтральных государствах, если они приняли на свою территорию воюющих, учреждается справочное бюро о военнопленных. Кроме того, обществам для оказания помощи военнопленным, созданным и функционирующим в соответствии с действующими в государстве законами, их агентам должны создаваться условия для выполнения своей человеколюбивой миссии. Пожертвования и помощь вещами для лиц, находящихся в плену, освобождаются от таможенных и других сборов, провозной платы по железным дорогам, находящимся в государственном управлении [26].

Женевские конвенции. 27 июля 1929 г. была принята Женевская конвенция об обращении с военнопленными (вступила в силу 19 июня 1931 г.). В некоторых литературных источниках Конвенция именуется несколько иначе – Конвенция о содержании военнопленных [4]. СССР не подписывал эту Конвенцию, при этом он подписал Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Всего 53 страны подписали и ратифицировали ее; 9 государств подписала Конвенцию, но не ратифицировали ее (например, Япония).

В основе акта лежат Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., принятые, как уже говорилось, по инициативе России, впервые в истории международного права предусматривающие обязанности воюющих государств соблюдать установленные правила обращения с военнопленными. Об этом свидетельствуют, в частности, имеющиеся в ст. 1 Конвенции ссылки на указанные акты. Таким образом, она не отменяла Конвенцию 1907 г. Сама же Конвенция явилась предшественницей Третьей женевской конвенции (Женевской конвенции об обращении с военнопленными). Именно она действовала во время Второй мировой войны.

Ряд новелл Конвенции имел целью усилить гарантии соблюдения прав военнопленных. В частности, предусматривалось, что они в самый кратчайший срок после пленения должны быть эвакуированы из зоны военных действий в достаточной мере отдаленные пункты страны, где могли бы пребывать в условиях полной безопасности. В опасной зоне могли задерживаться только те пленные, которые вследствие ранений или болезней подвергаются большому риску при эвакуации. Так называемая маршевая эвакуация должна производиться этапами в 20 км в день (ст. 7 Конвенции).

Воюющие страны были обязаны в кратчайший срок извещать друг друга о всех пленных через Бюро справок о пленных, находящихся на их территории, организуемых как противоборствующими сторонами, так и нейтральными государствами. Они должны сообщать друг другу официальные адреса, по которым семьи военнопленных могли бы направлять свою корреспонденцию. В Конвенции специально оговаривалось, что в отношении плененных на море указанные положения начинают действовать немедленно после прибытия в порт.

Нормы отд. II разд. III Конвенции подробно регламентировали содержание в плену. Они касались лагерей военнопленных, лагерных помещений, питания и одежды, гигиены, обеспечения умственных и моральных потребностей пленных, внутренней дисциплины в лагерях, денежных средств плененных, перевозки последних. Отдельно выделялись специальные положения об офицерах и приравненных к ним лицах (ст. 9–16). Также обстоятельно регулировался труд военнопленных (ст. 27–34 Конвенции).

Конвенция содержит положения, призванные обеспечить ее исполнение (ст. 82–97).

В целях усиления гарантий прав лиц, содержащихся в плену, 12 августа 1949 г. на Дипломатической конференции в Женеве была принята Конвенция об обращении с военнопленными. Она заменила собой Конвенцию об обращении с военнопленными 1929 г. (ст. 134 Конвенции), вступила в действие в 1950 г.

Согласно ст. 4 Женевской конвенции [9; 18] военнопленными являются попавшие во власть неприятеля лица, принадлежащие к одной из следующих категорий:

1) личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, а также личный состав ополчения и добровольческих отрядов, входящих в состав этих вооруженных сил;

2) личный состав других ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте, и действующих на их собственной территории или вне ее, даже если эта территория оккупирована, если эти ополчения и добровольческие отряды, включая организованные движения сопротивления, отвечают нижеследующим условиям:

- имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак;
- открыто носят оружие;
- соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.

3) личный состав регулярных вооруженных сил, считающих себя в подчинении правительства или власти, не признанных держащей в плену державой;

4) лица, следующие за вооруженными силами, но не входящие в их состав непосредственно, как, например, гражданские лица, входящие в экипажи военных самолетов, военные корреспонденты, поставщики, личный состав рабочих команд или служб, на которых возложено бытовое обслуживание вооруженных сил, при условии, что они получили на это разрешение от тех вооруженных сил, которые они сопровождают, для чего эти последние должны выдать им удостоверение личности соответствующего образца;

5) члены экипажей судов торгового флота, включая капитанов, лоцманов и юнг, экипажей гражданской авиации сторон, находящихся в конфликте, которые не пользуются льготным режимом в силу каких-либо других положений международного права;

6) население неоккупированной территории, которое при приближении неприятеля стихийно по собственному почину берется за оружие для борьбы с вторгающимися войсками, не успев сформироваться в регулярные войска, если оно носит открыто оружие и соблюдает законы и обычаи войны.

Такое же обращение, как и с военнопленными, в соответствии с указанной Конвенцией должно быть в отношении:

1) лиц, принадлежащих или принадлежавших к вооруженным силам оккупированной страны, если оккупирующая держава считает необходимым по причинам принадлежности интернировать, даже если она вначале освободила их, в то время, когда военные действия происходили за пределами оккупированной ею территории, особенно, когда эти лица безуспешно пытались присоединиться к вооруженным силам, к которым они принадлежат и которые принимают участие в военных действиях, или когда они не подчинились вызову, сделанному с целью их интернирования;

2) лиц, принадлежащих к одной из категорий, перечисленных в ст. 4 Конвенции, которых приняли на своей территории нейтральные или невоюющие державы и которых эти державы должны интернировать в соответствии с международным правом, если они только не предпочтут предоставить им более благоприятный режим; однако на этих лиц не распространяются постановления ст. 8, 10, 15, абзаца пятого ст. 30, ст. 58–67, 92, 126 Конвенции, а в тех случаях, когда между сторонами, находящимися в конфликте, и заинтересованной нейтральной или невоюющей державой существуют дипломатические отношения, также и постановления статей, касающихся держав-покровительниц. В случае, когда существуют такие дипломатические отношения, сторонам, находящимся в конфликте, за которыми числятся эти лица, разрешается осуществлять в отношении их функции державы-покровительницы, предусмотренные Конвенцией, без ущерба для тех функций, которые эти стороны обычно осуществляют в соответствии с дипломатической и консульской практикой и договорами.

Надо иметь в виду, что медико-санитарный персонал и персонал священнослужителей, задержанный для оказания помощи военнопленным, имеет иной правовой статус. Он закреплен в ст. 33 указанной Конвенции, согласно которой они не должны считаться военнопленными. Однако эти лица могут пользоваться по меньшей мере преимуществами и покровительством Конвенции.

Они будут продолжать выполнять свои медицинские и духовные обязанности в интересах военнопленных, по преимуществу принадлежащих к вооруженным силам, за которыми они числятся, в рамках военных законов и уставов держащей в плену державы и под руководством ее компетентных органов, а также в соответствии с их профессиональной этикой. При выполнении своих медицинских и духовных обязанностей эти лица будут также пользоваться следующими льготами:

а) им будет разрешено периодически посещать военнопленных, находящихся в рабочих командах или в госпиталях, расположенных вне лагеря: держащая в плену держава предоставит с этой целью необходимые средства транспорта;

б) в каждом лагере старший по званию и по стажу военный врач будет нести ответственность перед военными властями лагеря за все, связанное с деятельностью задержанного медико-санитарного персонала. С этой целью с начала военных действий стороны, находящиеся в конфликте, договорятся по поводу соотношения званий их медико-санитарного персонала, в том числе и персонала обществ, упомянутых в ст. 26 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Врач и равным образом священнослужители будут иметь право обращаться к соответствующим властям лагеря по всем вопросам, касающимся их профессиональной деятельности. Власти предоставят им необходимые возможности для ведения корреспонденции по этим вопросам;

в) хотя задержанный персонал будет подчиняться внутренней дисциплине лагеря, в котором он находится, однако его нельзя принуждать выполнять работу, не связанную с его медицинскими или религиозными обязанностями.

Ни одно из предшествующих положений не освобождает держащую в плену державу от обязательств, лежащих на ней в области удовлетворения медицинских и духовных нужд военнопленных.

Конвенция определяет режим военного плена: его начало, принципы обращения с военнопленными, места и порядок содержания, меры по поддержанию порядка в местах содержания, питание, одежду, медицинское обслуживание и т. д.

Как нам представляется, в указанном акте впервые закреплено законодательное определение начала плена (ст. 17–20 Конвенции).

По сути, Конвенция подтвердила ранее выработанные принципы обращения с военнопленными, ответственность за соблюдение которых возлагается на государство, на территории которого находятся плененные. В соответствии со ст. 13 Конвенции с военнопленными следует всегда обращаться гуманно. «Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящее здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются... В частности, ни один военнопленный не может быть подвергнут физическому калечению или же научному или медицинскому опыту какого-то ни было характера, который не оправдывается соображениями лечения военнопленного и его интересами... Применение к ним репрессалий воспрещается».

Военнопленные освобождаются и репатрируются тотчас же после прекращения военных действий.

Особый раздел Конвенции посвящен выполнению ее положений (ст. 126–132). В частности, представителям или делегатам держав-покровительниц разрешается посещать все места, где находятся военнопленные. Государства – участники Конвенции приняли обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить то или иное серьезное нарушение требований Конвенции. К таковым данным актом отнесены: 1) убийства; 2) пытки; 3) бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью; 4) принуждение служить в вооруженных силах враждебного государства; 5) лишение прав на беспристрастное и нормальное судопроизводство.

Утверждения любой из конфликтующих сторон о нарушении Конвенции должны быть расследованы. Если конфликтующие государства не достигли согласия по приемлемой процедуре расследования, то должен быть избран арбитр, в функции которого будут входить определение только процедурных моментов. При установлении нарушений виновный должен быть привлечен к ответственности в кратчайшие сроки.

К сожалению, современная практика свидетельствует о недостаточной эффективности норм Конвенции, предусматривающих предупреждение нарушения ее положений и ответственность за их несоблюдение.

Выводы.

1. На протяжении двух последних столетий международное сообщество, осознав всю глубину трагедии военнопленных, предпринимает попытки урегулировать обращение с ними, исключаящее причинение вреда их здоровью, в том числе путем проведения медицинских опытов.

2. Россия выступала инициатором созыва двух международных конференций (не считая Петербургскую 1868 г., посвященную применению методов и средств ведения войны), на которых обсуждались проблемы обычаев и законов войны, в том числе вопросы обращения с военнопленными. Брюссельская международная конференция 1874 г., хотя и закончилась принятием декларации (рекомендательного, а не обязательного акта), несмотря на активное противодействие и шельмование российской инициативы рядом зарубежных стран, в частности Англией, заложила фундаментальные основы правового режима содержания плененных, что неоднократно было подтверждено Институтом международного права. Акты, принятые Правительством России в ходе Восточной войны 1877–1878 гг., также свидетельствуют о том, что наша страна не только декларировала гуманное отношение к военнопленным, но и стремилась реализовать его на деле.

3. В Конвенции 1945 г. об обращении с военнопленными, заменившей собой аналогичную Конвенцию 1929 г., были учтены обращение с пленными в военных конфликтах, произошедших в обозначенный период, в первую очередь, страшные испытания, выпавшие во время Второй мировой войны на долю российских военнопленных, содержащихся, в частности, в нацистской Германии и лагерях милитаристской Японии. В Конвенции впервые достаточно обстоятельно разрешены многие вопросы режима пребывания военнопленных в плену. Однако современная практика обращения с ними свидетельствует о необходимости срочной разработки действенного механизма, во-первых, по пресечению негуманного обращения с пленными, в том числе неоказания или ненадлежащего оказания необходимой медицинской помощи больным и раненым, лишения их жизни, причинения вреда здоровью; во-вторых, привлечения виновных, как непосредственно совершивших запрещенные Конвенцией деяния в отношении военнопленных, так и лиц, давших указания о совершении подобного рода действий либо не принявших мер к их пресечению, к уголовной, а государство, на территории которого находятся пленные, – к международно-правовой ответственности.

Список литературы

1. Mill, J.S. Dissertations and Discussions. – London : Longmans, Green, and Co., 1867. – Vol. 3.
2. Бутрим, И.И. Истоки международного гуманитарного права / И.И. Бутрим, А.И. Чучаев // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 145–156.

3. Бутрим, И.И. Кодекс Либера / И.И. Бутрим, А.И. Чучаев // Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 98–109.
4. Военнопленные в СССР. 1939–1956 : документы и материалы. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 576 с.
5. Гейсман, П.А. Война. Её значение в жизни народа и государства. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1896. – 312 с.
6. Гефтер, А.-В. Европейское международное право / А.-В. Гефтер ; пер. с нем. К. Таубе ; предисл. Ф.Ф. Мартенса. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1880. – 480 с.
7. Грибовский, В. Юбилей профессора Ф.Ф. Мартенса / В. Грибовский // Вестник права. – Санкт-Петербург, 1896. – Кн. 2. – С. 3–12.
8. Гроций, Г. О праве войны и мира : в 3 кн. / Г. Гроций ; пер. с лат. – Москва : Ладомир, 1994. – Кн. 3. – 864 с.
9. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2026).
10. Дорская, А.А. Институт международного права: опыт неофициального научного сообщества / А.А. Дорская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 134. – С. 210–218.
11. Дюран, А. Роль Гюстава Муанье в создании Института международного права (1873) / А. Дюран // Международный журнал Красного Креста. – 1994. – № 303. – С. 45–58.
12. Жуков, В.И. Плен: социология бесправия / В.И. Жуков, Л.В. Федякина. – Москва : Проспект, 2018. – 256 с.
13. Ивановский, И.А. Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. Положительный международный закон об участии больных и раненых во время войны / И.А. Ивановский. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. – 178 с.
14. Лист, Ф. Международное право в систематическом изложении / Ф. Лист ; под ред. В.Э. Грабаря. – Юрьев (Дерпт) : Маттисен, 1917. – 632 с.
15. Мартенс, Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878 гг. / Ф.Ф. Мартенс. – Санкт-Петербург : Тип. Министерства путей сообщения, 1879. – 412 с.
16. Мартенс, Ф.Ф. Брюссельская декларация о законах и обычаях войны / Ф.Ф. Мартенс // Военный сборник. – 1875. – № 7. – С. 5–23.
17. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / Ф.Ф. Мартенс. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1900. – Т. 2. – 544 с.
18. Наставление по международному гуманитарному праву для Вооружённых Сил Российской Федерации : утв. Министром обороны РФ 08.08.2001 (п. 1) //

- Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2026).
19. Пиуновский. Законы и правила войны по международному праву / Пиуновский // Военный сборник. – 1877. – Июль. – С. 89–112.
 20. Правительственный вестник. – 1877. – № 216.
 21. Правовой вестник. – 1877. – № 216.
 22. Пустогаров, В.В. Фёдор Фёдорович Мартенс: юрист, дипломат / В.В. Пустогаров. – Москва : Международные отношения, 1999. – 288 с.
 23. Ривье, А. Учебник международного права / А. Ривье ; пер. П. Казанского ; под ред. Л.А. Камаровского ; с прил. постановлений Института международного права по публичному праву за 1873–1892 гг. – Москва : Тип. И.Н. Кушнерева, 1893. – 320 с.
 24. Саямов, Ю.В. О Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. / Ю.В. Саямов // Россия и современный мир. – 2017. – Вып. 3. – С. 67–78.
 25. Синдеев, А. Истоки Европейской безопасности: Гаагская конференция 1899 г. / А. Синдеев // Современная Европа. – 2021. – № 3. – С. 134–145.
 26. Чернявский, С.И. К 110-летию второй Гаагской конвенции мира / С.И. Чернявский // Юридические науки и политология. – 2017. – № 7. – С. 44–52.
 27. Числов, П.И. Современное право войны / П.И. Числов. – Москва : Тип. В.М. Саблина, 1910. – 296 с.
 28. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 21.07.2026).

УДК 343.1

ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ О ХИЩЕНИИ БЮДЖЕТНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Максим Михайлович Кононенко, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, юрист 3 класса (г. Санкт-Петербург)

(e-mail: m.m.kononenko6040@gmail.com)

Исследование посвящено установлению взаимосвязи между незаконным ограничением конкуренции при осуществлении государственных и муниципальных закупок и хищениями бюджетных денежных средств на стадии исполнения государственных и муниципальных контрактов. Мотивируя взаимосвязанность незаконно ограниченной конкуренции и хищения бюджетных денежных средств, автор формулирует тезисы о значении способов ограничения конкуренции для целей формирования доказательственной базы при расследовании хищений бюджетных денежных средств.

Ключевые слова: *публичные закупки, государственные и муниципальные закупки, ограничение конкуренции, хищение бюджетных денежных средств, доказательства и доказывание.*

THE IMPORTANCE OF ESTABLISHING ILLEGAL RESTRICTION OF COMPETITION IN THE PROCESS OF PROVING IN A CRIMINAL CASE OF EMBEZZLEMENT OF BUDGETARY FUNDS

Kononenko, M.M.

The study is devoted to establishing the relationship between the illegal restriction of competition in the implementation of state and municipal procurement and embezzlement of budgetary funds at the stage of execution of state and municipal contracts. By arguing the interconnectedness of illegally limited competition and embezzlement of budgetary funds, the author puts forward theses on the importance of means of restricting competition for the purpose of building an evidentiary base in the investigation of embezzlement of budgetary funds.

Keywords: *public procurement, state and municipal procurement, restriction of competition, embezzlement of budgetary funds, evidence and proving.*

Актуальность темы исследования обусловлена в первую очередь тем, что трудно переоценить значение государственных и муниципальных закупок, посредством осуществления которых обеспечивается выполнение регулятивной, стимулирующей, социальной, инновационной и отраслеобразующей функций в отечественной экономике [1], однако именно в этой сфере наличествует наибольшее количество криминогенных факторов, и, соответственно, осуществляется преступная, в том числе коррупционная, деятельность.

Спектр преступлений, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок, крайне обширен, однако среди них превалируют именно хищения бюджетных денежных средств, представляющие наибольшую общественную опасность. Предпосылкой для таких хищений, несмотря на неочевидную причинную связь, зачастую служит заключение ограничивающего конкуренцию соглашения. Именно неочевидный характер взаимосвязи ограничения конкуренции и хищения бюджетных денежных средств обуславливает необходимость подробного исследования данного вопроса и обоснования значения ограничения конкуренции для целей доказывания по уголовному делу о хищении бюджетных денежных средств.

Анализ научных исследований. Вопросы преступного ограничения конкуренции и хищений в сфере публичных закупок с учетом их несомненной актуальности являются постоянным предметом научных исследований различного уровня.

Вопросам выявления и криминалистического обеспечения раскрытия и расследования ограничения конкуренции посвящены работы В.О. Лапина «В поисках эффективных методов расследования картельных сговоров» (2022 г.) [2], О.И. Русских и Ю.П. Рогулина «Выявление картельного сговора при проведении торговых процедур на право заключения государственных контрактов» (2023 г.) [3], М.М. Миловановой «Выявление картелей и следственные ситуации первоначального этапа расследования ограничения конкуренции» (2019 г.) [4], М.С. Скоряк «Проблемы выявления и расследования преступлений, совершаемых при проведении конкурсных процедур и заключении государственных и муниципальных контрактов» [5].

Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере публичных закупок исследованы в научных статьях К.П. Маляновой «Актуальные вопросы раскрытия и расследования преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств при реализации национальных проектов» (2024 г.) [6], С.Ю. Журавлева и О.А. Малютиной «Некоторые аспекты выявления и раскрытия картельных соглашений» (2018 г.) [7], В.П. Лаврова и В.О. Лапина «Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: вопросы выявления и расследования» (2017 г.) [8], А.В. Мажаева «Проблемы организации деятельности по выявлению и расследованию преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд» (2011 г.) [9], В.О. Лапина «Актуальные проблемы выявления и расследования преступлений в сфере

закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (2017 г.) [10].

Перечисленные проблемы нередко предопределяют темы диссертационных исследований, например, Е.Н. Земсковой «Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (2018 г.) [11], Ш.М. Шурпаева «Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (2021) [12].

Отдавая должное обстоятельству вышеперечисленных и иных исследований, проведенных в рассматриваемой сфере, нельзя не отметить, что до настоящего времени авторами не уделено должного внимания исследованию взаимосвязи незаконного ограничения конкуренции и хищения бюджетных денежных средств, не выдвинуто тезисов о значении ограничения конкуренции в процессе доказывания по уголовному делу о хищении бюджетных денежных средств, что явилось предпосылкой для подробного исследования данных вопросов.

Целью подготовки данной статьи является обстоятельное рассмотрение наиболее характерных способов ограничения конкуренции в ходе закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, установление взаимосвязи между такими способами и хищением бюджетных денежных средств, совершаемым на стадии исполнения государственного или муниципального контракта и формулирование тезисов о значении ограничения конкуренции в процессе доказывания по уголовному делу о хищении бюджетных денежных средств.

Изложение основного материала. Одной из основополагающих идей контрактной системы в сфере закупок в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [13] является принцип обеспечения конкуренции, несоблюдение, нарушение которого неизбежно подрывает антикоррупционные основы контрактной системы. Средством обеспечения данного принципа является установленный законодателем в части 2 статьи 8 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ запрет на совершение участниками контрактной системы любых потенциально способных ограничить конкуренцию действий, отклоняющихся от требований данного закона, направленных на нивелирование равных условий соперничества хозяйствующих субъектов за право заключить государственный или муниципальный контракт.

Для обеспечения конкурентной среды в государственных и муниципальных закупках государством принимается комплекс мер, включающий в себя: повышение открытости и прозрачности контрактной системы в сфере закупок, нормативное детализирование (в том числе посредством разъяснения действующего законодательства) закупочных процедур, усиление деятельности надзорных и контрольных государственных органов (особое внимание уделяется вопросам повышения результативности

межведомственного взаимодействия), профилактическая работа, направленная на формирование нетерпимости коррупции в бюджетной сфере.

Однако несмотря на установленные запреты и принимаемые меры проблема ограничения конкуренции остается актуальной по сей день – по официальной информации, представленной на официальном сайте Федеральной антимонопольной службы России, в 2025 году службой возбуждено 385 дел об антиконкурентных соглашениях и координации экономической деятельности (в 2024 году – 315 дел), принято 246 решений о нарушении антимонопольного законодательства (в 2024 году – 245) [14].

Особенно актуальна эта проблема для сферы государственных и муниципальных закупок, поскольку предоставленные участникам закупок возможности получения дохода и извлечения прибыли могут быть использованы в преступных целях: заключенное в рамках государственной или муниципальной закупки антиконкурентное соглашение зачастую подразумевает риски хищения бюджетных денежных средств.

В отечественной науке уже сформировалось мнение о том, какие преступные деяния следует относить к категории «хищения в сфере закупок», например, Шурпаевым Ш.М. справедливо отмечено, что «характерными для сферы публичных закупок являются мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата вверенного имущества (ст. 160 УК РФ)» [12, С. 135]. Общим для перечисленных преступлений является то, что хищения бюджетных денежных средств совершаются на стадии исполнения контракта; ограничение конкуренции имеет место на стадии осуществления государственной или муниципальной закупки, то есть значительно раньше стадии исполнения контракта. Однако между незаконно ограниченной конкуренцией, при наличии в закупке таковой, и хищением бюджетных денежных средств на стадии исполнения контракта есть прямая, хоть и неочевидная взаимосвязь.

К наиболее характерным способам ограничения конкуренции при закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд можно отнести:

- нарушение порядка определения и обоснования начальной (максимальной) цены контракта (например, нехарактерное для товарного рынка занижение или завышение цены, формирование цены аффилированными лицами);

- подготовку извещения об осуществлении закупки под конкретного участника закупки (иными словами, указание в извещении об осуществлении закупки необоснованно завышенных требований к участникам закупки и (или) таких условий будущего контракта, которые любому добросовестному участнику закупки будет выполнить крайне затруднительно или вовсе невозможно) [15];

- «понижение» уровня закупки с Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ до более «лояльного» Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ [16] (в случаях, например, когда организация, осуществляющая закупочную деятельность на основании Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ и принятого на основании данного закона положения о закупке, получает субсидию

из бюджета Российской Федерации или субъекта Российской Федерации в рамках государственной программы, предусматривающей расходование бюджетных денежных средств на основании Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, однако в нарушение требований федерального законодательства и государственной программы умышленно осуществляет закупку или несколько закупок на основании Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ, в соответствии с которым урегулирование значительной части процедурных вопросов, для сравнения в то же время строго регламентированных в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ, отдано на усмотрение заказчика, что позволяет, в конечном счете, упростить процесс заключения контракта с «нужным» лицом);

- выбор способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) с нарушением требований, установленных нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок (например, проведение вместо электронного конкурса электронного аукциона, в котором отсутствуют какие-либо иные критерии оценки заявок участников, кроме размера предложения о цене контракта либо о сумме цен единиц товара, работы, услуги, или же заключение контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) путем дробления закупки);

- нарушение процедуры рассмотрения заявок участников закупки (например, незаконное отклонение соответствующей извещению об осуществлении закупки заявки участника либо же незаконное признание заявки, соответствующей установленным при осуществлении закупки требованиям в случае, если такая заявка фактически подлежит отклонению);

- недобросовестное поведение участников закупки в ходе торгов (например, при применении в ходе электронного аукциона «тарана», при котором заранее сговорившиеся участники закупки согласованно снижают или повышают значение ценового предложения до экономически нецелесообразного уровня, фактически вынуждая добросовестных участников, не задействованных в этой «схеме», отказаться от дальнейшего участия в конкурентной борьбе за право заключения государственного или муниципального контракта).

Необходимо отметить, что сами по себе вышеперечисленные способы ограничения конкуренции, за исключением случаев вынесения антимонопольным органом решения о нарушении антимонопольного законодательства и признании соответствующих субъектов нарушившими Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ [17], не только не влекут уголовную ответственность, но и далеко не в каждом случае образуют состав административного правонарушения. Вместе с тем при наличии факта оплаты поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги в условиях неисполнения либо ненадлежащего исполнения контракта любой способ ограничения конкуренции (хотя зачастую применяется сразу совокупность таких способов) трансформируется в звено (либо же звенья) преступной схемы, направленной, в конечном счете, на хищение бюджетных денежных средств.

Как упомянуто ранее, для ограничения конкуренции недобросовестные участники контрактной системы, заключившие антиконкурентное соглашение, зачастую используют совокупность способов, например, оказывая прямое влияние на формирование завышенной начальной (максимальной) цены контракта путем подачи коммерческих предложений аффилированными между собой коммерческими организациями, которые в дальнейшем применяют «таран», обеспечив победу «нужного» участника в торгах. Иногда снижение на торгах может отсутствовать вовсе (подобное в условиях презюмируемой конкуренции само по себе является подозрительным), что может быть обусловлено сформированным под конкретного участника закупки извещением (добросовестные участники закупки не станут участвовать в торгах вовсе, понимая, что исполнить контракт с подобного рода условиями не представляется возможным).

Полагаем необходимым проиллюстрировать выдвинутый тезис о взаимосвязи между ограничивающим конкуренцию соглашением и хищением бюджетных денежных средств, совершенным на стадии исполнения государственного или муниципального контракта, договора, практическим примером. Обстоятельства преступной схемы, включающей в себя ограничение конкуренции, повлекшее хищение бюджетных денежных средств, последовательно и детально представлены в решении Арбитражного суда Новосибирской области по делу № А45-12210/2025 по заявлению подведомственного Министерству образования Новосибирской области учреждения и ряда предпринимателей о признании незаконным решения Управления Федеральной антимонопольной службы России по Новосибирской области (далее по тексту – УФАС по НСО) [18].

Так, по результатам рассмотрения антимонопольного дела УФАС по НСО установлено, что Постановлением Правительства Новосибирской области от 31.12.2014 № 576-п утверждена государственная программа Новосибирской области «Развитие образования, создание условий для социализации детей и учащейся молодежи в Новосибирской области», предусматривающая расходование бюджетных денежных средств, выделенных для её исполнения, на основании Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ. В дальнейшем между Министерством образования Новосибирской области и подведомственным ему учреждением, являющимся субъектом Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ, заключено соглашение о предоставлении из областного бюджета Новосибирской области субсидии для целей реализации ранее упомянутой государственной программы.

УФАС по НСО выявлено, что в ходе освоения выделенной субсидии и исполнения государственной программы между учреждением и тремя предпринимателями заключено антиконкурентное соглашение, реализованное при проведении трёх закупочных процедур и исполнении заключенных по их результатам договоров. Признаками антиконкурентного соглашения явились:

- трата бюджетных средств в рамках закупочных процедур по правилам Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ, то есть при пониженном уровне контроля закупок (иными словами, «понижение» уровня закупок);
- формирование начальных (максимальных) цен договоров аффилированными между собой предпринимателями (с завышением ценовых предложений по ряду товарных позиций);
- наличие связей (и как следствие достигнутой до осуществления закупок договоренности) между представителем учреждения-заказчика и индивидуальным предпринимателем, фактически осуществлявшем руководство действиями каждого из аффилированных лиц;
- несвойственный для предметов закупки уровень снижения на торгах (уровень снижения составил 0%, 1% и 20% по каждой из трёх закупочных процедур соответственно);
- выполнение приемки и оплаты товара, не соответствующего требованиям извещений об осуществлении закупок и соответствующих договоров, до его фактической поставки (именно эти действия образуют хищение бюджетных денежных средств).

Очевидно, что в рассмотренном примере целью заключения антиконкурентного соглашения явилось воспрепятствование «сторонним» лицам заключению договоров (хотя в данном случае, как отмечено ранее, должны были быть заключены государственные контракты) и, вследствие, обеспечение заключения таких договоров по максимально возможной высокой цене с конкретным «нужным» лицом, замешанным в планировании хищения задолго до размещения извещений об осуществлении закупок.

Подчеркнем, что установление в ходе предварительного расследования подобных фактов, несомненно имеющих доказательственное значение, значительно упрощается при наличии вынесенного антимонопольным органом решения по антимонопольному делу: копии указанного решения и подтверждающих его материалов могут быть приобщены к материалам уголовного дела в качестве иного документа; также необходимым видится получение показаний работников, проводивших антимонопольное расследование, путём их допроса в рамках уголовного дела в качестве свидетелей.

С учетом изложенного, полагаем, что наличие либо отсутствие в закупке подобного рода незаконных действий, направленных на ограничение конкуренции, необходимо пытаться установить независимо от объема уже собранных по уголовному делу о хищении бюджетных денежных средств доказательств. Данная позиция также обусловлена следующим:

- во-первых, учитывая, что «способ преступления – это система объединённых единым преступным замыслом... действий преступника (его соучастников) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями его обстановки, объектом (предметом) посягательства..., представляющих совокупность приёмов, орудий, средств и находящихся своё отражение в объективной реальности в виде следов» [19, С. 172],

заключение ограничивающего конкуренцию соглашения при наличии такового в хищении бюджетных денежных средств следует рассматривать не иначе как способ совершения такого хищения; с учетом изложенного, установление в ходе предварительного расследования преступления конкретных способов ограничения конкуренции напрямую способствует наиболее полному установлению обстоятельств хищения, то есть события преступления, входящего в соответствии со статьей 73 УПК РФ [20] в предмет доказывания;

– во-вторых, выявление в ходе предварительного расследования любых из перечисленных способов ограничения конкуренции поспособствует доказыванию возникших задолго до стадии исполнения государственного или муниципального контракта прямого умысла и корыстного мотива, направленных на хищение бюджетных денежных средств;

– в-третьих, каждый из перечисленных выше способов ограничения конкуренции подразумевает целенаправленную деятельность заранее сговорившихся участников контрактной системы, то есть незаконное ограничение конкуренции, в подавляющем большинстве случаев свидетельствует о наличии такого квалифицирующего признака хищения, как организованная группа лиц.

Помимо прочего нельзя не упомянуть, что применение в ходе закупки некоторых способов ограничения конкуренции возможно исключительно должностными лицами заказчика: подготовка и размещение извещения об осуществлении закупки, очевидно, выполняется исключительно заказчиком, а потому внести в него «особые» условия, оказывающие непосредственное воздействие на нормальный уровень конкуренции, физически может только должностное лицо заказчика.

С учетом изложенного, установление в ходе предварительного расследования хищения бюджетных денежных средств способов ограничения конкуренции, присущих исключительно заказчику, зачастую позволит выявить новых, ранее неизвестных фигурантов расследуемого хищения, либо же выявить факт совершения иного, ранее неизвестного преступления (например, при расследовании преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 УК РФ [21], следователь путем установления фактов внесения в извещение об осуществлении закупки «особых» условий и, в дальнейшем, нарушения процедуры рассмотрения заявок участников закупки выявляет признаки преступления, предусмотренного частью 1 статьи 285 УК РФ).

Выводы. Завершая исследование, отметим взаимосвязанность незаконно ограниченной конкуренции и хищением бюджетных денежных средств, совершенным на стадии исполнения государственного или муниципального контракта, несмотря на отсутствие очевидной причинной связи. Одновременно подчеркнём недопустимость игнорирования выявленных фактов ограничения конкуренции в ходе закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и пренебрежения выявлением таких фактов в ходе предварительного расследования хищений в сфере государственных и муниципальных закупок: с учетом того, что хищения в сфере

государственных и муниципальных закупок «в большинстве случаев носят организованный характер и высокую степень латентности, тщательно планируются и подготавливаются и совершаются с использованием современных технологий и схем противодействия» [22, С. 144], допущение следователем подобного рода небрежности в ходе предварительного расследования напрямую способствует избежанию уголовной ответственности и возмещению ущерба, причиненного бюджету хищением.

Список литературы

1. Публичные закупки как инструмент фискальной политики государства : учебное пособие / Ш.М. Шурпаев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 110 с.
2. Лапин, В.О. В поисках эффективных методов расследования картельных сговоров // Общество: политика, экономика, право. – 2022, – № 2. – С. 78-83. – URL: <https://707.su/UptN> (дата обращения: 21.05.2026).
3. Русских, О.И. Выявление картельного сговора при проведении торговых процедур на право заключения государственных контрактов / О.И. Русских, Ю.П. Рогулин // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № s1. – URL: <https://esj.today/PDF/19FAVN123.pdf> (дата обращения: 21.05.2026).
4. Милованова, М.М. Выявление картелей и следственные ситуации первоначального этапа расследования ограничения конкуренции // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 3. – С. 116–122. – URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.55.3.116-122> (дата обращения: 21.05.2026).
5. Скоряк, М.С. Проблемы выявления и расследования преступлений, совершаемых при проведении конкурсных процедур и заключении государственных и муниципальных контрактов // Вестник магистратуры. – 2024 г. – № 10-3 (157). – С. 37–39. – URL: https://magisterjournal.ru/docs/VM157_3.pdf (дата обращения: 21.05.2026).
6. Малянова, К.П. Актуальные вопросы раскрытия и расследования преступлений, связанных с хищением бюджетных средств при реализации национальных проектов / К.П. Малянова // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. – 2024. – № 1(108). – С. 176-181.
7. Журавлев, С.Ю. Некоторые аспекты выявления и раскрытия картельных соглашений / С.Ю. Журавлев, О.А. Малютина // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 1. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32719168_14705941.pdf (дата обращения: 21.05.2026).
8. Лавров, В.П. Преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : вопросы выявления и расследования / В.П. Лавров, В.О. Лапин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 108–113.

9. Мажаев, А.В. Проблемы организации деятельности по выявлению и расследованию преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд / А.В. Мажаев // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 8. – С. 134–137.
10. Лапин, В.О. Актуальные проблемы выявления и расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 2. – С. 44–50.
11. Земскова, Е.Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.12 / Земскова Елена Николаевна. – Москва, 2018. – 296 с.
12. Шурпаев, Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ш.М. Шурпаев. – Москва, 2021. – 297 с.
13. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ : текст в ред. от 28 декабря 2025 г.
14. ФАС подвела итоги антикартельной деятельности за 2025 год // Федеральная антимонопольная служба России : офиц. сайт. URL: <https://fas.gov.ru/news/34534> (дата обращения: 02.03.2026).
15. Ходасевич, О.Н. Коррупция в сфере государственных закупок / О.Н. Ходасевич, Е.Ю. Шаламова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 3 (март). – URL: <http://e-koncept.ru/2018/183012.htm> (дата обращения: 21.05.2026).
16. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ : текст в ред. от 8 августа 2024 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
17. О защите конкуренции : Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ : текст в ред. от 31 июля 2025 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
18. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 9 февраля 2026 г. по делу № А45-12210/2025 // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/69b58356-fd3f-4dd9-8c9e-e44b51e4489c> (дата обращения: 01.06.2026).
19. Бессонов, А.А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики / А.А. Бессонов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 171–173.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] : от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст в ред. от 20 февраля 2026 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

21. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст] : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : текст в ред. от 9 апреля 2026 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
22. Кузьмин, М.Н. К вопросу о методике раскрытия и расследования хищений бюджетных средств, выделенных на финансирование национальных проектов (программ) / М.Н. Кузьмин // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журнал. Ростов-на-Дону. – 2024. – № 2(109). – С. 142–147.

УДК 343.21

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДМЕТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сергей Юрьевич Мироненко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: mironenko-2009@mail.ru)

В статье проводится анализ проблем классификации предметов преступлений. В соответствии с общей классификацией предметов преступлений, они подразделяется: по объему – на общие, частные, единичные; по содержанию – на конкретные и абстрактные. В зависимости от происхождения предметы преступлений делятся на предметы естественного происхождения (созданные природой) и предметы социального происхождения (созданные человеком). По праву собственности выделены предметы, находящиеся в частной, государственной или иной форме собственности. По социально-экономическим свойствам выделены: 1) предметы животного и растительного мира; 2) информация (сведения, документы); 3) предметы-символы; 4) предметы культуры и искусства; 5) предметы, имеющие экономическое значение; 6) предметы, принадлежащие к сфере транспорта и связи; 7) предметы, относительно обращения которых установлен особый правовой режим; 8) предметы, имеющие особое общегосударственное значение.

Ключевые слова: уголовное право, предмет преступления, учение о предмете преступления, классификация, теоретические проблемы.

THEORETICAL PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF SUBJECT MATTER OF A CRIME

Mironenko, S.Yu.

The article analyzes the problems of classifying subject matter of a crime. In accordance with the general classification of subject matter of a crime, they are divided: by scope – into general, particular, and individual; by content – into concrete and abstract. Depending on its origin, subject matter of a crime is divided into those of natural origin (created by nature) and those of social origin (created by humans). Based on the right of ownership, subject matter of a crime is distinguished as being in private, state, or other forms of ownership. Based on the right of ownership, objects are distinguished as being in private, state, or other forms of ownership. Based on socio-economic properties, the following are distinguished: 1) objects of the animal and plant world; 2) information (data, documents); 3) symbolic objects; 4) objects of

culture and art; 5) objects of economic significance; 6) objects belonging to the transport and communications sector; 7) objects for the circulation of which a special legal regime has been established; 8) objects of special national significance.

Keywords: *criminal law, subject matter of a crime, the doctrine of the subject matter of a crime, classification, theoretical problems.*

Актуальность темы исследования. Учение о предмете преступления, со времени его возникновения и до сих пор, всегда отличалось дискуссионными положениями и развивалось, в основном, благодаря необходимости установления предмета преступления в правоприменительной деятельности или в процессе научного толкования. Именно поэтому указанное учение не вызывает ни малейшего сомнения в его назначении служить развитию уголовно-правовой теории и совершенствованию юридической практики.

В уголовно-правовой доктрине существует концепция предмета преступления как материальной вещи, которая является элементом общественных отношений. Это могут быть любые элементы общественных отношений, к которым относятся: вещи, субъекты общественных отношений и их деятельность. По мнению сторонников этой концепции, предметом преступления может выступать и сам преступник (например, при дезертирстве или побеге из мест лишения свободы или из-под стражи) [1, С. 89].

Классификация (лат. *classis* – разряд и *facere* – делать) – «особый случай применения логической операции деления объема понятия, представляющий собой некоторую совокупность делений (деление некоторого класса на виды, деление этих видов на соответствующие группы). Основанием деления в классификации выбирают признаки, существенные для данных предметов» [2, С. 200].

Термин «классификация» «является достаточно широко используемым, однако его конкретное наполнение зачастую может зависеть от контекста его применения. Продуктом классификация является логически взаимоувязанный сложный многокомпонентный конструктор» [3, С. 251].

Формальная логика классификацией называет распределение предметов на классы, осуществленное таким образом, что каждый класс занимает относительно других классов точно установленное место.

Классификация является видом деления понятия, но она отличается от обычного разделения. «При классификации деление осуществляется не по любому признаку, а по наиболее существенному, – такому, который определяет характер всех последних признаков, классифицируют предметы, и предоставляет возможность установить для каждого класса строго определенное, постоянное место рядом с другими классами» [4].

Следует заметить, что, указывая на определенный предмет преступления в диспозиции конкретной статьи, законодатель, как правило, указывает не конкретную вещь, а имеет в виду лишь ее понятие. Например, предоставляя определение кражи в ст. 158 УК РФ, законодатель не перечисляет материальные ценности, которые являются чужим имуществом, а берет один из существенных признаков всех этих

материальных ценностей – их принадлежность тому или иному лицу. Итак, рассматривая предметы преступлений, мы рассматриваем не сами предметы как таковые, а оперируем понятиями, которые олицетворяют указанные предметы.

Из изложенного следует, что классификация предметов преступлений целиком зависит от классификации понятий, которые изучает формальная логика.

Анализ научных исследований. В исследовании теоретических проблем классификации предметов преступлений использованы достижения науки уголовного права, содержащиеся в трудах таких ученых, как Л.С. Белогриц-Котляревский, Е.В. Благов, М.А. Гельфер, В.А. Глушков, Н.И. Загородников, Н.И. Коржанский, А.Ф. Костяковский, Г.А. Кригер, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов, А.А. Пионтковский, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, А.Н. Трайнин и другие.

Целью исследования является анализ и исследование теоретических проблем классификации предметов преступлений.

Изложение основного материала. Каждая классификация, независимо от ее вида, строится в соответствии с четырьмя правилами, которые предоставляют критериям логическую корректность деления понятий. Во-первых, деление понятий должно быть соразмерным, то есть сумма объемов членов деления должна быть равной объему делящегося понятия. Если сумма членов деления будет меньше по объему, чем разделяемое понятие, то такое некорректное деление называется неполным. Например, неполным будет деление понятия «служебное преступление» на два вида: «получение взятки» и «служебный подлог», поскольку за пределами классификации оказываются такие члены деления, как «халатность», «дача взятки» и тому подобное.

Во-вторых, деление (классификация) должно производиться лишь по единому основанию. Это правило запрещает изменять в процессе классификации положенный в основу деления признак. Примером нарушения такого правила может служить деление людей на добропорядочных, светловолосых, англоязычных и несовершеннолетних. Алогичность такой классификации не требует комментариев.

В-третьих, члены деления должны исключать друг друга. Например, правило взаимоисключения членов классификации будет нарушено при делении наук на гуманитарные, природные, технические и аксиоматизированные.

В-четвертых, деление должно быть непрерывным. Например, при делении понятия «философия» на виды «материализм», «объективный идеализм», «субъективный идеализм» допущен «скачок», поскольку второй и третий члены классификации на порядок ниже первого.

Классификация может быть естественной и вспомогательной. Естественная классификация – это распределение предметов и явлений по группам (классам) на основании их существенных признаков (например, классификация системы права на отдельные отрасли). Вспомогательной классификацией является размещение предметов или явлений в определенном порядке по какому-либо внешнему признаку (например, инкорпорация законов и других нормативно-правовых актов в хронологическом или алфавитном порядке).

В нашем случае, при классификации предметов преступлений, мы будем использовать только естественную классификацию, критериями для которой возьмем не только логические и социально-экономические признаки, но и специально-юридические, то есть уголовно-правовые.

Попытка классифицировать предметы преступлений в уголовном праве осуществляется уже не впервые, этим вопросам уделялось определенное внимание в юридической литературе.

Так, Н.И. Коржанский классификацию предметов преступлений осуществил по разным основаниям в зависимости от их целей. За основу своей классификации он берет социальные критерии: назначение предмета, ценность и другие подобные признаки.

На основании указанных признаков все многообразие предметов автор разделяет на три группы: 1) люди; 2) вещи; 3) животные и растения. В каждой группе они объединены по определенным родовым признакам (социальной роли, назначению, ценности и т.д.). В свою очередь, родовую группу он разделяет на несколько видов и определяет видовой предмет как общее понятие того конкретного предмета, который воздействует на совершаемое преступление данного вида. Например, «при совершении преступлений против собственности воздействие может быть направлено на имущество, которое в этом случае является родовым предметом, а отдельные виды имущества – видовым. Конкретным же предметом является определенная вещь, на которую было совершено преступное воздействие. Соответственно вещи также распадаются на видовые предметы – имущество, вещи, документы, оружие, наркотики и другие предметы» [5, С. 18]. В частности, если родовым предметом у Н.И. Коржанского является человек, то видовыми предметами (производными от общего понятия человека) являются его тело и психика.

Главная ценность классификации предметов, осуществленной Н.И. Коржанским, заключается в том, что наряду с разделением предметов преступлений по социально-экономическим признакам, ученый целесообразно использовал закон логического деления понятий от общего к конкретному, создав двойную подчиненность предметов: как по иерархии (вертикальную подчиненность), так и по социально-экономическим признакам, – то есть горизонтальную классификацию. Эта классификация, как видим, соответствует разделению объектов в вертикальной и горизонтальной плоскостях.

По мнению же С.Ф. Кравцова, научно-практический интерес заключается в классификации предметов преступлений, которые отражают родовые, присущие лишь отдельным группам предметов, социально-экономические признаки. Руководствуясь принципом, что диалектика вещей создает диалектику идей, а не наоборот, он объединил предметы преступлений в таких пяти группах.

1. Предметы, которые в уголовном праве объединены под общим названием «имущество». Где речь идет об имуществе, там всегда нужно искать экономические отношения, хотя не всегда в уголовном праве они являются основным объектом преступления (например, в случае приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, или совершения мародерства).

2. Природные богатства, находящиеся в естественном состоянии. Эти вещи выступают предметами, как правило, «хозяйственных преступлений» и преступлений против окружающей среды. Основное их отличие от имущества заключается в том, что природные богатства не созданы трудом человека и не отделены им от окружающей природной среды.

3. Вещества и предметы, в отношении оборота которых законодателем установлены определенные запреты и ограничения с целью охраны общественной безопасности, здоровья и нравственности людей, здоровья населения, а именно: оружие, боевые припасы и взрывчатые вещества; наркотические средства, сырье для их изготовления, ядовитые и сильнодействующие вещества; радиоактивные, легковоспламеняющиеся вещества; порнографические произведения и другие предметы порнографического характера.

4. Произведения научного, литературного, музыкального, художественного творчества, изобретения, а также предметы, являющиеся источниками сведений, которые государство либо вообще запрещает распространять, либо запрещает распространять с нарушением установленных для этого правил. К этой группе отнесены официальные документы, штампы, печати, бланки, паспорта, удостоверения и другие документы, относительно фальсификации, похищения, уничтожения или повреждения которых установлен уголовно-правовой запрет.

5. Символы государства (флаг, герб), эмблемы международной организации Красного Креста и Красного Полумесяца, а также памятники культуры, могилы и иные предметы, взятые под охрану государством [6, С. 10–16].

Итак, предложенная С.Ф. Кравцовым классификация предметов, хотя и не коснулась многих других аспектов и признаков классификации, является ценной в контексте исследования социально-экономических свойств предметов материального мира. Предложенная автором классификация представляется достаточной для выяснения социального значения тех или иных предметов преступлений, но слишком узкой для выяснения ее правового значения.

Классификация предметов должна осуществляться только по тем признакам (критериям), которые являются наиболее существенными. Такими существенными признаками, прежде всего, являются логические, поскольку предмет преступления – это, прежде всего понятие, о котором говорится в уголовном законе. В соответствии с формальной логикой все понятия делятся на виды по объему и содержанию.

По объему понятия (предметы преступлений) делятся на общие, частичные и единичные. Общие понятия – те, которые охватывают вид определенных предметов (например, понятия имущество, товары, животные). Частичные – охватывают определенную группу предметов одного рода (в частности, частное имущество, дикие животные). Единичные предметы преступления – это понятия, объем которых состоит из одного предмета (например, кошелек Иванова, телевизор «Электрон»). Формальная логика выделяет еще один вид понятий – это нулевые понятия, то есть множественные понятия, не содержащие ни одного материального признака и свойства (круглый квадрат, вечный двигатель и т.п.). Мы не будем рассматривать нулевые понятия, так как предметов преступлений как нулевых понятий в реальной действительности быть не может.

По смыслу все понятия подразделяются на положительные и отрицательные, соотносительные и безотносительные, конкретные и абстрактные. Для классификации предметов преступлений нас больше всего интересует их разделение в соответствии с последней классификационной парой. Конкретным называется понятие, отражающее предмет в его целостности. Абстрактным называется понятие, которое отражает не предмет, а его свойство, признак или отношение, взятое как самостоятельный объект рассуждения. В уголовном законе предмет преступления иногда определен не прямо, а опосредованно – указывается его определенный существенный признак или свойство (в частности, чужое имущество в преступлениях против собственности). Понятие «чужое имущество» не называет конкретную вещь, но по этому понятию-признаку можно выделить отдельную группу материальных ценностей – имущества, находящегося в собственности определенного лица.

По происхождению или природе создания и существования все предметы можно разделить на две группы:

1. Созданные природой (природного происхождения);
2. Созданные человеком, то есть продуктом его жизнедеятельности (социального происхождения).

К предметам природного происхождения относятся объекты как живой, так и неживой природы. Предметами живой природы являются животный и растительный мир. К неживой относим: землю, полезные ископаемые, различные вещества, радиоактивные материалы, наркотические средства или психотропные вещества природного происхождения, ядовитые или сильнодействующие вещества природного происхождения и тому подобное.

Предметами, созданными человеком (социального происхождения), можно назвать, в частности, государственную символику и другие символы и знаки, здания и сооружения, документы, ценные бумаги, денежные банкноты, штампы, печати, транспортные средства, лекарственные препараты и другие вещества, созданные человеком, в том числе некоторые наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги, прекурсоры.

Интересным и до конца не решенным, на наш взгляд, является вопрос относительно происхождения, содержания, юридической природы и места информации в учении о предмете преступления, поскольку информация – это явление, которое предоставляет человеку сведения об окружающем мире, и сама может быть продуктом деятельности головного мозга человека. Именно информация является связующим звеном между людьми и окружающей средой. Недооценивать значение информации, особенно в эпоху стремительного развития информационных технологий, нельзя. Каждый предмет окружающего мира несет в себе определенную информацию функционального характера. Например, камень несет в себе информацию, по которой каждое сознательное существо может отличить его от дерева, и тому подобное. Такую информацию мы называем информацией природного происхождения.

Попадая в кору головного мозга, информация естественного происхождения осознается человеком, то есть подвергается логическим операциям и приобретает определенные субъективные признаки в сознании конкретного человека. При

передаче другим лицам этой информации она приобретает социальное значение, а потому представляет собой определенную ценность как продукт сознательной деятельности человека. Именно отношения в сфере обращения информации социального происхождения требуют уголовно-правовой защиты и поэтому, в некоторых случаях, такая информация является предметом преступлений. И наоборот, информация природного происхождения является лишь свойством вещи (ее неотъемлемым признаком). Например, вид определенной вещи (информация природного происхождения) не может существовать отдельно от этой вещи (носителя), однако литературное произведение (информация социального происхождения) может существовать на различных носителях (бумаге, электронном виде и т.п.), в зависимости от воли человека.

Классификация предметов может также осуществляться по принадлежности или по праву собственности на предметы. Этот признак мы решили выделить среди других основных признаков по той причине, что именно объекты права собственности, в большинстве случаев, играют определяющую роль в возникновении, существовании, прекращении и защите общественных отношений, которые поставлены законодателем под охрану уголовного закона.

Глава 21 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против собственности» предусматривает ответственность за посягательство на собственность. Предметом преступлений против собственности является чужое имущество, имеющее соответствующую цену. Им, в частности, являются все вещи, которые имеют меновую и потребительскую стоимость и способны удовлетворять потребности человека. Это может быть движимое имущество (автотранспорт, продукты питания, одежда, деньги, книги, ценные бумаги и тому подобное), а также недвижимое имущество (дом, земельный участок, усадьба и тому подобное).

Наиболее важной, в контексте квалификации общественно опасного деяния, мы считаем классификацию предметов преступлений по их свойствам, которые законодатель специально предусматривает в отдельных уголовно-правовых нормах. Одним из важнейших оснований классификации предметов преступлений является их социально-экономические и другие свойства, влияющие на квалификацию общественно опасного деяния и по которым все предметы можно условно свести в несколько групп. Такими группами предметов преступлений являются:

1. Предметы животного и растительного мира. Живые существа животного и растительного мира составляют первую группу предметов преступлений. К ним, в частности, относятся: дикие звери и птицы, которые охраняются законом и находятся в состоянии естественной свободы или содержатся в полусвободных условиях (в искусственно созданных изолированных участках) – в пределах охотничьих угодий и могут быть предметами такого преступления, как незаконная охота; рыбы разных пород, дельфины, раки, креветки, кальмары, осьминоги и др., а также некоторые морские водоросли и морские травы, которые имеют промышленное значение; дикие водные животные, находящиеся в состоянии естественной свободы. Посягательство на них может привести к нарушению экосистемы в определенном регионе, способствовать распространению многочисленных заболеваний и тому подобное.

2. Информация: сведения, документы. Неоднозначным также в науке уголовного права является отношение к признанию информации предметом преступлений. Информация относится к феноменам, которые способствовали рождению новой эпохи в истории человечества. С помощью этого явления человек стал на новую ступень эволюции, оно в значительной мере повлияло и влияет на экономические, политические, правовые и другие отношения в обществе и имеет сегодня для нас неизмеримо важное значение.

Материальный характер информации как предмета преступления в научной литературе остается весьма спорным. Указанное объясняется тем, что философы связывают ее с общим свойством материи [7, С. 147]. На основании этого считается, что существует два вида информации, одна из них – «как мера неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени...», другая – «как форма мышления». Точным в данном контексте представляется суждение Н. Винера: «Информация – это информация, а не материя и не энергия» [8, С. 208]. Приведенное положение полезно тем, что оно определяет самостоятельный, отдельный статус этого предмета. К тому же отметим, что предметом преступления могут быть, при наличии и других специфических условий, предметы, которые мы воспринимаем эмпирически, а информация является именно тем явлением, которое человек способен воспринимать «извне», а не только придумывать.

На наш взгляд, некорректным является тезис о том, что предметом преступления следует признавать не информацию, а ее носители: документы, различные накопители информации и тому подобное. Действительно, информация не может передаваться без определенного материального носителя, но, с другой стороны, – ни документ, ни пленка, ни иной носитель не будут иметь для нас никакого значения, если они не будут содержать в себе определенной информации. Следовательно, информацию следует признавать предметом преступления отдельно (независимо) от ее носителя.

Если формой существования информации естественного происхождения является сам материальный (вещественный) объект, то для информации социального происхождения, – объект материального мира является лишь носителем (бумага, диск и тому подобное). Формой существования информации социального происхождения являются определенные символы (цифры, буквы, графические изображения, звуковые колебания и т.п.), а содержанием – то, что мы чувствуем, воспринимая определенные символы. Итак, то, что является формой существования информации естественного происхождения, – для информации социального происхождения может быть только носителем. Так, глядя на чистую бумагу, мы воспринимаем информацию, по которой определяем функциональную (естественную) принадлежность этой вещи, но, если на бумаге будет содержаться определенный текст (информация социального происхождения), – она будет иметь независимые от бумаги форму и содержание.

Особый интерес вызывает такой предмет преступлений, как компьютерная информация (глава 28 УК РФ). Попутно отметим, что к компьютерной информации относятся и специальные программы (компьютерные вирусы), которые способны повлечь искажение или уничтожение другой компьютерной информации. При этом, по нашему мнению, компьютерный вирус может выступать предметом преступления

(в случае его распространения) и орудием совершения преступления в случае уничтожения, искажения или завладения компьютерной информацией, которая является собственностью другого лица, государства и тому подобное.

Компьютерные вирусы являются материальными «антиблагами», которые угрожают нормальной работе компьютеров, компьютерных сетей и могут уничтожить, извратить или заблокировать компьютерную информацию и ее носители.

3. Предметы-символы. Отдельную группу предметов преступлений составляет символика как специфический вид информации. Предметами-символами являются, например, государственная символика (Государственный Герб Российской Федерации, Государственный Флаг Российской Федерации, Государственный Гимн Российской Федерации); знак для товаров и услуг, фирменное наименование, квалифицированное указание происхождения товара.

Особенность этих предметов заключается в том, что они в своем большинстве являются предметами искусственного происхождения, то есть созданы человеком для удовлетворения определенных потребностей. Общественно опасные последствия от преступного воздействия на эти предметы носят, как правило, нематериальный характер. Указанные предметы являются информацией социального происхождения, которая, кстати, имеет большое общественное значение, поскольку от незаконных действий в отношении них может пострадать авторитет государства или других организаций.

4. Предметы культуры и искусства. К группе предметов культуры и искусства мы отнесли: произведения литературы, науки и искусства; религиозные сооружения, культовые здания; памятники истории и культуры; изображения и другие предметы культуры и искусства; исторические и культурные ценности и другие.

Не трудно заметить, что предметы-символы и предметы культуры и искусства имеют однородные свойства, а по своей природе являются определенными символами, которые имеют особое социальное значение. Отношение к ним в обществе обусловлено теми культурными традициями, которые в нем сложились. Уничтожение, повреждение, видоизменение, перемещение, распространение указанных предметов может нанести ущерб (государству, нации, этнической группе и т.п.), что имеет, в основном нематериальный характер.

5. Предметы, имеющие экономическое значение. Значительное количество предметов преступлений составляют те, которые имеют экономическое значение. Их весомость трудно переоценить, поскольку они являются именно теми предметами, которые составляют основу жизнедеятельности человека. Анализируя уголовное законодательство, не трудно заметить, что предметы преступлений, которые имеют экономическое значение, составляют одну из групп наиболее распространенных предметов преступлений. Указанное можно объяснить, прежде всего, тем, что общественные отношения в сфере оборота этих предметов настолько важны для жизни человека, что законодатель ставит их на одно из первых мест с целью охраны от преступных посягательств.

К предметам, которые имеют экономическое значение, относятся: средства (валюта и валютные ценности и т. п.); документы на перевод, платежные карты или другие средства доступа к банковским счетам; драгоценные металлы и драгоценные

камни; ценные бумаги; разнообразные товары и продукция; знаки для товаров или услуг, фирменные (зарегистрированные) наименования, маркировка товара; сведения, составляющие коммерческую тайну; марки акцизного сбора и многие другие предметы. Так же к предметам, которые имеют экономическое значение, можно отнести цифровые финансовые активы. «Современные исследования показывают, что цифровые финансовые активы могут выступать самостоятельным предметом преступления» [9, С. 353].

6. Предметы, принадлежащие к сфере транспорта и связи. Отдельную группу среди предметов преступлений составляют предметы, относящиеся к сфере транспорта и связи. Транспортными средствами являются автомобильный, железнодорожный, водный, воздушный и трубопроводный; средствами пересылки информации являются разнообразные средства связи (например, телефонные линии и их оборудование, средства радиовещания и телевидения, компьютерные сети, а также оборудование, входящее в их состав). Преступления, предметом которых являются транспортные средства, составляют отдельную группу преступлений, родовым объектом которых являются общественные отношения в сфере рационального использования и соблюдения установленных правил эксплуатации транспортных средств (глава 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта»).

7. Предметы, в отношении оборота которых установлен особый правовой режим. К предметам преступлений, в отношении оборота которых установлен особый правовой режим, следует, на наш взгляд, отнести те, некоторые свойства которых могут быть использованы в противоправных целях. Такими предметами, например, могут быть: все виды оружия и боевых припасов, взрывчатых веществ и устройств; ядерные и радиоактивные материалы; легковоспламеняющиеся вещества; наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, оборудование, предназначенное для их изготовления, прекурсоры; растения снотворного мака и конопли; микробиологические, другие биологические агенты или токсины.

8. Предметы, имеющие особое общегосударственное значение. К предметам преступлений, имеющих особое общегосударственное, а иногда и стратегическое значение, следует отнести также пути сообщения; вокзалы, аэродромы, порты и другие транспортные предприятия; объекты, на которых есть предметы, представляющие повышенную опасность для окружающих и другие.

Особый статус имеют такие предметы преступления, как органы, ткани, кровь (части тела человека). Поэтому они вынесены нами за пределы любой классификации предметов преступлений.

Объектом длительных дискуссий и сегодня остается проблема признания отдельных органов, тканей и крови человека предметом преступления. По данной проблеме существуют противоположные точки зрения. В частности, одна из них заключается в том, что человек (его органы, ткани, тело, организм и т.п.) не может быть предметом преступления; в соответствии с другой – человек является живым биологическим существом, в отношении которого совершаются преступные деяния.

Как отмечает Н.И. Коржанский, признавать потерпевшего предметом преступления нет оснований, поскольку эти понятия не тождественны. Хотя предмет

и потерпевший часто совпадают в одном лице, однако потерпевший – это понятие более процессуальное. Нетрудно увидеть, что при совершении многих преступлений предмет и потерпевший не совпадают в одном лице. Потерпевшими могут быть признаны и те лица, на которых виновный прямо, непосредственно не посягал. Например, на владельца имущества при краже, на родственников или близких убитого. Понятие «потерпевший» и «предмет» являются пересекающимися, а не совпадающими, и поэтому они не взаимозаменяемы. «В человеке, – отмечает ученый – следует различать его социальную и биологическую стороны. Биологическая сущность заключается в его физическом состоянии, в состоянии и функционировании его тела и отдельных органов. Из этого вытекает предметная, естественная сущность человека. Социальная сущность находит свое проявление в его социальном положении, речь идет о его образовании, роде деятельности, месте жительства и работы, семейном положении, общественном поведении и т.п. Причинить вред лицу можно лишь воздействуя на предмет – на тело человека или на его психику» [5, С. 20–21].

Факультативными признаками объекта преступления Л.Д. Гаухман считает предмет преступления и потерпевшего от преступления. В частности, ученый отмечает: «Предмет преступления – это материальный субстрат, предмет материального мира, одушевленный или неодушевленный, в связи с которым или по поводу которого совершается преступление, на которое непосредственно воздействует преступник, совершая преступление» [10, С. 84]. По мнению Л.Д. Гаухмана, «предмет преступления и потерпевший от преступления отличаются от объекта тем, что предмет и потерпевший – материальные субстраты, а объект – чисто социальная категория, не включающая в себя ничего материального. Один и тот же предмет или потерпевший могут принадлежать к сфере различных объектов преступлений. В частности, одно и то же имущество, например шуба, может быть предметом кражи (объект – собственность) или самоуправства (объект – порядок управления)» [10, С. 85].

Некоторые ученые предметом преступления признают жизнь и здоровье человека. В частности, по мнению Г.А. Кригера «человек, его жизнь, здоровье, честь, достоинство не могут как таковые рассматриваться объектами преступлений, а должны быть отнесены к понятию предмета преступления (в широком понимании этого слова)» [11, С. 122]. Позиция Г.А. Кригера представляется несколько спорной. Жизнь, здоровье, честь и достоинство личности – это понятия, которые в контексте уголовного права рассматриваются как социальные ценности. А поскольку собственно понятия не имеют физического признака, – они не могут признаваться предметами преступления. Указанные блага являются объектами уголовно-правовой охраны.

Считаем, что любые отрицания тезиса о возможности признания органов и тканей человека предметом преступления будут необоснованными хотя бы потому, что они противоречат закону. Ведь законодатель предусматривает ответственность за определенные незаконные действия в отношении органов, тканей и крови человека. Речь идет о таком преступлении, в частности, как принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ). В этом случае органы, ткани и

кровь человека (предмет преступления) являются обязательными признаками состава преступления. По нашему мнению, если предмет преступления, как правило, является внешним выражением тех общественных отношений, которые выступают объектом преступления, то потерпевшим от преступления (жертвой) является тот участник (субъект) общественных отношений, который непосредственно страдает от преступного деяния (по поводу него и (или) непосредственно воздействуя на его организм совершается преступное деяние).

В тех случаях, когда предмет преступного воздействия и жертва преступления характеризуют одно и то же лицо, – наиболее корректным является употребление термина «потерпевший от преступления» или «жертва преступления».

Например, человек является потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ (Торговля людьми). При этом потерпевшим в процессуальном смысле, он может и не быть, поскольку признаком потерпевшего является причинение ему вреда. Если вред человеку не наносится (в частности, лицо само желает, чтобы его продали), – пострадавший как процессуальная фигура фактически отсутствует. Однако при таких условиях, виновный не освобождается от уголовной ответственности за торговлю людьми.

Выводы. Таким образом, предмет преступления – это факультативный признак объекта преступления, который находит свое проявление в материальных ценностях (которые человек может воспринимать органами чувств или фиксировать специальными техническими средствами), по поводу которых и (или) путем непосредственного воздействия на которые совершается преступное деяние.

В соответствии с общей классификацией предметов преступлений, они подразделяется: по объему – на общие, частные, единичные; по содержанию – на конкретные и абстрактные. В зависимости от происхождения предметы преступлений делятся на предметы естественного происхождения (созданные природой) и предметы социального происхождения (созданные человеком). По праву собственности выделены предметы, находящиеся в частной, государственной или иной форме собственности. По социально-экономическим свойствам выделены: 1) предметы животного и растительного мира; 2) информация (сведения, документы); 3) предметы-символы; 4) предметы культуры и искусства; 5) предметы, имеющие экономическое значение; 6) предметы, принадлежащие к сфере транспорта и связи; 7) предметы, относительно обращения которых установлен особый правовой режим; 8) предметы, имеющие особое общегосударственное значение.

Следует акцентировать внимание на актуальности и необходимости приведенной классификации предметов преступлений, которая заключается в том, что: 1) она имеет научное значение, способствует более глубокому исследованию предмета преступления; 2) облегчает выяснение специфики тех общественных отношений, которые существуют по поводу различных предметов; 3) имеет сугубо прикладное значение в правоприменительной деятельности, в частности, позволяет выяснить особенности влияния на квалификацию отдельных свойств предмета преступления; 4) имеет также и криминологическое значение, поскольку может

использоваться для установления причин и условий совершения преступления, мотива и цели преступного посягательства и тому подобное.

Список литературы

1. Мироненко, С.Ю. Значение и место предмета в составе преступления / С.Ю. Мироненко // Электронное издание сетевого распространения. Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: межвузовской научно-практической конференции (25 апреля 2019 г.) / гл. ред. О.П. Грибунов, отв. ред. Е.З. Сидорова. – Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. – С. 88–92.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1987. – 588 с.
3. Понкин, И.В. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 37. – С. 249–259.
4. Виды разделения понятий. Логика : определение и разделение понятий. – Текст : электронный // StudBooks.net : [сайт]. – URL: https://studbooks.net/15106/logika/vidy_razdeleniya_ponyatiy?ysclid=mt89laqg1j837187791 (дата обращения: 15.08.2026).
5. Коржанский, Н.И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации). Учебное пособие / Н.И. Коржанский. – Волгоград, 1976. – 56 с.
6. Кравцов, С.Ф. Предмет преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.Ф. Кравцов ; ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1976. – 19 с.
7. Философские проблемы естествознания : [Учеб. пособие для филос. и естеств. фак. ун-тов / С.Т. Мелюхин, Ю.А. Петров, Г.И. Рузавин и др.]; Под ред. С.Т. Мелюхина. – Москва : Высш. шк., 1985. – 400 с.
8. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине [перевод с английского] / Норберт Винер; [Под редакцией и с предисловием, с. 5-28, Г.Н. Поварова]. – 2-е изд. – Москва : Наука, 1983. – 343 с.
9. Князьков, А.А. Цифровые финансовые активы как предмет преступления: понятие, виды, особенности незаконного оборота / А.А. Князьков, А.А. Пухов // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 352–355. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_3_352.
10. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – Москва : АО «Центр ЮрИнфоР», 2001 – 316 с.
11. Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве / Г.А. Кригер // Вестник московского университета. – №1. – М., 1955. – С. 111–123.

УДК 343.91

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КОНФИСКАЦИИ КОРРУПЦИОННЫХ ДОХОДОВ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ирина Павловна Подмаркова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых и финансово-правовых дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк)
(e-mail: irina_podmarkowa@list.ru)

В статье анализируется развитие института конфискации коррупционных доходов в России. На основе сравнительно-правового анализа зарубежных моделей выявлена специфика российской практики. Обозначены проблемы и предложены пути совершенствования института конфискации.

Ключевые слова: конфискация, коррупционные доходы, противодействие коррупции, изъятие имущества, расширенная конфискация.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CONFISCATION OF CORRUPTION PROCEEDS IN RUSSIA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Podmarkova, I.P.

This article examines the development of Russia's confiscation regime for corruption proceeds. A comparative legal analysis of foreign models is used to identify the specifics of Russian practice. Problems are identified and ways to improve the institution of confiscation are proposed.

Keywords: confiscation, corruption proceeds, anti-corruption activities, asset seizure, extended confiscation.

Актуальность проблемы. Противодействие коррупции остается одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Ключевое значение в этой сфере имеет не только привлечение виновных лиц к ответственности, но и лишение их экономической основы противоправной деятельности – изъятие незаконно полученного имущества. Как справедливо отмечается в докладе ОЭСР, конфискация доходов от преступной деятельности является одним из наиболее эффективных инструментов борьбы с коррупционными правонарушениями, поскольку обеспечивает недопущение извлечения выгоды из противоправных деяний и создает превентивный эффект [1].

Институт конфискации коррупционных доходов в России претерпел существенную трансформацию за последние два десятилетия. От уголовно-правовой конфискации, которая была исключена из Уголовного кодекса РФ в 2003 году и позднее восстановлена в ином качестве, до появления в 2012 году специального механизма контроля за расходами государственных служащих и возможности обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено доказательств законного приобретения [4].

Актуальность исследования обусловлена как значительным ростом объемов конфискованного имущества в 2024–2025 годах (по данным Верховного Суда РФ, только за 2024 год по инициативе прокуратуры у коррупционеров изъяты активы на сумму 504 млрд рублей [3]), так и сохраняющимися проблемами правоприменения. Генеральный прокурор РФ А. Гуцан в ноябре 2025 года констатировал, что раскрываемость и результативность конфискации ухудшаются из-за формального подхода к проверкам и недостаточной наступательности следствия: только каждая третья попытка розыска активов оказывается успешной [7].

Анализ предшествующих исследований и публикаций по теме конфискации коррупционных доходов демонстрирует устойчивый интерес как со стороны научного сообщества, так и практикующих юристов. В современной доктрине активно обсуждается проблема доказывания законности происхождения активов.

В своей работе А.В. Тивяков [1] исследует современные правовые подходы к принудительному изъятию имущества, в отношении которого отсутствуют доказательства законного приобретения, что является одной из ключевых проблем правоприменения.

Сравнительно-правовой аспект проблемы глубоко проработан в ряде фундаментальных трудов. Коллектив авторов (Е.А. Зотова, Д.А. Николаев, С.С. Фешина) [4] проводит правовой анализ мирового опыта противодействия легализации преступных доходов, выделяя эффективные механизмы. Практическую ценность представляет информационная справка Комитета Госдумы по безопасности [5], содержащая детальный обзор регулирования института конфискации в законодательстве зарубежных стран (Великобритания, США, ФРГ и др.), где успешно применяются модели расширенной (in rem) конфискации.

Особое внимание в литературе уделяется концепции «расширенной конфискации». Её потенциал как инструмента восстановления справедливости подчёркивается в публикациях экспертов, например, М. Башимова [7], а также в международных обзорах, таких как доклад ОЭСР по Казахстану [9], который релевантен для анализа евразийских правовых систем.

Проблематика рассматривается и через призму судебной практики. Важные правовые позиции были высказаны Конституционным Судом РФ, что вызвало широкий резонанс в юридическом сообществе и нашло отражение в аналитических обзорах. Верховный суд ведёт работу по обобщению актуальной

практики изъятия активов, что свидетельствует о поиске единообразия в применении норм.

Вместе с тем, эмпирические данные и публичные заявления указывают на системные недостатки. Генеральный прокурор констатирует низкую наступательность в поиске незаконных активов [6], а СМИ отмечают, что объём конфискованных средств (свыше 80 млрд рублей) является лишь «вершиной айсберга», указывая на масштаб проблемы [10].

Таким образом, существующие исследования формируют комплексное представление о проблеме: от теоретического обоснования и анализа зарубежного опыта до выявления практических барьеров и статистической оценки эффективности действующих мер.

Цель исследования – на основе анализа зарубежного опыта, российского законодательства и практики его применения оценить эффективность действующего механизма изъятия коррупционных доходов и предложить направления его совершенствования.

Изложение основного материала. Проведём сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей конфискации коррупционных доходов. Мировая практика выработала несколько основных моделей изъятия имущества, полученного преступным путем. Их классификация позволяет выявить преимущества и ограничения различных правовых подходов.

В современной компаративистике выделяют три основных подхода к изъятию коррупционных доходов [2]:

Первый подход – криминализация незаконного обогащения, при которой само по себе значительное превышение доходов над официальными расходами публичного должностного лица рассматривается как уголовно наказуемое деяние. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции рекомендует государствам-участникам рассмотреть возможность признания незаконного обогащения уголовным преступлением [8]. Данный подход реализован в законодательстве многих стран, включая Беларусь, Литву, Польшу, ряд государств Латинской Америки [6].

Второй подход – расширенная конфискация, предусматривающая изъятие имущества, которое, как обоснованно предполагается, получено преступным путем, если лицо не может доказать его законное происхождение. При этом возможна конфискация не только имущества, непосредственно связанного с конкретным преступлением, но и других активов, законность которых не подтверждена. Расширенная конфискация предусмотрена Директивой ЕС 2014/42/EU и активно применяется в государствах Европейского союза [1].

Третий подход – гражданско-правовая конфискация (in rem) – предполагает изъятие имущества в рамках гражданского судопроизводства, независимо от привлечения владельца к уголовной ответственности. Объектом взыскания выступает само имущество, а не личность правонарушителя, что позволяет конфисковывать активы даже в случаях смерти, укрывательства владельца или невозможности уголовного преследования. Этот механизм наиболее развит в

странах англо-саксонской правовой семьи (США, Великобритания, Ирландия) [9].

Важным аспектом конфискационных механизмов является система оценки стоимости имущества, подлежащего изъятию. Анализ законодательства развитых стран позволяет выделить [6]:

– имущественную систему – конфискацию конкретного имущества, рассматриваемого как орудие преступления или полученного преступным путем (характерна для Германии, Австрии);

– стоимостную систему – определение стоимости доходов от преступления и конфискацию денежного эквивалента (активно применяется в Великобритании);

– смешанную систему – сочетание обоих подходов с возможностью конфискации как конкретных активов, так и их стоимости (США, Швейцария, Нидерланды).

Принципиальное значение имеет вопрос о стандарте доказывания и распределении бремени доказывания. В ряде государств (Италия, Швейцария, ЮАР) законодательство допускает перенос бремени доказывания законного происхождения имущества на обвиняемого или ответчика [6]. Как отмечает А.В. Тивяков, применение механизмов переноса бремени доказывания и расширенной конфискации требует тщательного учета особенностей национальной правовой системы и конституционных гарантий защиты собственности [2].

Интерес представляет опыт Казахстана, который в 2024–2025 годах активно реформирует конфискационное законодательство. Как указывает доклад ОЭСР, Казахстан движется к внедрению модели гражданской конфискации, независимой от уголовного преследования, со стандартом доказывания «баланс вероятностей» и возможностью изъятия активов, оформленных на третьих лиц [1]. При этом, по мнению казахстанского законодателя, расширенная конфискация должна применяться только к ограниченному кругу лиц – государственным служащим и лицам, выполняющим управленческие функции в государственных организациях [8].

Российское законодательство о конфискации коррупционных доходов формировалось под влиянием международных обязательств (Конвенция ООН против коррупции ратифицирована в 2006 году) и с учетом конституционных особенностей национальной правовой системы.

Ключевые этапы институционализации конфискации коррупционных доходов обобщены в таблице 1:

Таблица 1 – Этапы институционализации конфискации коррупционных доходов в законодательстве Российской Федерации

№ этапа	Год	Содержание
1	2003	исключение конфискации имущества из Уголовного кодекса РФ как вида наказания

№ этапа	Год	Содержание
2	2006	возвращение конфискации в УК РФ в качестве «иной меры уголовно-правового характера», что изменило ее правовую природу и процессуальный режим применения
3	2008	принятие Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», заложившего основы контроля за доходами и расходами государственных служащих
4	2012	введение Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности... доходам», установившего механизм обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено доказательств законного приобретения
5	2015	дополнение статьи 235 Гражданского кодекса РФ подпунктом 8 пункта 2, предусматривающим обращение в доход РФ имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы [4].

Действующая российская модель представляет собой гибридное образование, сочетающее элементы уголовно-правовой конфискации (ст. 104.1 УК РФ) и специального внеуголовного механизма изъятия по результатам контроля за расходами (ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ). Последний реализуется в исковом производстве по правилам гражданского судопроизводства.

Проанализируем актуальную судебную практику. 2024–2025 годы ознаменовались беспрецедентной активизацией прокурорской работы по изъятию коррупционных активов. По данным Верховного Суда РФ, в 2024 году по искам прокуратуры обращено в доход государства имущество на сумму 504 млрд рублей [3].

Наиболее резонансные дела:

– имущество бывшего премьера Карачаево-Черкесии В. Кайшева конфисковано на сумму 41 млрд рублей (дело № 02-7777/2025);

– у экс-судьи Верховного Суда В. Момотова изъят 44 земельных участка и 51 объект недвижимости стоимостью более 9 млрд рублей (дело № 02-5945/2025);

– имущество бывшего заместителя министра обороны Т. Иванова конфисковано на сумму 1,2 млрд рублей (дело № 02-11629/2025) [3].

Всего в 2025 году в доход государства обращено имущество коррупционеров на сумму около 80 млрд рублей. При этом, по оценкам экспертов, конфискованные суммы представляют лишь «вершину айсберга»: реальный объем теневых коррупционных доходов может исчисляться триллионами рублей [11].

В научной литературе и правоприменительной практике дискуссионным остается вопрос о правовой природе изъятия коррупционных доходов по законодательству о контроле за расходами. Как отмечает Л.Ю. Михеева, подпункт 8 пункта 2 статьи 235 ГК РФ не создает нового гражданско-правового института, а представляет собой «рефлекс публично-правовой нормы» об изъятии имущества, аналогично конфискации по статье 243 ГК РФ [4].

Принципиальная особенность российской модели состоит в следующем: изъятие производится не в связи с совершением уголовно наказуемого деяния, а вследствие невыполнения публично-правовой обязанности по подтверждению законности происхождения имущества, стоимость которого превышает официальные доходы за трехлетний период [2]. Это порождает ряд правовых коллизий.

Проводя оценку эффективности действующего механизма, следует отметить как его плюсы, так и минусы.

Несомненным достижением последних лет является кратное увеличение объемов конфискованного имущества. Если в 2019–2021 годах среднегодовые показатели изъятия коррупционных доходов составляли 20–30 млрд рублей, то в 2024 году они достигли 504 млрд рублей [3; 10]. Это свидетельствует о повышении эффективности прокурорской работы и формировании устойчивой судебной практики.

Важным фактором стала активизация работы по изъятию активов, оформленных на подставных лиц – родственников, деловых партнеров. В 2025 году Генеральная прокуратура ориентировала подчиненные органы на розыск имущества «у третьих лиц, не исключая бывших супругов, родственников и иных близких, которые владеют ими формально» [7].

Отмеченная динамика свидетельствует об определенном повышении эффективности норм уголовного права и их применения. Как справедливо отмечают А.А. Булавкин и С.Ю. Мироненко, «под эффективностью норм уголовного права в предупреждении преступлений следует понимать их способность обеспечить достижение конкретной цели, которая поставлена законодателем перед той или иной нормой. А эффективность правоприменительной деятельности означает ее способность обеспечить такую своевременную и согласованную с требованиями закона реализацию юридических норм, которая при наименьших затратах оптимально положительно влияла бы на регулируемые общественные отношения и поведение их участников в желаемом направлении» [11, С. 55].

Вместе с тем, сохраняются серьезные проблемы, снижающие эффективность института:

1. Процессуальная неопределенность. Как справедливо отмечается в литературе, изъятие коррупционных доходов по иску прокурора осуществляется в отсутствие четкой процессуальной основы, сопоставимой с гарантиями уголовного судопроизводства [4]. Это создает риски нарушения прав добросовестных приобретателей.

2. Отсутствие специальных сроков давности. Применение общих сроков исковой давности, предусмотренных Гражданским кодексом, к требованиям публично-правового характера представляется спорным. По мнению экспертов, «если сроки давности установлены для привлечения к уголовной и административной ответственности, то они тем более должны быть установлены и для этой санкции» [4].

3. Низкая результативность розыска активов. По данным Генеральной прокуратуры, только каждая третья попытка розыска имущества, подлежащего конфискации, оказывается успешной [7]. Это указывает на недостаточную координацию между следственными органами, подразделениями экономической безопасности и Росфинмониторингом.

4. Сложности с изъятием криптовалют и цифровых активов. Действующее законодательство не содержит специальных механизмов идентификации, ареста и конфискации виртуальных активов, которые все чаще используются для сокрытия коррупционных доходов [5].

В октябре 2024 года Конституционный Суд РФ рассматривал запрос Краснодарского краевого суда о проверке конституционности положений Гражданского кодекса РФ применительно к изъятию коррупционных доходов. В ходе заседания была отмечена необходимость обеспечения баланса между публичными интересами изъятия незаконных доходов и частными интересами защиты собственности [4]. Ключевым вопросом стала применимость исковой давности к требованиям об изъятии имущества, полученного с нарушением антикоррупционного законодательства.

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления оптимизации российского механизма изъятия коррупционных доходов:

1. Совершенствование законодательства.

Первое направление – уточнение правовой природы изъятия коррупционных доходов путем внесения изменений в Федеральный закон № 230-ФЗ, устанавливающих специальные сроки давности (3–5 лет с момента окончания проверки достоверности сведений о расходах) и четкие процессуальные гарантии для лиц, чье имущество подлежит изъятию.

Второе направление – легализация механизма расширенной конфискации применительно к коррупционным преступлениям. Как показывает опыт ЕС, расширенная конфисcação позволяет изымать имущество, которое, с учетом всех обстоятельств дела, суд признает полученным преступным путем, даже если оно не связано непосредственно с доказанным эпизодом [1].

Третье направление – введение элементов конфискации *in rem* для случаев невозможности уголовного преследования (смерть подозреваемого, его нахождение за пределами юрисдикции, истечение сроков давности при сохранении возможности доказать незаконное происхождение имущества).

2. Правоприменительные меры.

Важным резервом повышения эффективности является улучшение межведомственного взаимодействия. Генеральной прокуратурой уже поставлена

задача «активизировать усилия уполномоченных органов по поиску нелегальных активов, в том числе у третьих лиц» [7]. Целесообразно распространить этот подход на системной основе, создав единую цифровую платформу учета и розыска активов, подлежащих конфискации.

Необходимо повышение квалификации следователей, прокуроров и судей в части выявления активов, включая цифровые финансовые активы, и доказывания их незаконного происхождения. Как отмечается в докладе ОЭСР, важным направлением является смещение фокуса с доказывания размера ущерба от коррупции на установление размера неправомерно полученных доходов [1].

3. Международное сотрудничество.

Учитывая трансграничный характер сокрытия коррупционных активов, необходимо активизировать международное сотрудничество в этой сфере. Как показывают исследования, эффективность возврата активов напрямую зависит от оперативности взаимодействия с компетентными органами иностранных государств и использования механизмов взаимной правовой помощи [5].

Выводы. Институт конфискации коррупционных доходов в России прошел сложный путь развития от полного отказа от конфискации до формирования гибридной модели, сочетающей уголовно-правовые и гражданско-правовые механизмы. Значительный рост объемов изъятого имущества в 2024–2025 годах свидетельствует о повышении эффективности правоприменения и политической воли к борьбе с коррупцией.

Вместе с тем, сохраняются системные недостатки: процессуальная неопределенность, отсутствие специальных сроков давности, сложности с изъятием активов, оформленных на подставных лиц, низкая результативность розыска имущества. Для их преодоления требуется совершенствование законодательства в направлении уточнения правовой природы изъятия, внедрения элементов расширенной конфискации и конфискации *in rem*, а также повышение качества межведомственного взаимодействия.

Опыт зарубежных государств, включая страны ЕС и постсоветского пространства, свидетельствует о перспективности использования механизмов переноса бремени доказывания и гражданско-правовой конфискации при условии соблюдения баланса между эффективностью борьбы с коррупцией и защитой прав собственности. Выработка оптимальной модели для России требует учета как международных стандартов, так и особенностей национальной правовой системы.

Список литературы

1. Тивяков, А.В. Современные правовые подходы к принудительному изъятию в доход государства имущества, в отношении которого отсутствуют доказательства законности приобретения / А.В. Тивяков // Современное право. – 2025. – № 12. – С. 61-66. DOI: 10.25799/NI.2025.76.15.011.
2. Верховный суд подготовит обзор практики изъятия активов коррупционеров. – Текст : электронный // ПРАВО.Ru: : [сайт]. – 2026. – 12 янв. – URL: <https://pravo.ru/news/261939/> (дата обращения: 13.06.2026).

3. Об изъятии коррупционных доходов: размышления по следам заседания КС // Интеллект-С : [сайт]. – 8 октября 2024 г. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/ob_izyati_korrupsionnyh_dohodov/ (дата обращения: 13.03.2026).
4. Зотова, Е.А., Мировой опыт противодействия легализации преступных доходов: правовой анализ / Е.А. Зотова, Д.А. Николаев, С.С. Фешина // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 145–156.
5. Информационная справка о регулировании института конфискации денежных средств и имущества, полученных преступным путем, в законодательстве зарубежных стран (Великобритания, США, ФРГ, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Япония) / Комитет Государственной Думы по безопасности. – Москва, 2024. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31515430 (дата обращения: 13.06.2026).
6. Генпрокурор заявил о низкой наступательности в поиске незаконных активов // РБК : [сайт]. – 20 ноября 2025 г. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/11/2025/691f11c29a7947f06d227e9e> (дата обращения: 13.06.2026).
7. Башимов, М. Расширенная конфискация как ключ к справедливости: о борьбе с незаконными активами // Zakon.kz : [сайт]. – 14 мая 2025 г. – URL: <https://mail.kz/ru/news/kz-news/rasshirennaya-konfiskaciya-kak-klyuch-k-spravedlivosti-deputat-o-borbe-s-nezakonnymi-aktivami> (дата обращения: 13.06.2026).
8. Чудаков, Е.Р. Конфискация in rem как перспективное средство противодействия коррупции / Е.Р. Чудаков // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – Вып. 32 (102). – С. 192–195.
9. Confiscation Measures and Sanctions in Corruption Cases in Kazakhstan / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2025. – Text : electronic. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/2025/06/confiscation-measures-and-sanctions-in-corruption-cases-in-kazakhstan_3aa2c25a.html (дата обращения: 13.06.2026).
10. «Воруют триллионами»: у чиновников конфисковали свыше 80 млрд рублей, но это лишь «вершина айсберга». – Текст : электронный // Блокнот Россия : [сайт]. – 2026. – 22 янв. – URL: <https://bloknot.ru/obshhestvo/voruyut-trillionami-u-chinovnikov-konfiskovali-svyshe-80-mlrd-rublej-no-eto-lish-vershina-ajsberga-skolko-ukradennyh-deneg-oselo-v-karmanah-elit-1489188.html> (дата обращения: 13.06.2026).
11. Булавкин, А.А. Эффективность норм уголовного права в предупреждении преступлений / А.А. Булавкин, С.Ю. Мироненко // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2025. – Вып. 1 (3). – С. 47–57.

УДК 343.1

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Семён Алексеевич Поляков, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации (г. Луганск)
(e-mail: prock-rock@mail.ru)

Статья посвящена спорному вопросу о внедрении искусственного интеллекта (далее – ИИ) в процесс уголовного преследования и правосудия. Предлагаются существенные изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. При этом следователь в России не использует возможности ИИ ввиду отсутствия специализированных машин ИИ для правоохранителя. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности [2] является подтверждением необходимости реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международная и национальная безопасность, правосудие, следователь, специальная военная операция.

CRIMINAL PROSECUTION USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Polyakov, S.A.

This article examines the controversial issue of integrating artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) into criminal prosecution and administration of justice. The article proposes significant amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC). Meanwhile, investigators in Russia do not utilize AI capabilities due to the lack of specialized AI machines for law enforcement officers. The United Nations Convention against Cybercrime confirms the need to reform criminal law and criminal procedure legislation.

Keywords: artificial intelligence, international and national security, justice, investigator, special military operation.

Актуальность темы исследования. Уголовное преследование имеет важное значение при расследовании уголовных дел на всех стадиях уголовного процесса, позволяет установить истину, способствует осуществлению принципа состязательности сторон, защиты конституционных прав потерпевших по

уголовным делам, защиты прав и свобод общества и государства от негативно социальных проявлений в виде преступности [3].

Между тем, оно возложено на целый комплекс должностных лиц правоохранительных органов: дознавателей, следователей, прокуроров и на судей в определенной степени.

Прокурор, согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ, осуществляет уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Следователь и руководитель следственного органа, исходя из положений ст. 38 и 39 УПК РФ, осуществляют предварительное следствие по уголовным делам, а также иные функции уголовного преследования.

Судья, в соответствии со ст. 5, 29 УПК РФ, осуществляет правосудие по уголовным делам.

При этом и судья, и следователь, и прокурор согласно ст. 86 УПК РФ осуществляют собирание доказательств в ходе уголовного судопроизводства. От качества указанных действий часто зависит судьба человека.

Анализ фактов роста киберпреступности с использованием ИИ как в мире, так и в Российской Федерации показывает влияние ИИ на способы уголовного преследования и собирание доказательств в условиях цифровизации и внедрения ИИ во все сферы жизнедеятельности.

Новый вектор развития способов борьбы с такой преступностью задает принятие Российской Федерацией Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, что также скажется на криминалистической тактике и технике по расследованию уголовных дел в отношении организованной преступности, которая активно использует сегодня нейротехнологии.

Анализ научных исследований. Проведенный анализ современных научных разработок в области ИИ показывает не только актуальность темы исследования, но определенную противоречивость, что, безусловно, предполагает внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Указанное направление научной деятельности в сфере использования ИИ в уголовном судопроизводстве, в уголовном преследовании, а также в сфере противодействия современным вызовам преступности недостаточно разработано и урегулировано законом.

Следует выделить научные труды в указанной сфере В.В. Архипова, А.А. Бессонова, А.И. Буравлева, П.Г. Былевского, М.В. Воронова, А.Ю. Головина, А.Л. Золкина, Е.В. Зотина, С.В. Зыкова, С.В. Зуева, И.И. Карташова, А.А. Карцхия, О.А. Малышевой, Р.М. Минулина, В.Б. Наумова, В.А. Прорвича, С.А. Рябчикова, А.Б. Смушкина, М.Н. Таршевой и И.А. Филиповой.

Научные позиции ученых по вопросу использования ИИ в правоохранительной деятельности значительно отличаются между собой. В

некоторых научных работах прослеживается резкое отрицание фактического вливания ИИ во все общественные отношения. В других – ИИ выступает как бесконтрольная угроза человечеству с учетом отсутствия правового урегулирования и единой концепции его работы. Существуют и научно-обоснованные правовые позиции о необходимости внедрения ИИ в уголовное судопроизводство с жестким контролем ответственного должностного лица.

Нормативно-правовая база данного исследования основана на ключевых законах в сфере уголовного судопроизводства и регулирования деятельности правоохранительных органов: УК РФ, УПК РФ, Федеральные законы «О Следственном комитете Российской Федерации», «О прокуратуре Российской Федерации», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», «О судебной системе Российской Федерации» и пр. Также исследованы специализированные нормативно-правовые акты, посвященные вопросам правоотношений, связанных с ИИ [4,5,6,7,8].

Таким образом, обеспечение международной и национальной безопасности в настоящее время невозможно без использования в правоохранительной деятельности современных технологий, в том числе технологий ИИ.

Цель исследования – проработка правового обеспечения и нормативно-правового урегулирования использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, а также ответственности за его создание, использование и обладание в преступных целях.

Изложение основного материала. В ходе анализа статистических данных киберпреступности в Российской Федерации и за ее пределами [9] и активных обсуждений в научной среде угроз и вызовов преступности с использованием сети Интернет, возникает ряд обоснованных вопросов к современной редакции УПК РФ. В частности, возникают вопросы: какое место в системе участников уголовного судопроизводства занимает правообладатель, пользователь и разработчик ИИ; насколько важно присутствие на просторах российского Интернета прозападных машин ИИ, ChatGPT и DALL-E, Midjourney, Grok, Mistral, Noxtua; каким образом учитывать доказательства по уголовному делу, полученные с помощью ИИ [10, С. 24].

Между тем, в мире фиксируется рекордный рост киберпреступников, в том числе незаконно использующих персональные данные граждан [11] России не без участия спецслужб Украины в условиях гибридной войны с коллективным Западом [12, С. 130].

Современное уголовное преследование в России происходит в условиях технологической войны между правоохранительной системой и организованными преступными группами. Сотрудники правоохранительных органов при использовании традиционных методов расследования сталкиваются с качественно новыми угрозами, что создает платформу для симметричного технологического ответа.

Без такого ответа разрыв в технических возможностях будет только увеличиваться, приводя к падению раскрываемости и росту общественной опасности. Сегодня мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: преступник, используя коммерческие или открытые инструменты ИИ, оперирует на уровне, недоступном для следователя, погруженного в рутинную бумажную работу и лишенного интеллектуальных средств анализа больших данных. Это недопустимое положение дел, угрожающее национальной безопасности в ее самом широком смысле.

Более того, использование ИИ в криминальных целях стало массовым. Речь идет не об единичных случаях, а о поставленном на поток производстве мошеннических схем нового поколения. Создание дипфейков (аудио и видео) для шантажа, дискредитации публичных лиц, манипуляции фондовым рынком и общественным мнением превратилось в сервис.

Так, количество видеодипфейков за последний год выросло в геометрической прогрессии. Преступники используют ИИ для подмены голоса в телефонных мошенничествах, что делает традиционные методы опознания по голосу бесполезными, для генерации фальшивых документов, неотличимых от подлинных при беглом взгляде, и для автоматизации атак на информационные системы.

Одновременно, киберпреступность и экстремизм слились в единый цифровой фронт. Практически все преступления экстремистской и террористической направленности сегодня имеют цифровой след или полностью организуются в цифровой среде. ИИ позволяет экстремистским группам вести точечную пропаганду, анализируя психологические профили пользователей в социальных сетях, вербовать сторонников через персонализированные диалоговые боты, координировать действия в зашифрованных каналах и манипулировать информационным пространством целых государств.

При этом, современные технологии позволяют воссоздавать несуществующие диалоги и видеоролики с высокой степенью реалистичности, что используется для дестабилизации политической обстановки и провокаций.

Организованная преступность стала транснациональной и высокотехнологичной. Преступные синдикаты активно инвестируют в ИИ, криптографию и кибербезопасность. Их действия носят межгосударственный характер, а финансовые и технические ресурсы зачастую превосходят возможности регионального следственного подразделения. Они оперируют в «правовых серых зонах» разных юрисдикций, используя криптовалюты и анонимные сети, что делает традиционные розыскные меры крайне затруднительными и неэффективными.

В современных геополитических условиях правоохранительные органы сталкиваются не только с внутренней преступностью, но и с целенаправленными кампаниями иностранных государств и аффилированных групп. Фиксируются систематические попытки рассекретить персональные данные защитников Отечества, судей, сотрудников силовых структур, совершать изощренные кибератаки на критическую инфраструктуру и финансовый сектор. Зарубежные

ИИ-платформы, владельцы и инвесторы которых связаны с недружественными странами, выступают инструментом мягкой силы и социальной инженерии.

В связи с совершением таких преступлений иностранцами из коллективного Запада, последующее расследование уголовным делом без эффективных норм международного уголовного права и взаимодействия по розыску международных преступников затруднительно. Более глобальной проблемой является то, что ИИ в работе следователей и оперативных служб практически не используется, либо используются иностранные системы ИИ, что не является законным по своей сути.

Иностранцами разведслужбами с началом специальной военной операции (далее – СВО) предпринимаются попытки рассекретить персональные данные российских военнослужащих, судей, сотрудников правоохранительных органов и служащих Министерства обороны России. Мошеннические действия также сопровождаются использованием ИИ в преступных целях [13, С. 27]. Наряду с кибермошенничеством, в период проведения СВО, через молодежь новых субъектов активно продвигаются идеи киберэкстремизма.

В связи с тем, что алгоритмы программ ИИ коллективного Запада зависят от интересов собственника, инвесторов сервиса и государства, резидентами которого они являются, в том числе «групп влияния», ИИ предлагает молодому поколению однозначный «западный» ответ. Между тем, компания OpenAI, разработчик ChatGPT, базируется в США, как и один из крупнейших инвесторов и партнеров проекта, компания Microsoft [14, С. 48].

Указанные преступные действия осуществляются также в связи с тем, что на освобожденных исторических территориях Российской Федерации у молодежи наблюдаются поведенческие атрибуты экстремизма, отмечаются попытки воздействия на молодежь со стороны идеологических противников, направленные на внедрение экстремистской идеологии [15, С. 81].

Такое воздействие на молодежь через нейросети вуалируется под предложения неофициального трудоустройства в правоохранительные органы для помощи оперативным сотрудникам спецподразделений России, либо используются шантаж и подкуп с целью побуждения к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности.

Такие группы активно используют современные технические возможности Интернета, а также западные машины ИИ для поиска ответов на вопросы, на которые заранее заготовлен враждебный и прозападный ответ, влекущий, при использовании методов социальной инженерии, побуждение к экстремистским и террористическим действиям на примере многолетней ненависти западной Украины к русскому народу.

Так, исторически сложилось, что экстремистские угрозы со стороны западной Украины нашему государству создаются около 100 лет [16]. Сегодня на территории г. Луганска спецподразделениями Украины систематически совершаются попытки террористических актов [17] и иных преступлений экстремистского характера [18]. В том числе, и в отношении должностных лиц правоохранительных органов и Вооруженных сил России. В последующем

расследование таких преступлений, как правило, возлагается в соответствии с частью 2 статьи 151 УПК РФ на следователей и следователей-криминалистов Следственного комитета России.

В Следственном комитете Российской Федерации активно используется программа на основе технологии искусственного интеллекта, позволяющая строить наиболее вероятный портрет серийного преступника по совокупности признаков совершенных им насильственных преступлений [19].

По нашему мнению, стоит разработать более многофункциональную машину ИИ для следователя, некоего «интерактивного помощника», сопровождающего следователя в ходе подготовке к следственным действиям, сбора доказательств и производства расследования с учетом мирового опыта.

Совершение ошибок в ходе уголовного преследования, в том числе при назначении экспертиз следователем, изучения уголовного дела прокурором может привести к признанию доказательств недопустимыми [20, С. 89] и вынесению оправдательного приговора судье по формальным основаниям.

К примеру, в Китае используется система «Zero Trust» на основе ИИ для борьбы с коррупцией среди чиновников. Система отслеживает необычные изменения на счетах банков чиновника, его семьи и близких друзей, а при подозрениях ИИ вычислял вероятность коррумпированных действий [21, С. 268], а также иные действия государственных служащих Китая. Представляется, что сбор указной информации должен осуществляться под чутким контролем должностных лиц правоохранительных органов. Правоохранитель обязан проверить достоверность и полноту представленных ИИ сведений [22, С. 31].

Таким образом, для деятельности правоохранительных органов требуется отечественная машина ИИ с отдельной программой для следователей, судей, прокуроров и оперативных служб, с учетом разработок дружественных России стран и международного правового опыта и профильных международных договоров.

Так, прорывным международно-правовым документов по борьбе с преступностью в сфере информационно-телекоммуникационных технологий является Конвенция ООН по борьбе против киберпреступности. Ратификация данной Конвенции потребует от законодателя и правоохранителей внесения значительных изменений в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации [23].

Конвенцией фактически предусмотрены новые составы преступлений с использованием информационно-коммуникационной систем и нейросетей (ст. 7-17) «незаконный доступ», «незаконный перехват», «воздействие на электронные данные», «воздействие на информационно-коммуникационную систему» и «подлог с использованием информационно-коммуникационной системы».

Положения Конвенции ООН против киберпреступности 2024 г. [24] должны быть интегрированы в российскую правовую систему в целях

обеспечения национальной безопасности России и международной безопасности мирового сообщества.

Выводы. Таким образом, предлагается внести следующие изменения в УПК РФ об использовании искусственного интеллекта:

1. Внести изменения в часть 2 статьи 74 УПК РФ и дополнить доказательства новым видом – «сведения, полученные искусственным интеллектом и подтвержденные ответственным должностным лицом».

2. Внести изменения в главу 8 УПК РФ об иных участниках уголовного судопроизводства, дополнив ее статьей 56.1. «ответственное лицо за использование ИИ» и указать, что такое «ответственное лицо (разработчик, пользователь, правообладатель ИИ) обязано сообщить о действиях или каких-либо обстоятельствах, связанных с определенной машиной ИИ, имеющих значение для расследования уголовного дела».

3. Также необходимо внести изменения и в Уголовный кодекс Российской Федерации, дополнив Особенную часть новыми составами преступлений, предусмотренных Конвенцией ООН против киберпреступности.

Указанные изменения, по нашему мнению, повлияют на качество производства следственных действий, определяют роли лиц, причастных к совершению преступлений с использованием ИИ, а также усовершенствуют настоящие редакции Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

4. Важной задачей для правоохранительных органов и в целом для страны является разработка и внедрение интерактивного помощника следователя, прокурора и судьи – это исторический вызов и возможность для российской правоохранительной и судебной системы совершить качественный скачок в XXI век. Данный проект невозможно реализовывать лишь силами технологий, он требует глубокого переосмысления процессуальной культуры, беспрецедентного межведомственного взаимодействия, инвестиций в кадры и создания прочных этических оснований. При этом следует осуществлять целенаправленное обучение сотрудников правоохранительных органов работе с системами ИИ [25, С. 138]

Такие меры позволят не только эффективно противостоять самым изощренным формам современной преступности, но и вывести на новый уровень защиту прав граждан, обеспечить подлинную состязательность процесса и вернуть доверие к институтам правосудия.

Будущее уголовного преследования и правосудия не в замене человека машиной, а в их синергии, где искусственный интеллект становится продолжением профессионального разума юриста, а человеческие ценности, опыт и ответственность остаются конечной инстанцией и смыслом всей правовой системы.

5. Одновременно, превентивной мерой для обеспечения национальной и международной безопасности в рамках уголовного преследования является ограничение сети Интернет на территории Российской Федерации в части

использования пользователями систем ИИ, принадлежащих странам коллективного Запада.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (УПК РФ) (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
2. Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности : укрепление международного сотрудничества в борьбе с определёнными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьёзным преступлениям : принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи от 24 декабря 2024 г. // Организация Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243?ysclid=mi1qtejwg8155216578> (дата обращения: 13.05.2026).
3. Уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_11/activity/legal-education/explain/e142353/ (дата обращения: 13.05.2026).
4. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // СПС «Гарант».
5. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант».
6. Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
7. Указ Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» // СПС «Гарант».
8. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // СПС «Гарант».
9. Путин обсудил с Совбезом противодействие киберпреступлениям. – Текст : электронный // Газета Коммерсант : [сайт]. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8209006> (дата обращения: 13.05.2026).
10. Смирнов, А.В. Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? / А.В. Смирнов // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 1. – С. 24-31.

11. В 2023 году в сеть утекло более 300 млн записей о россиянах. – Текст : электронный // ТАСС : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19693845> (дата обращения: 13.05.2026).
12. Бессонов, А.А. Информационные технологии как инструмент распространения идеологии нацизма и противодействия этому / А.А. Бессонов // Ортодоксия. – 2025. – № 1. – С. 122–135.
13. Алихаджиева, И.С. О новых способах совершения преступлений с использованием персональных данных / И.С. Алихаджиева // Вестник Прикамского социального института. – 2024. – № 1(97). – С. 22–30.
14. Былевский П.Г. Культурологическая деконструкция социально-культурных угроз ChatGPT информационной безопасности российских граждан // Философия и культура. – 2023. – № 8. – С. 46–56.
15. Меркурьев, В.В. Борьба за суверенитет Российской Федерации в условиях трансформации мирового порядка: новые возможности взаимодействия / В.В. Меркурьев // Новое мироустройство: принципы построения, перспективы, вызовы : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 октября 2024 года. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2025. – С. 77–85.
16. О преступлениях бандеровцев от 1940-х годов до наших дней. – Текст : электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1904942/ (дата обращения: 13.05.2026).
17. О совершении киевским режимом преступлений террористической направленности (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) – Текст : электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1969025/ (дата обращения: 13.05.2026).
18. ФСБ заявила о подкупах Киевом жителей ЛНР для терактов и поджогов. – Текст : электронный // Газета Коммерсант : [сайт] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8209006> (дата обращения: 13.05.2026).
19. Интервью руководителя НИИ криминалистики СК России А.А. Бессонова информационному агентству ТАСС. – Текст : электронный // Следственный комитет Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1621439/?print=1> (дата обращения: 13.05.2026).
20. Данилова, Н.А. Изучение прокурором заключения эксперта / Н.А. Данилова, Е.В. Елагина // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2026. – № 1(7). – С. 81–97.
21. Таршева, М.Н. Искусственный интеллект в борьбе с преступностью: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты / М.Н. Таршева,

- О.Д. Вастьянова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 3(100). – С. 266–275.
22. Головин, А.Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить / А.Ю. Головин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2024. – № 2(44). – С. 25-33.
23. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
24. Сообщение МИД России от 24 октября 2025 г. «О подписании Конвенции ООН против киберпреступности» // СПС «Гарант».
25. Храпинский, Б.Л. К вопросу об использовании искусственного интеллекта для расследования преступлений / Б.Л. Храпинский, А.Н. Титов // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. – 2026. – № 1(7). – С. 131–138.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРАВОЗАЩИТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Анастасия Евгеньевна Урывкова, Руководитель третьего отделения (с дислокацией в г. Хабаровск) контрольно-следственного отдела Восточного межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации (г. Хабаровск)
(e-mail: ae.uryvkova@mail.ru)

Рассматривая мнения ученых-процессуалистов о содержании и назначении стадии возбуждения уголовного дела, взгляды на фундаментальную проблему о необходимости существования указанной стадии в системе российского уголовного судопроизводства, автор приводит свои доводы в обоснование сохранения стадии возбуждения уголовного дела, рассматривает ее как надежный элемент правозащитного механизма современного национального уголовного процесса, а также вносит предложение о поэтапном рассмотрении заявления, сообщения о преступлении и принятии решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, что, по его мнению, будет способствовать развитию правозащитной системы иерархически выстроенных стадий уголовного процесса, в логической последовательности сменяющих друг друга, ориентированных на недопустимость принятия незаконного и необоснованного процессуального решения.

Ключевые слова: *стадии уголовного процесса, возбуждение уголовного дела, стадия возбуждения уголовного дела, правозащитное назначение стадии возбуждения уголовного дела, процессуальная проверка сообщения о преступлении.*

ON THE DEVELOPMENT OF THE HUMAN RIGHTS FUNCTION OF THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Uryvkova, A.E.

Considering the opinions of procedural law scholars on the content and purpose of the stage of initiation of criminal proceedings, as well as views on the fundamental problem of the need for the existence of this stage in the Russian criminal justice system, the author presents arguments in support of maintaining the stage of initiation of criminal proceedings, considers it as a reliable element of the human rights function of the modern national criminal process, and also makes a proposal for a phased review statements, reports of crime reports and the decision to initiate or refuse to initiate criminal proceedings. This, in author's opinion, will contribute to the

development of rights-protective system of hierarchically structured stages of the criminal process, in a logical sequence succeeding one another, focused on the inadmissibility of making illegal and unjustified procedural decisions.

Keywords: *stages of the criminal process, initiation of a criminal proceedings, stage of initiation of a criminal proceeding, human rights assignment of the stage of initiation of a criminal proceedings, procedural verification of a crime report.*

Актуальность темы исследования. Определяя правозащитное назначение стадии возбуждения уголовного дела, укажем самый главный тезис, касающийся системы уголовного судопроизводства в целом, на котором базируются научные взгляды автора настоящей работы: в правозащитном аспекте последовательность сменяющих друг друга стадий служит гарантией защиты прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного процесса, вследствие чего предопределяет надлежащее функционирование механизма, обеспечивающего реализацию права на обжалование, позволяя потерпевшему, подозреваемому (обвиняемому), иным вовлеченным в орбиту уголовного процесса лицам оспаривать законность и обоснованность процессуальных решений (по сути, являющихся выводами уполномоченных законом должностных лиц), принятых на заключительном этапе каждой из стадий уголовного процесса.

Именно исходя из этой ключевой идеи следует рассматривать стадию возбуждения уголовного дела, описывая и развивая ее правозащитное содержание, чтобы оказать предупредительное воздействие на тех, кто стремится к внесению изменений в уголовно-процессуальный закон, направленных на исключение стадии возбуждения уголовного дела из системы уголовного процесса.

Анализ научных исследований. В науке уголовно-процессуального права отношение к стадии возбуждения уголовного дела всегда было неоднозначным. Ряд исследователей вообще не придавали этому этапу самостоятельного значения (А.Я. Вышинский, Ю.В. Деришев, В.Л. Дорохов, А.Р. Михайленко, Н.Н. Полянский, П.С. Элькинд, Ю.К. Якимович). Отдельные авторы в весьма категоричной форме настаивают на упразднении стадии возбуждения уголовного дела и исключении ее упоминания в уголовно-процессуальном законе (А.С. Александров, С.Е. Вицин, Б.Я. Гаврилов, С.А. Грачев, В.В. Кожокар, Н.С. Манова); другие подвергают рассматриваемую стадию жесткой критике (И.С. Дикарев, А.М. Косенко, С.Б. Россинский, С.А. Яковлева).

Цель исследования – формулирование предложений о развитии правозащитного механизма стадии возбуждения уголовного дела в обоснование ее надежного места в системе уголовного процесса.

Изложение основного материала. Первоначально укажем, что стадия возбуждения уголовного дела (как ни одна другая стадия уголовного процесса) уже не одно десятилетие подвергается серьезной критике. Так, в первой

половине XX века достаточно долго дискуссионным являлся вопрос об отсутствии у нее самостоятельности, ввиду этого она определялась как начальный момент предварительного расследования [5, С. 145; 10, С. 114-117; 14, С. 5; 16, С. 123-125]. Иными словами, стадия полностью игнорировалась и воспринималась как некий не обладающий самостоятельностью, придаток стадии «предварительное расследование», знаменующий её начало. Позднее эта точка зрения была подвергнута некоторой корректировке, но, тем не менее, сохранила свою суть.

В частности, отдельные авторы, рассматривая как систему уголовного процесса, так и его структуру, вели речь о некоем «движении уголовного дела». Например, по мнению П.С. Элькинд, «уголовно-процессуальное право определяет порядок производства по уголовным делам; уголовный процесс – это само производство, движение уголовных дел соответственно точно установленной уголовно-процессуальным правом процедуре, переход из одной стадии в другую» [18, С. 28]. В свою очередь Ю.К. Якимович считал, что уголовное судопроизводство представляет собой систему стадий движения уголовного дела и систему отдельных производств [19, С. 4]. Согласно позиции Ю.В. Деришева, уголовный процесс – система различных в зависимости от степени обобщения уголовно-процессуальной деятельности производств по уголовному делу [8, С. 22].

Представляется, что упомянутые выше подходы сложно признать оправданными, поскольку они полностью нивелируют проверку сообщения о преступлении и, как следствие, стадия возбуждения уголовного дела выводится за рамки уголовного процесса, по сути, оставаясь ничем иным, как «начальным моментом («предварительным этапом») предварительного расследования», то есть его своеобразным несамостоятельным истоком (началом).

Между тем, во-первых, в соответствии со ст. 140 УПК РФ именно на этой стадии определяется законность повода для возбуждения уголовного дела, которым, согласно позиции законодателя, является: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании; «исключительный налоговый повод» для возбуждения уголовного дела.

Вследствие этого неясно, если проверка законности повода осуществляется за рамками уголовного процесса, то каким образом результат этой проверки, являющийся первой из двух составляющих принятия законного и обоснованного процессуального решения о возбуждении уголовного дела (отказе в таковом), может инициировать «движение уголовного дела». Равным образом неясно, как установление наличия (отсутствия) основания для возбуждения уголовного дела (являющееся второй составляющей принятия законного и обоснованного процессуального решения, с той или иной степенью завершающего рассматриваемую стадию), которое в совокупности с законностью повода является своеобразной «точкой отсчёта» для уголовного

преследования (отказа в нем), может осуществляться за рамками уголовного процесса.

Во-вторых, в продолжение первого пункта, на базе данных, содержащихся в материалах указанной проверки, определяется наличие (отсутствие) основания для возбуждения уголовного дела (то есть признаков, возможно готовящегося или совершённого преступления, предусмотренного конкретной нормой уголовного закона) и, как следствие, принимается процессуальное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом. Иными словами, упомянутое выше «движение» уголовного дела невозможно без его предварительного возбуждения, для которого, по справедливому мнению авторов ключевого для уголовно-процессуальной науки очерка ее развития, достаточно обоснованного фактическими данными предположения о совершенном или готовящемся противоправном деянии [2, С. 168]. В противном случае неясно, что является отправной точкой этого «движения».

Более радикально настроенные представители науки уголовного процесса предлагают, а нередко в весьма категоричной форме настаивают на упразднении (ликвидации) проверки сообщения о преступлении и, как следствие, предлагают законодателю путем внесения изменений в уголовно-процессуальный закон исключить нормы, регламентирующие стадию возбуждения уголовного дела [1, С. 14-21; 6, С. 24-31; 7, С. 86-90; 13, С. 21-24]. Ярким примером служит позиция С.Е. Вицина, характеризующего рассматриваемую стадию как неправовую, квазисудопроизводственную процедуру, которая перешла из советского уголовного процесса и повлияла на появление огромных по объему (порой сопоставимых с уголовными делами) «отказных материалов», доказательственная ценность которых равна нулю [4, С. 54-56].

Эти характеристики стадии возбуждения дела были дополнены А.М. Косенко – «суррогат предварительного следствия» [12, С. 162], С.Б. Россинским – «автономная система уголовно-процессуальных механизмов, регламентированных самостоятельным институтом уголовно-процессуального права» [17, С. 136] и рядом других исследователей.

В свою очередь С.А. Яковлева, достаточно обстоятельно проанализировав представленные в юридической литературе позиции как сторонников, так и противников стадии возбуждения уголовного дела, приходит к выводу, что эта стадия не является самостоятельной, поскольку задачи установления признаков преступления, его квалификации и лица, его совершившего, а также формирования доказательственной базы – общие задачи как стадии возбуждения уголовного дела, так и стадии предварительного расследования [20, С. 113].

Представляется, что здесь многое требует детального анализа и разбора.

Во-первых, задачи стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования не сходны (во всяком случае, между ними нет полной аналогии, в противном случае законодателя следует упрекнуть в полном отсутствии логики). В силу этого совокупность (система) задач этих стадий по определению не может быть одинаковой. Однако в случае, когда уголовное дело было возбуждено, а отдельные задачи стадии возбуждения уголовного дела,

которые были либо не решены (например, установление личности лица, возможно, совершившего преступление), либо решены полностью или в части неверно (например, относительно квалификации содеянного, которое не является уголовно наказуемым, а относится, например, к сфере гражданско-правовых отношений), то решение этих задач (вследствие допущенных упущений объективного или субъективного характера) должно быть осуществлено в ходе предварительного расследования.

Во-вторых, трудно признать справедливым мнение С.А. Яковлевой относительно того, что в ходе проверки сообщения о преступлении «формируется доказательственная база», поскольку, полагаем, что в данном случае правильнее утверждать о поиске, фиксации и последующем изъятии различного рода объектов (предметов, документов и иных объектов материального мира), которые могут: а) выступать в качестве основания для возбуждения уголовного дела, то есть, представлять собой совокупность признаков, свидетельствующих о возможно совершенном преступлении; б) быть признаны доказательствами при условии соблюдения норм уголовно-процессуального закона.

И, наконец, недостаточно обоснованным представляется утверждение С.А. Яковлевой относительно того, что разрешение проблемы существования стадии возбуждения уголовного дела находится в зависимости от времени вынесения постановления о возбуждении уголовного дела [20, С. 112]. Таким образом, по нашему глубокому убеждению, предпринятый подход весьма сложно признать достаточно аргументированным, вследствие чего полагаем, что он нуждается в более серьезном обосновании.

В свою очередь в качестве аргумента необходимости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела И.С. Дикарев приводит введение судебного контроля за принятием решений, связанных с ограничением конституционных прав, в силу этого, считает автор, теряется смысл проверок сообщений о преступлении [9, С. 40].

На наш взгляд, за рамками внимания автора осталась как цель, так и задачи стадии возбуждения уголовного дела, в которых как раз и заложен смысл этих проверок. Что же касается распространения судебного контроля за принятием решений, связанных с ограничением конституционных прав граждан, на стадию возбуждения уголовного дела, то это лишь должная реализация правозащитного содержания судебного контроля, его действие на всех этапах уголовного процесса.

Другой аргумент против стадии возбуждения уголовного дела приводит В.В. Кожокарь – высокое число нарушений, ежегодно допускаемых в ходе проверки сообщения о преступлении [11, С. 16, 231]. Сходный аргумент приводят Б.Я. Гаврилов и И.В. Овсянников, указывая на то, что количество нарушений, допускаемых при производстве следствия и дознания, существенно ниже числа нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении [6, С. 24-31; 15, С. 58].

Со своей стороны отметим, что, учитывая значительное число ошибок и упущений, которые допускаются в процессе расследования преступлений, полагаем, что, если следовать логике автора, то необходимо также упразднить стадию предварительного расследования и, как следствие, ликвидировать этот процессуальный институт.

При этом считаем важным учитывать проблемы, которые возникают в правоприменительной практике. И одна из них – негативные последствия привлечения сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность для проведения проверок сообщений о преступлениях и принятия соответствующих процессуальных решений (о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела).

Во-первых, суть этой негативной практики заключается в том, что она влечет за собой существенное сокращение времени, которое сотрудники оперативных подразделений уделяют своей основной работе – предупреждению и раскрытию преступлений.

Во-вторых, сложившаяся негативная практика усугубляется недостаточно высоким уровнем подготовки сотрудников оперативных подразделений к выполнению функций органа дознания и, в частности, поведению и процессуальному оформлению проверок сообщений о преступлениях. Низкое качество процессуальных проверок, проводимых оперативными сотрудниками, влечет за собой рост числа незаконных и необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел. В результате, материалы с отмененными постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела (в подавляющем большинстве случаев о хищении имущества граждан, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий) возвращаются в оперативные подразделения и требуют привлечения новых сил и средств для решения поставленных задач.

Таким образом, налицо серьезная проблема, от решения которой зависит как качество оперативно-розыскной деятельности, так результаты деятельности правоприменителей на стадии возбуждения уголовного дела. Однако она вполне решаема, в том числе в рамках реализации идеи о стадийности российского уголовного судопроизводства как наиболее важной гарантии прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений, в рамках развития правозащитного назначения стадии возбуждения уголовного дела.

Так, на наш взгляд, целям развития уголовно-процессуальных гарантий стадийного построения российского уголовного процесса будет соответствовать разделение также стадии возбуждения уголовного дела на этапы.

На первом этапе при поступлении заявления, сообщения о преступлении или ином правонарушении, например, в орган внутренних дел, руководство органа дознания должно поручать его проверку сотруднику органа дознания, не являющемуся дознавателем специального подразделения дознания или следователем, в соответствии с его направлением деятельности – оперативному сотруднику уголовного розыска или отдела по борьбе с экономическими преступлениями и противодействием коррупции, участковому

уполномоченному полиции или инспектору подразделения по делам несовершеннолетних. При установлении в ходе проверки сообщения отсутствия признаков правонарушения или преступления материал списывается в номенклатурное дело. При выявлении административного правонарушения принимается решение в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях (рассматривается самостоятельно органом внутренних дел или передается по подведомственности, в том числе в суд). В иных случаях, в том числе при выявлении признаков преступления материал так называемой «доследственной проверки» передается дознавателю или следователю по подследственности.

На втором этапе – дознаватель, следователь изучают материал проверки сообщения о преступлении, при необходимости проводят дополнительные следственные и иные процессуальные действия и принимают решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела (в соответствии с особенностями, установленными законом для утверждения и согласования принимаемых решений дознавателем и следователем).

На третьем этапе – начальник органа дознания (начальник подразделения дознания), руководитель следственного органа (в рамках ведомственного процессуального контроля) и прокурор (при осуществлении надзорной деятельности), а также суд (в случае обжалования в суд принятого решения) осуществляют проверку законности и обоснованности принятого дознавателем, следователем решения.

Выводы. Представленная схема поэтапного принятия решения по заявлению, сообщению о преступлении или ином правонарушении образует структуру правозащитной модели стадии возбуждения уголовного дела. На каждом последующем этапе осуществляется проверка ранее принятого решения, что в наибольшей степени отражает систему уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. При этом самое главное, что материал проверки сообщения о преступлении не будет переходить на следующий этап при отсутствии к тому оснований, что будет ставить границу для вторжения в систему прав личности, для применения мер государственного принуждения.

Не менее важным здесь выступает и то, что предлагаемый поэтапный механизм направлен не только на защиту прав и законных интересов лица, подозреваемого в совершении преступления, но и, что не менее важно, на обеспечение доступа граждан к правосудию, на охрану прав потерпевшего.

Не секрет, что описанная выше система иерархически выстроенных стадий уголовного процесса, в логической последовательности сменяющих друг друга, ориентирована прежде всего на недопустимость незаконного и необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности. Созданные оценочные механизмы, реализуемые на каждой последующей стадии уголовного судопроизводства в отношении проведенных процессуальных действий и окончательных решений, принятых на каждой из предыдущих стадий, в совокупности с закрепленными в законе правами сторон свидетельствуют о

превалировании уголовно-процессуальных гарантий прав и свобод подозреваемого, обвиняемого.

Как справедливо отмечает И.А. Антонов, «на сегодняшний же день можно констатировать, что потерпевший все еще остается и пассивной фигурой в уголовно-процессуальных правоотношениях, и обойденным вниманием участником уголовного судопроизводства как со стороны законодателей (и в сфере уголовно-процессуального, и в области гражданского, и социально-страхового законодательства), так и со стороны ученых-процессуалистов. Расширенный перечень иммунитетов в уголовном судопроизводстве, усложненный порядок признания доказательств допустимыми, невозможность взыскать ущерб, причиненный преступлением (в том числе ввиду материальной несостоятельности обвиняемого), и многие другие факторы порождают неверие лиц, пострадавших от преступных посягательств, в восстановление справедливости. Подобное положение должно быть исправлено» [3, С. 297].

Предложенный поэтапный механизм стадии возбуждения уголовного дела помимо прочего ограничит полномочия сотрудников органа дознания (оперативных работников, участковых уполномоченных полиции, инспекторов подразделений по делам несовершеннолетних), не являющихся дознавателями специализированных подразделений дознания и не обладающих полномочиями следователей, в принятии решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Именно незаконные и необоснованные решения в этой сфере (обусловленные попыткой снижения уровня регистрации преступлений, которые со всей очевидностью останутся нераскрытыми) ограничивают право на доступ граждан (потерпевших от преступлений) к правосудию.

Для решения указанной проблемы, как видится, на втором из предложенных этапов именно следователи и дознаватели по результатам дополнительной процессуальной проверки сообщения о преступлении будут принимать взвешенное законное и обоснованное решение (без давления со стороны статистических показателей об уровне раскрываемости преступлений).

Указанные идеи, как представляется, при их реализации будут способствовать развитию правозащитного механизма на стадии возбуждения уголовного дела.

Список литературы

1. Александров, А.С. Проект нового порядка открытия уголовного расследования по сообщению о преступлении / А.С. Александров, С.А. Грачев // Уголовный процесс. – 2015. – № 7. – С. 14–21.
2. Алексеев, Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1980. – 251 с.
3. Антонов, И.А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности (теоретические идеи и правоприменительная практика) : дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Антонов. – СПб., 2005. – 429 с.
4. Вицин, С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве / С.Е. Вицин // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 54–56.

5. Вышинский, А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. – М.: Юриздат, 1927. – 222 с.
6. Гаврилов, Б.Я. Стадия возбуждения уголовного дела как правовое препятствие доступа граждан к правосудию: в цифрах и фактах / Б.Я. Гаврилов // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей по материалам Международной конференции. – М., 2025. – С. 24–31.
7. Гаврилов, Б.Я. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса: нужна ли она российскому предварительному расследованию и в каком виде? / Б.Я. Гаврилов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 4 (14). – С. 86–90.
8. Деришев, Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.В. Деришев. – Омск, 2005. – 436 с.
9. Дикарев, И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2011. – № 11. – С. 38–40.
10. Дорохов, В.Л. Возбуждение уголовного дела как первоначальная часть стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе / В.Л. Дорохов // Ученые записки Пермского государственного университета. – 1955. – Вып. 4. – Т. 10. – С. 108–121 с.
11. Кожокар, В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Кожокар. – М., 2016. – 301 с.
12. Косенко, А.М. Задачи и значение стадии возбуждения уголовного дела: вопросы теории и практики / А.М. Косенко // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1 (43). – С. 161–171 с.
13. Манова, Н.С. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ / Н.С. Манова // Российский судья. – 2003. – № 5. – С. 21–24.
14. Михайленко, А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. – 150 с.
15. Овсянников, И.В. Стадия возбуждения уголовного дела в свете назначения и принципов уголовного судопроизводства / И.В. Овсянников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. – № 3 (107). – С. 57–63.
16. Полянский, Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М., 1960. – 212 с.
17. Россинский, С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 6. – С. 133–139.
18. Элькинд, П.С. Цели и средства в советском уголовно-процессуальном производстве / П.С. Элькинд. – Л., 1976. – 143 с.

19. Якимович, Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств: основные и дополнительные производства / Ю.К. Якимович. – Томск, 1991. – 138 с.
20. Яковлева, С.А. Понятие и сущность возбуждения уголовного дела / С.А. Яковлева // Вестник Марийского государственного университета. Серия: «Исторические науки. Юридические науки». – 2017. – Т. 3. – № 4 (12). – С. 109–114.

УДК 343.24

ПОМЕЩЕНИЕ В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

Александр Иванович Чучаев, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН, Заслуженный деятель науки РФ (г. Москва) (e-mail: mosksha1@rambler.ru)

В статье показаны истоки появления в российском уголовном праве принудительных мер воспитательного воздействия вообще и помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в частности, дана характеристика их эволюции, раскрыты основные позиции, сложившиеся в уголовно-правовой теории относительно правовой природы помещения подростка, освобожденного от наказания, в указанное учреждение. На основе анализа как международных документов, так и национальных нормативных актов, а также материалов стратегического планирования автор приходит к выводу, согласно которому помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа представляет собой принудительную меру воспитательного воздействия.

Ключевые слова: уголовное право, несовершеннолетний, освобождение от наказания, уголовно-правовое воздействие, меры уголовно-правового характера, принудительные меры воспитательного воздействия, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, генезис, правовая природа.

PLACEMENT IN A SPECIAL EDUCATIONAL AND UPBRINGING INSTITUTION OF A CLOSED TYPE: PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL NATURE

Chuchaev, A.I.

The article traces the origins of the emergence of compulsory measures of education influence in Russian criminal law in general and the placement of minors in special educational and upbringing institutions of a closed type in particular. It also describes their evolution and reveals the main positions that have emerged in criminal law theory regarding the legal nature of the placing a minor who has been exempted from punishment in such an institution. Based on an analysis of both international documents and national regulations, as well as strategic planning materials, the author

concludes that placement in a special educational and upbringing institution of a closed type is a compulsory measure of educational influence.

Keywords: *criminal law, juvenile, exemption from punishment, criminal-law influence, measures of criminal-law nature, compulsory measures of educational influence, placement in a special educational and upbringing institution of a closed type, genesis, legal nature.*

Цель исследования – выявить и обосновать правовую природу помещения несовершеннолетнего, освобожденного от наказания за совершенное преступление, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как принудительной меры воспитательного воздействия.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом обстоятельств, в том числе:

- уголовно-правовым статусом виновного: несовершеннолетний в уголовно-правовой доктрине и законодательстве всегда признавался субъектом особого рода, в отношении которого на протяжении веков формировался специальный институт уголовно-правового воздействия, интегрирующего меры воспитательного характера;

- проблемами генезиса принудительных мер воспитательного воздействия: попытки найти истоки норм, регламентирующих исключительно воспитательное воздействие на подростка, совершившего преступление, обречены на неудачу, поскольку их прообраз впервые был отражен только в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., а нашли конкретное воплощение уже в Основах уголовного законодательства СССР 1958 г. и УК РСФСР 1960 г.;

- продолжающейся на протяжении нескольких десятилетий дискуссии по правовой природе помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: признание его специальным видом уголовного наказания, мерой безопасности или самостоятельной мерой уголовно-правового характера искажают правовую природу рассматриваемой меры, разрывают связь с принудительными мерами воспитательного воздействия.

Таким образом, исследование имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Изложение основного материала. В соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ «несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия...». Казалось бы, отнесение самим законодателем указанной меры к принудительным мерам воспитательного воздействия (хотя надо заметить, сделано это недостаточно корректно; строго говоря, применять как меру и являться соответствующей мерой – не одно и то

же) должно было снять все вопросы относительно ее правовой природы. Однако в теории уголовного права дискуссия как по этому поводу, так и по поводу появления в законодательстве прообраза помещения несовершеннолетнего преступника в специальное учреждение идет достаточно продолжительное время.

Обращение к историческим аспектам проблемы, как нам представляется, позволяет не только выявить генезис рассматриваемой меры, показать ее эволюцию, раскрыть теоретические оценки, сложившиеся в разное время в уголовно-правовой литературе, но и определить, чем она признавалась ранее и признается сейчас.

По моменту возникновения нормы о специфическом воздействии на лицо, совершившее преступление в несовершеннолетнем возрасте, в современной уголовно-правовой литературе высказаны разные мнения. Например, Н.Ю. Скрипченко ее появление связывает с законодательством Петра I [19, С. 16]. М.Ф. Костюк и О.С. Носков, конкретизируя данную точку зрения, в качестве истоков рассматриваемой меры называют Артикул воинский 1715 г. [9, С. 15]. Этой же позиции придерживается Ю.Е. Пудовочкин [15, С. 55].

Однако нет никаких оснований утверждать, что дореволюционное законодательство России предусматривало принудительные меры воспитательного воздействия или хотя бы имело их прообраз. Были внешне похожие на них меры (например, особо приспособленное для несовершеннолетних помещение при тюрьме или арестном доме, отправление в монастырь согласно вероисповеданию и др.), но они не могут признаваться воспитательными, поскольку содержали элементы кары. Кроме того, законодательные акты указанного периода не имели института освобождения от уголовной ответственности или от наказания, являющегося обязательным предикатным условием применения принудительных мер воспитательного воздействия, в чем бы они ни проявлялись.

В дореволюционной теории уголовного права рассматриваемые меры также не упоминаются. Работы ученых были посвящены двум относительно самостоятельным направлениям исследований: определению возраста уголовной ответственности и формированию системы заменяющих видов наказаний (специальные приюты и колонии, особые тюремные отделения), которые отдельными современными юристами по ошибке отождествляются с принудительными мерами воспитательного воздействия. Между тем очевидно, что их правовая природа совершенно иная, она не имеет ничего общего с последними. Их содержанию свойственна кара, чего нет и не может быть в воспитательных мерах.

Законодательство первых лет советской власти также не предусматривало освобождение от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение, хотя в это время шли активные поиски организационно-институциональных форм воздействия на преступность несовершеннолетних. Создавались реформатории, трудовые дома для несовершеннолетних, школы фабрично-заводского, сельскохозяйственного и конторско-торгового

ученичества и др. В это время в воздействии на подростковую преступность основной упор делался на применении в отношении несовершеннолетних мер медико-педагогического характера, признаваемых основным средством социализации лиц с девиантным поведением.

Прообраз принудительных мер воспитательного воздействия как таковых можно увидеть в Основных началах уголовного законодательства и союзных республик 1924 г., которые предусматривали: 1) отдачу несовершеннолетних на попечение родителям, родственникам или другим лицам, учреждениям и организациям; 2) помещение в специальное заведение. Они применялись с целью: а) предупреждения преступлений; б) лишения общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления; в) исправительно-трудового воздействия на осужденного (ст. 4 Основных начал).

На наш взгляд, отсчет истории принудительных мер воспитательного воздействия следует вести с Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. Первые содержали норму общего характера, Кодекс конкретизировал ее: «При наличии условий <...> несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности и наказания с направлением его в комиссию по делам несовершеннолетних для рассмотрения вопроса о применении к нему принудительных мер воспитательного характера».

Формулировка закона привела к спорам в науке, поскольку не позволяла однозначно определить правовую природу применяемых в этом случае мер в отношении лица, не достигшего совершеннолетия. Дело в том, что указанные меры могли назначаться как судом, так и комиссиями по делам несовершеннолетних. Если абстрагироваться от нюансов, то можно выделить три точки зрения, сложившиеся в литературе по этому поводу. Так, одни авторы считали их природу единой [11, С. 146-147], другие, наоборот, различали их, признавая меры, применяемые комиссией, общественными мерами воспитательного воздействия, а меры, применяемые судом, – государственно-правовыми [5, С. 12]. Третьи видели сходство по одному из признаков указанных мер – их принудительному характеру [6, С. 100].

Не было единого мнения и относительно сущности мер воспитательного характера, в частности наличия у них карательного свойства. Например, В.С. Пронина считала, что они не содержат кары, «принуждение не является уголовным наказанием и не создает судимости. В содержание этих мер вкладывается иной смысл – путем принуждения оказать воспитательное воздействие на несовершеннолетнего, заставить его осмыслить содеянное, предостеречь от совершения ошибок и напомнить ему, чтобы он с большей ответственностью относился к своим поступкам» [13, С. 81].

Н.П. Грабовская занимала иную позицию. Она считала, что карательный элемент в мерах воспитательного характера, хотя и слабо выражен, тем не менее существует, проявляется в ограничении поведения несовершеннолетнего [10, С. 55].

Наибольший разброс мнений имеется относительно правовой природы помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, предусмотренное ст. 92 УК РФ. Они отличаются как по подходам к структуре рассматриваемой меры, так и ее правовой сущности. Например, отмечается, что эта мера является однородной, представляет собой особую форму реализации уголовной ответственности [24, С. 92].

Выступая против такого понимания правовой природы рассматриваемой меры, В.А. Терентьева утверждает, что помещение в специальное учреждение не может признаваться формой реализации уголовной ответственности. Его применение не предполагает осуждения и порицания [21, С. 37].

Автор, к сожалению, упускает из виду уголовно-процессуальную процедуру назначения данной меры. По уголовному делу выносится обвинительный приговор, виновному назначается наказание в виде лишения свободы, в чем и проявляется государственное осуждение и порицание несовершеннолетнего.

Неверным является и утверждение В.А. Терентьевой о том, что в этом случае уголовная ответственность реализуется в обвинительном приговоре [21, С. 29]. Во-первых, уголовный закон не знает подобной формы реализации уголовной ответственности; во-вторых, на самом деле таковой выступает наказание, от отбывания которого лицо освобождается.

Другие ученые подчеркивают сложный характер помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, охватывающего как освобождение от уголовной ответственности, так и от наказания [22, С. 357].

Как полагают некоторые криминалисты, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является административно-правовым принуждением. Так, Т.Г. Понятовская пишет: «Уголовное право заинтересовано в совершенствовании мер воспитательного воздействия, но не решает этой задачи, по существу. Оно лишь использует меры государственного неуголовного принуждения иной отраслевой принадлежности в качестве предупредительной гарантии в случае освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности или наказания» [23, С. 216].

В уголовно-правовой теории есть и диаметрально противоположное утверждение, согласно которому эта мера имеет сложную структуру, охватывающую совокупность разных начал: уголовно-правовых – основания и условия назначения; административно-правовых – ее исполнение [21, С. 42, 48]. «...Данная мера обусловлена уголовно-правовыми отношениями, обеспеченными в уголовно-процессуальном порядке, но “выпавшими” из уголовно-исполнительной сферы. Отсюда административно-правовые аспекты она приобретает в связи с тем, что ее реализация идет в условиях и порядке, определенном этой отраслью права» [1, С. 56].

В этом высказывании обратим внимание на два момента: во-первых, в предмет регулирования уголовного права не входит регламентация исполнения (отбывания) меры уголовно-правового воздействия; во-вторых, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа не могло быть

включено в уголовно-исполнительную сферу. В ч. 2 ст. 1 УИК РФ говорится: «Задачами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации являются регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний...». Рассматриваемая мера наказанием не является, а следовательно, не относится к уголовно-исполнительной сфере.

Возможно, проблемы определения правовой природы помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа обусловлены тем, что оно не упоминается в ч. 2 ст. 90 УК РФ, содержащей перечень видов принудительных мер воспитательного воздействия. В связи с этим Ю.Е. Пудовочкин замечает, что эта мера «отсутствует в перечне, указанном в ч. 2 ст. 90 УК, который не подлежит расширительному толкованию, значит формально она не может быть отнесена к принудительным мерам воспитательного воздействия. Не может быть она отнесена к ним и по существу, поскольку заложенный в ней объем кары и объем правоограничений значительно выше» [14, С. 201].

Наделение помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа свойством кары, по сути, стирает принципиальную разницу между ним и наказанием, делает бессмысленным его замену последним. Кроме того, отмеченный изъян законодательной техники (отсутствие этой меры в перечне принудительных мер воспитательного воздействия) не препятствует установлению правовой природы этой меры. Законодатель в 2003 г. внес изменения в ст. 92 УК РФ, как уже говорилось, недвусмысленно указав, что помещение в такое учреждение применяется как принудительная мера воспитательного воздействия. Конечно, с точки зрения формальной логики и системности уголовного законодательства его следовало включить в перечень воспитательных мер, указанный в ст. 90 УК РФ, а затем уже из него выделить конкретный их вид.

Е.В. Поводова также не видит разницы между помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа и наказанием. Более того, она предлагает «помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение ... закрепить в качестве самостоятельного вида наказания...» [12, С. 149]. Это предложение поддержано Т.Г. Понятовской. «Предусмотренная ч. 2 ст. 92 УК РФ принудительная мера воспитательного воздействия, – пишет она, – по существу является специальным видом лишения свободы для несовершеннолетних. По форме и содержанию, накопленному опыту принудительного воспитательного воздействия она вполне организована и готова к исполнению функций наказания. Для ее легитимации в этом качестве достаточно внести соответствующие изменения в УИК и ст. 44 УК РФ» [23, С. 219].

Кстати сказать, рассматриваемая мера признавалась видом наказания и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». В п. 35 постановления содержалось разъяснение, согласно которому решение об освобождении от наказания должно применяться «в порядке замены

назначенного несовершеннолетнему лишения свободы другим видом наказания» [20]. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 2021 г. № 32 это разъяснение исключено из предыдущего постановления [21].

М.М. Коблева, не соглашаясь ни с одной из высказанных в литературе точек зрения, предлагает обособить рассматриваемую меру от иных принудительных мер воспитательного воздействия, придав ей самостоятельный характер, а следовательно, и изменив правовую природу. «Эта мера, – по ее утверждению, – отличается от принудительных мер воспитательного воздействия и от уголовного наказания своим содержанием и соотношением объемов карательного и воспитательного воздействия на подростка. Применение исследуемой меры, непосредственно связанной с лишением свободы, требует соблюдения надежных процессуальных и иных гарантий прав человека в рамках ... уголовного процесса...» [7, С. 101].

В представлении автора помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение, выступая формой реализации уголовной ответственности, предстает в виде сложного социально-правового явления, охватывающего:

1) осуждение лица – официальную, от имени государства, отрицательную оценку совершенного деяния и его самого, признание приговором суда подростка виновным в нарушении уголовно-правового запрета;

2) возложение обязанности в течение определенного времени пребывать в специальном учреждении и фактическая реализация этой обязанности [7, С. 96].

Своеобразно трактует природу помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа Н.В. Щедрин, считая его мерой безопасности, под которыми он понимает «... меры некарательного ограничения поведения физических ... лиц...» [25, С. 3]. Во-первых, российское уголовное право не знает мер безопасности вообще и по отношению к несовершеннолетним в частности; во-вторых, ограничительные меры в случае помещения подростка в указанное учреждение являются неизбежными, а главное, они составляют необходимые условия, обеспечивающие реализацию воспитательного воздействия в отношении лиц, не достигших совершеннолетия.

На наш взгляд, при определении правовой природы рассматриваемой меры необходимо исходить не только из уголовного законодательства, но и иных нормативных правовых актов РФ, а также к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. Так, в соответствии с ч. 9 ст. 22 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 8 марта 2026 г.) «Об образовании в Российской Федерации» специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа создаются для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода [16]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учреждении закрытого типа (главы 31.2 и

31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации)» отмечается, что это осуществляется в целях обеспечения защиты жизни или здоровья, прав и законных интересов, а также предупреждения безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий, выявления и устранения причин и условий, им способствующих. Помещение в специальное учреждение направлено на создание возможностей и условий для дальнейшего нормального физического, умственного, нравственного, духовного и социального развития подростка в целях обеспечения его наиболее благоприятных интересов [4].

Надо сказать, что в российской доктрине уголовного права и законодательстве уже давно устоялось положение, согласно которому несовершеннолетний воспринимается как особый субъект уголовно-правовых отношений, требующий особого внимания и бережного отношения, что отражалось в том числе и в особых правилах применения мер уголовно-правового воздействия, требующих учет особенностей психофизиологического состояния подростка, уровня его социальной зрелости, характерологических свойств. Такой подход представляет собой проявление принципов справедливости и гуманизма, отвечает требованиям, закрепленным в Конституции РФ о защите детства (ст. 38), соответствует международно-правовым обязательствам России (Конвенции ООН о правах ребенка 1989 [20] и др.).

В Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, 1985 г. [16] содержится призыв минимизировать карательное воздействие на подростков, совершивших преступление. В частности, предлагается по возможности избегать их заключения в исправительные учреждения, отдавая предпочтение некарательным мерам. Правосудие по делам несовершеннолетних, во-первых, должно содействовать благополучию лица, не достигшего совершеннолетия, во-вторых, обеспечить соблюдение «принципа соразмерности», согласно которому реакция государства на действия указанных лиц должна основываться не только на тяжести (общественной опасности) совершенного деяния, но и особенностях личности. Индивидуальные особенности лица, совершившего преступление (социальный статус, положение в семье, занятие в учебном заведении, трудоустройство и другие обстоятельства, характеризующие личность виновного, в том числе его допреступное и постпреступное поведение), должны оказывать непосредственное влияние при определении уголовно-правовых мер.

Меры, которые применяются в отношении несовершеннолетних, должны заключаться в коррекционном воздействии, обеспечивающем при этом реализацию подростками своих социальных потребностей и связанных с ним прав и законных интересов.

Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 [17], в качестве основных угроз в отношении подростков называет, в частности, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Распоряжением

Правительства РФ от 17 ноября 2023 г. № 3233-р утвержден план мероприятий по реализации указанной Стратегии. Кроме того, принята Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 г. (распоряжение Правительства РФ от 28 мая 2026 г. № 1272-р) [18]. В указанных актах и документе стратегического планирования упор делается на воспитательной работе с несовершеннолетними как основном средстве их надлежащей социализации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является одним из видов принудительных мер воспитательного воздействия; имеет сложную природу, состоящую из двух начал: правовых и психолого-педагогических. Первые охватывают уголовно-правовые (основание и условия назначения), уголовно-процессуальные (порядок назначения), административно-правовые (порядок исполнения); вторые – особые условия воспитания, особый педагогический подход к воспитуемым;

2) признание помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа специфическим видом наказания, мерой безопасности или придание ему значения самостоятельной меры уголовно-правового характера искажают его правовую природу.

Список литературы

1. Андрюхин, Н.Г. Особые условия воспитания несовершеннолетних правонарушителей нуждаются в качественном нормативно-правовом регулировании / Н.Г. Андрюхин // Административное право и процесс. – 2018. – № 5. – С. 55–58.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 12.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2024. – № 8.
5. Виттенберг, Г.Б. Строго соблюдать законность в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних / Г.Б. Виттенберг // Советская юстиция. – 1965. – № 15. – С. 14.
6. Володарский, П.Г. Практическое пособие для комиссий по делам несовершеннолетних / П.Г. Володарский. – Москва : Юрид. лит., 1964. – 143 с.
7. Коблева, М.М. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как мера уголовно-правового характера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.М. Коблева. – Москва, 2015. – 216 с.
8. Комментарий к Положениям о комиссиях по делам несовершеннолетних / ВНИИ советского законодательства. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 144 с.
9. Костюк, М.Ф. Принудительные меры воспитательного воздействия: уголовно-правовые и криминологические аспекты / М.Ф. Костюк, О.С. Носков. – Уфа : УЮИ МВД РФ, 2008. – 129 с.

10. Курс советского уголовного права : в 5 т. Т. 2 : Часть Общая / отв. ред. Н.А. Белев, М.Д. Шаргородский. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – 671 с.
11. Ной, И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве / И.С. Ной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1962. – 156 с.
12. Поводова, Е.В. Проблемы теории и правового регулирования принудительных мер воспитательного воздействия / Е.В. Поводова. – Владимир, 2005. – 205 с.
13. Пронина, В. Комментарий к положениям о Комиссии по делам несовершеннолетних / В. Пронина. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 144 с.
14. Пудовочкин, Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность / Ю.Е. Пудовочкин. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002. – 255 с.
15. Пудовочкин, Ю.Е. Ювенальное уголовное законодательство: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты / Ю.Е. Пудовочкин. – Москва : Глобус, 2001. – 219 с.
16. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
17. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 21. – Ст. 3696.
18. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 10. – Ст. 1064.
19. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 23. – Ст. 3034.
20. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2026).
21. Скрипченко, Н.Ю. Применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (по материалам Архангельской области): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.Ю. Скрипченко. – Москва, 2002. – 167 с.
22. Терентьева, В.А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних специальными учебно-воспитательными учреждениями закрытого типа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Терентьева. – Кемерово, 2008. – 194 с.
23. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. – Москва : Проспект, 2015. – 1184 с. – ISBN 978-5-392-15428-9.
24. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г.А. Есаков [и др.] ; под ред. А.И. Рарога. – Москва : Проспект, 2014. – 286 с..
25. Щедрин, Н.В. Виды антикриминальных мер безопасности / Н.В. Щедрин // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 26–27 сент. 2002 г.) : в 2 т. – Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2003. – Т. 2. – С. 3–12.

УДК 342.13

ОТКЛИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ НА СПЕЦИАЛЬНУЮ ВОЕННУЮ ОПЕРАЦИЮ НА УКРАИНЕ

Софья Дмитриевна Шестакова, доктор юридических наук, доцент, консультант Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

(e-mail: shestakova_sofia@mail.ru)

Александр Александрович Тушев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар)

(e-mail: tushev-a@mail.ru)

Дмитрий Владимирович Ванин, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

(e-mail: vanin_1977@internet.ru)

Статья посвящена анализу отражения специальной военной операции на Украине как исторического события в науке уголовно-процессуального права на внешнем и глубинном уровнях. Авторами рассматривается идея искупления вины добросовестным участием в военных действиях как философско-нравственная основа освобождения от уголовной ответственности по соответствующему основанию; вводится понятие процессуального права подозреваемого, обвиняемого, осуждённого на обращение к военному командованию о призыве для участия в военных действиях; поднимается проблема пропорциональности между тяжестью преступления и вкладом в решение задач специальной военной операции при законодательной регламентации оснований и условий прекращения уголовного преследования и освобождения от наказания её участников.

Ключевые слова: военные действия, прекращение уголовного преследования, освобождение от наказания, искупление вины, уголовно-процессуальное право.

RESPONSE OF CRIMINAL PROCEDURE SCHOLARSHIP TO THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE

Shestakova, S.D., Tushev, A.A., Vanin, D.V.

The article is devoted to the analysis of how the Special military operation in Ukraine is reflected as historical event in the reflection in the science of criminal

procedural law, at both the external and internal levels. The authors analyse the idea of atonement by a criminal offender conscientious participating in the military actions as philosophical and moral basis of exemption from criminal capability and punishment; introduces the right of a suspect, accused person, or convicted person to apply to the military command to be called up for participation in military operations; address the problem of the proportionality between the seriousness of the committed crime and the personal contribution into Special military operation when the grounds and conditions of termination of criminal prosecution and remission of punishment are determined in legislation.

Keywords: *military actions, termination of criminal prosecution, exemption of punishment, atonement, criminal procedural law.*

Актуальность исследования. Потребность в комплексном осмыслении закономерного отклика уголовно-процессуальной науки на специальную военную операцию, не сводящегося к анализу законодательных новелл, а сопрягающегося с обоюдоострым феноменом искупления вины в совершении преступления ценою страдания во благо соотечественников и связанным с этим процессуальным воплощением нравственных основ человеческого бытия, актуализирует проблематику настоящей статьи.

Анализ научных исследований. Нововведения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, связанные со специальной военной операцией на Украине, привлекли к себе внимание многих учёных. Разноплановые научные исследования охватили обширную предметную область от доктринального разъяснения законодательных новелл (А.В. Гриненко, В.Ю. Стельмах) до проблематики формирования военного уголовного права (А.И. Рарог, С.Ф. Милюков) и приоритета военных задач по защите суверенной государственности и национальной безопасности перед охраной общества от преступных посягательств (Л.В. Головкин). Цель исследования обусловила обращение к трудам этих авторов, равно как и к философско-нравственно-религиозному анализу понятия, сущности и значения искупления вины в совершённом злодеянии (Н.А. Бердяев, А.В. Разин).

Цель исследования – сформировать представление о роли специальной военной операции как исторического события в развитии отечественной науки уголовно-процессуального права на микро- и макро- уровнях.

Изложение основного материала. Война и мир неизбежно для такой великой державы, как Россия, несущей политическую и духовную миссию противостояния глобализму, циклично сменяют друг друга, что естественным образом отражается в праве и науке о нём.

Процессуальная теория, как и любая наука, развивается в определённых исторических условиях, выступающих фактором этого развития. Уголовно-процессуальное право является наиболее политизированной в сравнении с другими отраслями, даже материальным уголовным правом [15, С. 63]. В период военного времени характер многих процессуальных коллизий преобразуется из

юридического в политический. По верному замечанию профессора Л.В. Головки, в военное время приоритет публично-правовых интересов обвинительных и военных властей смещается в сторону последних. «Только они способны обеспечить физическую безопасность и контроль территорий, без которых не может быть ни предварительного расследования, ни судебного разбирательства, ни действия российских законов в целом» [3, С. 5–10].

На это же обращает внимание Н.Д. Новокшенов, обосновывая необходимость расширения полномочий органов военной юстиции и повышения процессуальной роли командира воинской части в период военных действий [8, С. 134–135]. В силу политизированности уголовно-процессуального права соответствующая ей отраслевая наука особо восприимчива к знаковым историческим событиям, активно, остро и резко реагирует на них. Это выражается как в избрании вызываемых этими событиями законодательных нововведений предметами научных исследований, так и в появлении новых подходов и даже целых концепций оценки правового регулирования в очередной исторический период, сопоставления его с предыдущим. Да и сама периодизация процессуальной науки обусловлена историческими событиями (дореволюционный, советский, постсоветский этапы, например). Думается, со временем в эту периодизацию будет включён и этап специальной военной операции.

Специальная военная операция на Украине – самое острое явление нашего времени, придающее как драматизм, так и прагматизм отечественной процессуальной теории.

Начнём с того, что находится на поверхности и, попав в поле зрения исследователя, сразу бросается в глаза.

Материальное уголовное право обретает функцию обеспечения реализации государственных суверенных интересов и защиты национальной безопасности (за счёт новых норм Особенной части уголовного закона, прежде всего), что своевременно отразить в его Общей части – в задачах Уголовного кодекса Российской Федерации. Федеральным законом от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ введены новые составы преступлений: «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации» (ст. 207 (3) УК РФ); «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности» (ст. 280 (3) УК РФ); «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц» (ст. 284 (2) УК РФ). Федеральный закон от 24 сентября 2022 года № 365-ФЗ дополнил УК РФ «Добровольной сдачей в плен» (ст. 352 (1) и «Мародёрством» (ст. 356 (1)). От многих родовых составов преступлений против военной службы образованы специальные составы – введением в качестве квалифицирующего признака совершения их в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых

действий: «Неисполнение приказа» (ч. 2 (1) ст. 332 УК РФ), «Дезертирство» (ч. 3 ст. 338 УК РФ), «Нарушение правил несения боевого дежурства» (ч. 4 ст. 340 УК РФ) и др. Правоведы относят эти законы к военно-уголовному законодательству, потребность в котором актуализировалась с начала СВО [7, С. 207-213; 11, С. 595-601].

В уголовно-процессуальном законе вышеуказанные нововведения воплощаются дополнением подследственности и подсудности, распределение которой, в том числе применительно к органам военной юстиции и военным судам привлекает внимание учёных [4, С. 98-100; 13, С. 156-163].

Наиболее значимым для уголовного процесса новшеством, связанным со специальной военной операцией, получившим широкий резонанс в научных исследованиях, стало дополнение институтов прекращения уголовного преследования и освобождения от наказания новыми основаниями. Это введённые Федеральным законом от 23 марта 2024 года № 64-ФЗ основания освобождения от уголовной ответственности и наказания мобилизованных либо заключивших контракт о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или военного времени (ст. 78.1 и 80.2 УК РФ) и корреспондирующие им основания прекращения уголовного преследования (ст. 28.2 УПК РФ). Такими основаниями являются: получение государственной награды в период прохождения военной службы; увольнение с военной службы по возрасту; в связи с окончанием военных действий или по состоянию здоровья на основании п. 5 Указа Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». Как видно, эти основания представляют собой юридическую конкретизацию весомого личного вклада в дело защиты Родины, влекущего освобождение от уголовной ответственности. По аналогичным основаниям осуждённый освобождается от отбывания наказания. Уголовный и уголовно-процессуальный законы допускают заключение контракта о прохождении военной службы в период военных действий подозреваемыми и обвиняемыми (в этих случаях производство по уголовному делу приостанавливается по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), а также осуждёнными. Освобождение от отбывания наказания и погашения судимости регламентировано ст. 3 вышеуказанного Федерального закона № 64. Легализованная таким образом возможность участия осуждённых в боевых действиях, связанных со специальной военной операцией, вместо отбывания наказания вызывает среди различных учёных как одобрение, так и критику [6].

В связи с вышеуказанными нововведениями перспективным для научной разработки стало процессуальное право обвиняемого/подозреваемого на подачу заявления военному командованию с просьбой о призыве в период мобилизации и корреспондирующей обязанностью должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, это право разъяснить и обеспечить. Это не право на участие в военных действиях (призыв, мобилизацию). Как разъясняет профессор Л.В. Головкин, «комплектование Вооружённых Сил выходит за пределы уголовно-процессуальных отношений и является абсолютной

прерогативой военного командования», соответствующее подразделение Министерства обороны решает, подходит ли обратившийся подозреваемый, обвиняемый, осуждённый с учётом личности, возраста, состояния здоровья и т.п. в качестве военнослужащего [3, С. 6-8].

Рассматриваемые дополнения уголовно-процессуального закона предоставили подозреваемому, обвиняемому, осуждённому, достигшим 18-летнего возраста, право *на обращение* в период мобилизации к военному командованию *с просьбой о призыве на военную службу*. Это право относится к числу процессуальных прав указанных участников уголовного процесса, так как составляет содержание уголовно-процессуальных отношений между ними и государством в лице должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. Этому праву корреспондирует процессуальная обязанность последних его разъяснить и обеспечить, что должно найти надлежащее отражение в уголовно-процессуальном законе. Ходатайство воинской части (учреждения) по результатам рассмотрения вышеуказанного обращения является исключаящим дискреционность, свободу усмотрения соответственно дознавателя, следователя, судьи императивным основанием приостановления производства по уголовному делу в целях направления подозреваемого, обвиняемого, осуждённого для участия в специальной военной операции. Такой же императивный характер носят основания для прекращения уголовного преследования и освобождения от наказания – получение наград, увольнение по возрасту или состоянию здоровья, завершение военных действий. Это вытекает из формулировок положений ст. 28.2 и ч. 1 ст. 208 (п. 3.1) УПК РФ и разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 № 39 «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору».

В случае удовлетворения военным командованием просьбы осуждённого о призыве на военную службу в соответствии со ст. 80.2 УК РФ он освобождается от наказания условно (до появления одного из предусмотренных законом оснований освобождения от наказания либо совершения нового преступления, в последнем случае наказание ему назначается по совокупности приговоров).

Рассматриваемым правом обратиться в Министерство обороны с просьбой о призыве на военную службу в период мобилизации не обладают лица, обвиняемые/подозреваемые в совершении преступлений и осуждённые за преступления, перечень которых содержится в ст. 78 (1) и ст. 80.2 УК РФ соответственно. Здесь возникает ряд вопросов, нуждающихся в научной проработке, предваряющей их решение на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ: лишается ли этого права лицо, в отношении которого уголовное преследование по преступлению из данного перечня прекращено по нереабилитирующим основаниям, восстанавливается ли оно у осуждённого за это преступление со снятием/погашением судимости.

Другим актуальным и перспективным для исследования уголовно-процессуальной наукой вопросом представляется оценка унифицированного

подхода законодателя к основаниям освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования участников военных действий независимо от количества и тяжести совершённых ими преступлений и вклада в решение задач специальной военной операции. На необходимость дифференцированного подхода применительно к программам ресоциализации осуждённых, участвовавших в СВО и освобождённых от наказания по предусмотренным законом основаниям, обращает внимание профессор Л.Б. Смирнов. Учёный высказывает мысль о том, что «осужденные за преступления небольшой тяжести и проявившие героизм на фронте, и лица, ранее судимые за тяжкие насильственные преступления, требуют принципиально разных подходов. Необходима типологизация, основанная на сочетании криминологического и военно-политического критериев» [12].

Очевидна аналогичная потребность в дифференциации поощрительных норм уголовного материального и процессуального права. Одним из оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания по действующему законодательству является получение подозреваемым, обвиняемым или осуждённым государственных наград за заслуги в процессе участия в боевых действиях. В Указе Президента РФ от 7 сентября 2010 года № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» и утверждённом им Положении о государственных наградах Российской Федерации представлена их иерархия, отражающая вклад, степень риска, которому подвергался удостоенный её военнослужащий, признание наличия в его действиях самоотверженности, подвига, героизма. Добросовестное и доблестное выполнение долга перед Родиной – не одно и то же. Действие принципа справедливости в уголовном праве требует дифференцированного подхода к освобождению от уголовной ответственности по рассматриваемым основаниям. Формально по уголовному закону справедливость как принцип уголовного права относится к наказанию и иным мерам уголовно-правового характера (ст. 6 УК РФ). Однако из того же института освобождения от уголовной ответственности, нереабилитирующих оснований, условий прекращения уголовного преследования и освобождения от наказания, учитывающих тяжесть совершённого преступления, личность и посткриминальное поведение его совершившего, вытекает более широкое понимание принципа справедливости уголовного права как проявления справедливости в праве в целом. По верной мысли В.И. Третьякова и И.А. Нифталиевой, постоянным и неизменным в справедливости, закладывающей фундамент для законов и права, является соразмерность, обеспечивающая разумное равновесие между добром и злом, правами и обязанностями личности, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием [14, С. 34].

Если предусмотренные действующим законодательством основания освобождения от наказания применять к осуждённым за тяжкие и особо тяжкие преступления, то в отношении осуждённых за менее тяжкие преступления, справедливо ввести дополнительные основания, например, участием в военных

действиях не менее определённого срока. Наряду с реализацией принципа справедливости, а, вернее, именно в силу неё пропорциональность вклада в достижение боевых задач тяжести и количеству совершённых преступлений будет стимулом к росту волеизъявлений со стороны подозреваемых, обвиняемых и осуждённых участвовать в СВО.

Вышеизложенное достаточно очевидно и с лёгкостью может быть уложено в несколько объектов и выделенных из них предметов научных исследований. Гораздо сложнее и при этом важнее как фундамент для здания, на который опираются несущие конструкции, то, что кроется в глубине, на уровне философско-религиозных, нравственных закономерностей отражения исторических процессов в правоведении, и поддаётся выявлению не столько с помощью аналитического погружения в проблематику, сколько обострённого научного чутья. В первую очередь это предполагающие взаимную конкуренцию, что естественно для любой гуманитарной науки, концептуальные подходы, в данном случае – к освобождению от уголовной ответственности за *добросовестное* выполнение боевых задач. Ключевой вопрос, который, прогнозируем, даст толчок таким подходам, а по сути уже наметил их генезис, был поднят в выступлении профессора Л.Б. Смирнова на беседе Санкт-Петербургского международного криминологического клуба 27 марта 2026 года, посвящённой ресоциализации преступников в контексте СВО. Речь шла о том, что смыслу освобождения от уголовной ответственности за добросовестное участие в военных действиях отвечает искупление их вины кровью, риском для жизни, подвигом, иным весомым вкладом в дело защиты своего Отечества. Это несовместимо с получением выплат и предоставлением предусмотренных законодательством и контрактами льгот на общих основаниях с «некриминальными» участниками СВО.

Итак, в научной атмосфере витает идея о безвозмездности/отсутствии материальной заинтересованности участия подозреваемых, обвиняемых и осуждённых в специальной военной операции как условия соответственно прекращения уголовного преследования или освобождения от наказания.

Несомненно, найдутся аргументированные возражения и появятся альтернативные этой идее подходы, в том числе организационно-технически-оперативно мотивированные. Однако ничто не умалит главной её ценности, заключающейся в том, что она имеет философско-религиозную основу или по меньшей мере аспект, которые там, где решаются вопросы жизни и смерти, особенно важны.

Искупление (от греч. *lytrosis*, *l'utron* лат. *redemptio*) – «один из догматов христианства, центральным содержанием которого является избавление падшего человечества от власти греха..., смерти, ада, дьявола, совершённое жизненным подвигом, страданиями, крестной Жертвой и воскресением Иисуса Христа. Одно из наименований Господа Иисуса Христа – Искупитель. Учение об искуплении сочетает в себе все основные истины христианства» [5]. Искупление – это деяние Бога, который даёт грешным людям возможность принять благодать прощения [2].

Христианской идее искупления соответствует, что человек не только должен осознать свой грех, но и совершить его искупление через страдание, именно страдание способствует исключению возможности греховного поведения в будущем [10, С. 48].

По Н.А. Бердяеву, «искупление соединяет добро и бытие, преодолевает разрыв, установленный законом как последствием греха, оно есть вхождение сущего добра в самые недра бытия» [1, С. 101].

В социальной психологии концепция искупления имеет существенное значение для личностной реабилитации преступников [17, С. 552].

Идея искупления вины в совершении преступного деяния поднимает вопрос о целесообразности исключения материальной заинтересованности участвующих в боевых действиях лиц, подвергнутых уголовному преследованию. Кроме того, закономерно отражение СВО в уголовно-процессуальной науке сквозь призму сочетания частных и публичных начал, личного и общественного (искупление важно и полезно для личности, а решение конкретных боевых задач, защита государственных интересов – для общества, многонационального народа России) и переосмысления в этой связи целей уголовного наказания и средств уголовно-правового воздействия.

Философско-нравственный смысл процессуального воплощения искупления явственно проступает при его сопоставлении с процессуальным поощрением, к которому принято относить институт ДСО (досудебного соглашения о сотрудничестве), а точнее, юридические выгоды, предоставляемые заключившему и надлежащим образом исполнившему его обвиняемому/подозреваемому. При заключении и исполнении ДСО тоже есть риски. Во-первых, это угроза мести изобличенных соучастников, во-вторых, вероятность возврата к обычному порядку без льгот по наказанию с имеющимися в материалах дела согласием с обвинением и признательными показаниями, по сути самоизобличением. Риски от исполнения ДСО и участия в СВО несопоставимы ни по вероятности претворения в реальность, ни по тому, что «поставлено на карту». Однако, при этом одинаковая выгода в виде освобождения от наказания (по усмотрению суда при исполнении условий ДСО и в императивном порядке в случае вышерасмотренного весомого участия в СВО) может быть получена и там, и там. Один и тот же результат – освобождение от наказания достигим кардинально разнящимися усилиями, а, главное, нравственной окраской поступка. В первом случае – за предательство [9, С. 35, 16, С. 52], во втором – за героизм. Это вновь возвращает к вопросу о пропорциональности, справедливости и нравственной основе целеполагания в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Нравственная философия позволяет взглянуть вглубь первопричин отказа государства от наказания преступников, освобождения от уголовной ответственности подвергнутых уголовному преследованию и увидеть разную природу этого результата, на первый взгляд единого, однако, при внимательном рассмотрении – в случае с ДСО – поощрения, а в случае с СВО – прощения.

Выводы. Драматизм отражения специальной военной операции на Украине в науке уголовно-процессуального права заключается в диалектике частного и публичного, личного и государственного, идеализма (покаяние, искупление вины посредством защиты Родины при отсутствии материальной заинтересованности) и рационализма (укомплектование состава вооружённых сил для решения конкретных боевых задач с материальным снабжением/обеспечением/стимулом индифферентно к идейной основе отправления на войну криминального контингента). Прагматизм – в новом витке эволюции нравственных идей об искуплении вины, покаянии и прощении как основе уголовно-процессуального регулирования, уровне и способе уголовно-правового воздействия, определении и реализации задач и принципов уголовного права.

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. О назначении человека: монография / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 382 с.
2. Большой библейский словарь // Библия онлайн. – URL: www.bible.by/lexicon/btd/word/2105 (дата обращения: 20.08.2026).
3. Головкин, Л.В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции / Л.В. Головкин // Научный Вестник Омской академии МВД России. – 2025. – Т. 31. – № 1 (96). – С. 5–10.
4. Гриненко, А.В. Подследственность уголовных дел о ряде преступлений, недавно введённых в УК РФ / А.В. Гриненко // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, 7 апреля 2022 г. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 474 с.
5. Искупление // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – URL: <https://www.pravenc.ru> (дата обращения: 25.07.2026).
6. Крайнова, Н.А. Ресоциализация преступников в контексте СВО: опыт, проблемы и перспективы / Н.А. Крайнова // Криминологический клуб : сайт. – URL: www.criminologyclub.ru (дата обращения: 27.07.2026).
7. Милуков, С.Ф. Модернизация военно-уголовного законодательства через призму военно-полевой криминологии / С.Ф. Милуков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2023. – № 1. – С. 207–213.
8. Новокшинов, Д.В. О необходимости разработки уголовно-процессуального законодательства, применяемого в период военного положения и в военное время / Д.В. Новокшинов // Без срока давности: к 80-летию Нюрбергского судебного процесса над нацистскими преступниками : сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 20–21 ноября 2025 года / Под науч. ред. О.В. Григорьева. – СПб.: Академия войск национальной гвардии, 2025. – 330 с.

9. Петрухин, И.Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету / И.Л. Петрухин // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 35–37.
10. Разин, А.В. Вина, покаяние, искупление / А.В. Разин // Философия и общество. – 2018. – № 2. – С. 45–60.
11. Рарог, А.И. Возвращение к военно-уголовному законодательству / А.И. Рарог // Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 21 апреля 2023 года. – Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2023. – С. 595–601.
12. Смирнов, Л.Б. Институционализация переходного периода: к вопросу о криминологической безопасности в контексте возвращения осуждённых – участников СВО / Л.Б. Смирнов // Криминологический клуб : сайт. – URL: www.criminologyclub.ru (дата обращения: 27.07.2026).
13. Стельмах, В.Ю. Военнослужащий как участник уголовно-процессуальных правоотношений. Особенности подследственности и подсудности по делам военнослужащих / В.Ю. Стельмах // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – № 2. – С. 156–163.
14. Третьяков, В.И. Категория «справедливость» в уголовном праве: социально-философский подход / В.И. Третьяков, И.А. Нифталиева // Вестник Волгоградской Академии МВД России. – 2024. – № 3 (70). – С. 34–40.
15. Шестакова, С.Д. Метод российского уголовно-процессуального права: от инквизиционности к состязательности : монография / С.Д. Шестакова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. – 268 с.
16. Шестакова, С.Д. О сотрудничестве со следствием / С.Д. Шестакова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 2 (53). – С. 50–52.
17. Theodor Milon, Melvin J Lerner, Irving B. Weiner. Handbook of Psychology, Personality and Social Psychology. – New Jersey : John Willey & Sons, Inc. 2003. – 668 p.

УДК 343.13

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Василий Викторович Шилин, Заместитель прокурора Ленинградской области (г. Санкт-Петербург)
(e-mail: shilin-82@bk.ru)

Статья посвящена проблемным аспектам классификации участников уголовного судопроизводства с точки зрения их роли, функции, содержания правового статуса. На примере отечественного и зарубежного законодательства предлагается систематизация участников уголовного процесса с учетом различий в теоретическом восприятии их правовой природы и особенностей правоприменения.

Ключевые слова: участник уголовного судопроизводства, система, статус, уровень, функция.

DIFFERENTIATION AND SYSTEMATISATION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Shilin, V.V.

The article addresses the problematic aspects of classifying participants in criminal proceedings in terms of their role, function, and content of legal status. Based on examples from domestic and foreign legislation, the paper proposes a systematization of participants in criminal proceedings, taking into account the differences in the theoretical understanding of their legal nature and the specifics of law application.

Keywords: participant in criminal proceedings, system, status, level, function.

Актуальность темы исследования. Проблема систематизации участников уголовного судопроизводства относится к числу фундаментальных вопросов уголовно-процессуальной науки [1]. Уголовный процесс по своей природе является сложной системой, включающей разнообразных субъектов, каждый из которых реализует собственные функции, обладает определенными правами, обязанностями и несет процессуальную ответственность. Без выделения устойчивых критериев классификации участников правоприменитель сталкивается с разрозненным набором статусов, что ведет к неопределенности их правового положения, затрудняет применение норм и создает предпосылки для коллизий.

Уголовное судопроизводство представляет собой многосубъектную деятельность, в рамках которой функционируют лица с различным правовым положением. Каждый из участников вовлечен в процесс в силу выполнения определенных задач: защита прав личности, поддержание обвинения, содействие установлению истины, обеспечение процессуальных гарантий. В то же время нормативная регламентация их статуса носит разрозненный характер: права и обязанности зафиксированы в разных главах УПК РФ, объем полномочий не всегда сопоставим, а сферы взаимодействия остаются недостаточно четко очерченными.

Таким образом, классификация участников уголовного судопроизводства является не просто формальным приемом, а методологической основой для построения целостной модели процесса [2]. Она упорядочивает юридическую материю, создает возможность для унификации терминологии, а также позволяет суду, следственным органам и прокурору применять нормы права без противоречий.

Цель исследования – формирование сущностного и содержательного подхода к классификации участников уголовного судопроизводства, учитывающего особенности их правосубъектности, положение в уголовно-процессуальном пространстве и роль в обеспечении правосудия.

Анализ научных исследований. В научной литературе чаще всего выделяют три основных критерия дифференциации участников: по процессуальной роли, по выполняемой функции и по объему прав и обязанностей [1, С. 167; 2, С. 63–68].

Классификация по ролям основывается на принадлежности лица к стороне обвинения, стороне защиты либо к категории «иных участников». Достоинство этого подхода заключается в его наглядности и привязанности к структуре уголовного процесса. Однако он имеет существенный недостаток – чрезмерную упрощенность, поскольку многие лица, формально относящиеся к конкретным сторонам, фактически выполняют более значимую роль (например, потерпевший, совмещающий защиту своих прав и содействие обвинению).

Функциональный критерий строится на понимании участников как носителей определенных процессуальных функций: обвинительной, защитной, обеспечительной, вспомогательной. Его преимущество в том, что он позволяет выявить реальную роль субъекта, отразить связь его деятельности с конечными целями процесса. Недостатком является размытость границ: функции могут пересекаться, а у одного лица возможна комбинация нескольких ролей (например, гражданский истец одновременно защищает личные интересы и содействует обвинению) [7].

Критерий объема прав и обязанностей предполагает разделение участников на «основных», обладающих широким процессуальным статусом, и «вспомогательных», чьи полномочия ограничены отдельными действиями. Его достоинство заключается в удобстве практического применения, так как объем прав поддается сравнительно точной фиксации в законе.

Однако этот подход носит формально – количественный характер и не учитывает качественного содержания функций: даже при ограниченных полномочиях участие субъекта может иметь решающее значение для достижения целей процесса (примером служит эксперт, дающий заключение).

Критический анализ показывает, что ни один из перечисленных критериев не обладает исчерпывающей объяснительной силой [11]. Их использование в «чистом виде» приводит либо к неоправданному упрощению системы участников, либо к дублированию категорий. Поэтому в современной науке все больше утверждается необходимость комплексного подхода, который учитывает роль, функцию, объем прав, а также фактическую вовлеченность лица в процессуальную деятельность [1, С. 169]. Такой синтез позволяет создать более стройную и практико-ориентированную систему классификации участников уголовного судопроизводства.

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство содержит нормативную систематизацию участников уголовного судопроизводства, которая представлена в разделе II УПК РФ. Законодатель справедливо исходит из того, что круг участников не является однородным и требует внутреннего структурирования.

Поэтому в УПК РФ проводится разграничение между лицами, реализующими функции обвинения и защиты, а также иными участниками, чье процессуальное положение имеет вспомогательный или обеспечительный характер [9]. Подобная систематизация позволяет достичь упорядоченности процессуальных отношений, создать четкую основу для реализации прав и обязанностей различных категорий субъектов и обеспечить баланс публичных и частных интересов в уголовном процессе.

К числу участников со стороны обвинения относятся субъекты, призванные представлять государственный интерес в уголовном процессе, а также лица, вовлеченные в него с целью защиты собственных прав, пострадавших от преступления. Центральное положение занимает прокурор, процессуальный статус которого закреплен в ст. 37 УПК РФ. Ему предоставлены полномочия как по поддержанию государственного обвинения, так и по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Следователь, статус которого определен ст. 38 УПК РФ, осуществляет предварительное расследование, проводит следственные и иные процессуальные действия, выносит постановления, подлежащие последующему прокурорскому надзору.

Дополняют этот блок орган дознания (ст. 40 УПК РФ) и дознаватель (ст. 41 УПК РФ), обладающие меньшей процессуальной самостоятельностью по сравнению со следователем, но играющие значимую роль в производстве по делам небольшой и средней тяжести.

В систему участников со стороны обвинения включен также потерпевший, статус которого определен в ст. 42 УПК РФ. Он является носителем частных интересов, связанных с защитой прав, нарушенных преступлением, но одновременно выполняет функцию содействия государственному обвинению,

участвуя в доказывании обстоятельств дела [4, С. 1576]. Потерпевший наделяется широким комплексом прав: от участия в следственных действиях и подачи ходатайств до обжалования процессуальных решений и выступления в суде. Таким образом, законодатель объединяет в рамках группы обвинения как представителей государства, так и частного субъекта, пострадавшего от преступления, что отражает двойственный характер обвинительной функции в уголовном процессе.

Со стороны защиты УПК РФ выделяет прежде всего подозреваемого и обвиняемого. В ст. 46 закреплён статус подозреваемого, то есть лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело либо применены определённые меры процессуального принуждения на ранних стадиях производства, а равно уведомлённое о подозрении в совершении преступления. В ст. 47 определён статус обвиняемого как лица, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого или предъявлено обвинение. Обе эти категории объединяет наличие процессуальных гарантий, направленных на защиту от необоснованного обвинения и ограничение публичной власти.

Особое место в системе участников защиты занимает защитник, статус которого раскрыт в ст. 49 УПК РФ. В качестве защитника выступает адвокат, участвующий в деле для обеспечения профессиональной юридической помощи подозреваемому или обвиняемому. Его полномочия распространяются на сбор доказательств, участие в следственных действиях, представление интересов доверителя в суде, подачу жалоб и ходатайств. Законодатель специально закрепляет равноправие защитника и обвинителя в процессе, что является выражением принципа состязательности сторон. Кроме того, к числу участников со стороны защиты относятся законные представители несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, чьё участие обеспечивает дополнительную гарантию прав лиц, обладающих уязвимым статусом.

Наряду со сторонами обвинения и защиты в УПК РФ выделяется обширная группа иных участников уголовного судопроизводства. Их перечень закреплён в различных статьях главы 8 УПК РФ, при этом законодатель учитывает функциональную специфику каждого из них [9]. Так, свидетель, процессуальное положение которого раскрыто в ст. 56 УПК РФ, выступает основным источником доказательственной информации [7; 10, С. 32–34]. Эксперт (ст. 57 УПК РФ) призван предоставлять специальные знания для разрешения вопросов, требующих профессиональных компетенций.

Переводчик (ст. 59 УПК РФ) обеспечивает реализацию права на использование языка, которым владеет участник процесса, а специалист (ст. 58 УПК РФ) содействует следственным органам в технических и иных вопросах, не требующих экспертного заключения. Все эти субъекты объединяются тем, что их участие носит вспомогательный характер и направлено на обеспечение полноты и объективности уголовного судопроизводства.

Систематизация, проведенная законодателем в разделе II УПК РФ, отражает стремление упорядочить многообразие процессуальных фигур и

придать единство всей конструкции уголовного процесса. Выделение участников со стороны обвинения, стороны защиты и иных участников позволяет определить функциональное назначение каждого субъекта и установить пределы его процессуальной самостоятельности. Однако критический анализ показывает, что даже при наличии четкой нормативной структуры сохраняются «пограничные» категории лиц, фактическое участие которых в процессе не всегда сопровождается детальной регламентацией статуса [2, С. 63–68; 6].

Это свидетельствует о том, что нормативная систематизация требует дальнейшего уточнения и развития, но уже в существующем виде она представляет собой фундаментальную основу для построения теоретической модели участников уголовного судопроизводства.

Российская модель сохраняет традицию наделения потерпевшего процессуальным статусом стороны, что усиливает его возможности в деле, но одновременно вызывает сложности с сочетанием его функций защиты своих прав и содействия обвинению [4, С. 1578].

В зарубежных правовых системах система участников уголовного судопроизводства выстраивается по-разному, что обусловлено различием правовых традиций, базовых процессуальных принципов и институциональной организации судебной власти.

В англосаксонских странах (США, Великобритания, Канада, Австралия) основой уголовного процесса является состязательность, и потому перечень участников не закрепляется в виде строгой классификации. Здесь центральными фигурами выступают стороны обвинения и защиты: прокурор (*district attorney*, *Crown prosecutor*) и подсудимый вместе со своим защитником.

Судья занимает нейтральное положение арбитра, не руководя сбором доказательств и не формулируя задачи для сторон, а лишь контролируя соблюдение процедурных правил [3, С. 115]. Потерпевший не включается в состав сторон и не рассматривается как самостоятельный процессуальный субъект. Его участие ограничивается предоставлением показаний, выступлением свидетелем обвинения или подачей гражданского иска в рамках параллельного производства.

Защита прав потерпевшего обеспечивается через специализированные программы *victim advocacy*, компенсационные механизмы, фонды возмещения ущерба. Такая модель характеризуется минимизацией формально закрепленных статусов и акцентом на равенстве процессуальных возможностей сторон.

Континентально-европейские правовые системы (Франция, Германия, Италия, Испания) исходят из иных оснований. Здесь судья сохраняет активную роль в собирании доказательств и руководстве процессом, что предопределяет более широкое и детализированное регулирование статуса участников. УПК ФРГ, например, устанавливает различие между сторонами процесса и иными участниками, чьи полномочия не сводятся к обвинению или защите, но связаны с обеспечением правосудия (свидетели, эксперты, переводчики).

Потерпевший в немецком праве может заявить гражданский иск (Nebenkläger) в рамках уголовного дела и участвовать в судебном разбирательстве в особом процессуальном качестве [4, С. 1576–1577]. Такой подход подчеркивает публично-правовую природу уголовного процесса, одновременно учитывая интересы частных лиц через институты сопутствующего иска и специальные гарантии допроса потерпевших. Французская модель сохраняет принцип активного руководства судьи ходом дела и также допускает участие потерпевшего в форме *partie civile*, что фактически приравнивает его к стороне с возможностью предъявления исковых требований и обжалования решений [5, С. 162–163].

Англосаксонская и континентальная модели существенно различаются в трактовке статуса свидетеля. В США и Великобритании свидетель – лишь источник информации для суда, его процессуальные права ограничены. В континентальных системах, напротив, свидетель рассматривается как участник процесса, чье участие сопровождается предоставлением гарантий (право на возмещение расходов, на меры безопасности, на защиту от давления) [7]. Эксперт также получает разное место: в англосаксонской традиции он выступает на стороне участника, его заключение оценивается в состязательном порядке и может быть оспорено через перекрестный допрос; в континентальной модели эксперт назначается судом и наделяется обязанностью объективного исследования обстоятельств.

Российская модель в целом ближе к континентальной и закреплена в главах 6–8 УПК РФ, где законодатель формирует системную классификацию: сторона обвинения (прокурор, следователь, потерпевший и др.), сторона защиты (подозреваемый, обвиняемый, защитник) и иные участники (свидетель, эксперт, специалист, переводчик).

Принципиальная особенность отечественного регулирования заключается в том, что потерпевший прямо включен в сторону обвинения (ст. 42 УПК РФ), что расширяет его процессуальные возможности, но одновременно создает дискуссии относительно двойственной природы его функций: с одной стороны, он защищает собственные права и интересы, а с другой – содействует обвинению. В зарубежных системах подобное совмещение встречается крайне редко: чаще потерпевший остается особым субъектом, чье участие ограничивается защитой личных интересов.

При сравнении также выявляются различия в отношении к «пограничным» субъектам. Российский процесс допускает участие лиц, формально не обладающих статусом «участника уголовного судопроизводства», но фактически вовлеченных в производство (например, лица, дающие объяснения на стадии доследственной проверки) [6]. В законодательстве зарубежных стран подобные категории урегулированы через отдельные правовые режимы – административные, полицейские или специальные процессуальные институты.

Вопрос о том, каким образом должна быть построена система участников уголовного судопроизводства, неоднозначен и не имеет очевидного ответа [10, С. 30]. Разнообразие субъектов, участвующих в процессе, различие их правовых

положений, функций и степени вовлеченности в производство порождает необходимость поиска теоретической модели, которая способна упорядочить данное многообразие и отразить внутреннюю логику процесса.

Представляются более взвешенными интегративные концепции, которые являют собой попытку преодолеть ограничения формально-правового и функционального подходов в систематизации категорий участников путем их совмещения [1, С. 169; 11]. В основе интегративной модели лежит идея о том, что нормативное закрепление статуса участников является необходимым исходным элементом, но для понимания системы недостаточно лишь текста закона. Требуется учет функций, которые реально выполняют субъекты, и степени их процессуальной вовлеченности [8, С. 184].

Интегративная модель сочетает юридическую определенность с эмпирической адекватностью. Она позволяет формировать систему участников, которая одновременно основана на законе и учитывает фактические роли лиц в процессе. Достоинством такого подхода является возможность построения более гибкой, но при этом юридически выверенной классификации. В то же время ее некоторая слабость заключается в сложности и многомерности: интегративные модели труднее формализовать и закрепить в законе, а их использование требует высокого уровня доктринальной разработки и практической интерпретации.

Научная дискуссия о построении системы участников уголовного судопроизводства сводится к поиску оптимального баланса между формальной четкостью и функциональной адекватностью. Односторонние модели либо не учитывают фактическую сторону процесса, либо страдают неопределенностью и размытостью. Интегративная модель, опираясь на закон и при этом раскрывая реальную динамику процессуальных функций, обеспечивает наиболее полное отражение сущности участников и создает основу для их дальнейшей систематизации, в том числе с учетом лиц с неопределенным процессуальным статусом [10, С. 34–35].

Эти категории лиц либо совмещают в себе различные процессуальные функции, либо не обладают четким нормативным закреплением своего статуса, либо фактически вовлечены в процесс без полноценного процессуального положения. Подобные группы субъектов нарушают стройность законодательной конструкции и демонстрируют ограниченность традиционных подходов к классификации участников.

Первую группу составляют лица с двойным статусом. Наиболее ярким примером является потерпевший, процессуальное положение которого определено в ст. 42 УПК РФ [4, С. 1576].

С одной стороны, потерпевший является субъектом, реализующим частный интерес, связанный с защитой нарушенных преступлением прав, возмещением вреда, восстановлением справедливости. В этом качестве он выступает в роли самостоятельного участника, близкого по своим функциям к стороне защиты.

С другой стороны, законодатель возлагает на него задачи, объективно содействующие стороне обвинения: предоставление доказательственной

информации, участие в следственных действиях, поддержание обвинения в особых случаях [7]. В результате потерпевший оказывается в положении, когда его статус совмещает черты частного субъекта и элемента публичного обвинения.

Такая двойственность порождает внутренние противоречия: баланс личных интересов и интересов государства может смещаться в ту или иную сторону в зависимости от ситуации, что осложняет выработку единой теоретической модели и затрудняет правоприменительную практику.

К числу участников с двойным статусом можно отнести также гражданского истца и гражданского ответчика, которые одновременно являются носителями частных имущественных интересов и вовлекаются в публичный процесс, принимающий форму уголовного судопроизводства.

Вторую группу составляют участники с неопределенным или фрагментарным процессуальным статусом. К их числу относятся, например, оперативные сотрудники, принимающие участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий [6].

Несмотря на то, что результаты оперативной деятельности могут становиться основанием для возбуждения уголовного дела и включаться в доказательственную базу, процессуальное положение лиц, непосредственно участвующих в производстве оперативно-розыскных мероприятий, не урегулировано УПК РФ. Это создает ситуацию, когда они фактически вовлечены в уголовное судопроизводство, однако не имеют четкого процессуального статуса. Аналогичные проблемы возникают в отношении лиц, дающих объяснения на стадии доследственной проверки.

Их участие играет роль при принятии решения о возбуждении дела, но закон не относит их к числу участников процесса. В результате они оказываются в «серой зоне» между фактическим участием и отсутствием процессуальной легитимации. Данный пробел приводит к отсутствию гарантий прав этих лиц, а также к неопределенности в вопросах допустимости получаемой информации.

Третью группу образуют некие «фрагментарные» субъекты, чья вовлеченность в процесс носит несистемный характер и не сопровождается полноценным нормативным закреплением [8, С. 185–186]. Это лица, которые могут быть затронуты уголовным судопроизводством в силу объективных обстоятельств: опрашиваемые лица, представители организаций, чьи интересы затронуты процессом, лица, подвергшиеся досмотру или обыску в ходе следственных действий, но не наделенные процессуальным статусом.

Они участвуют в отдельных процессуальных действиях, исполняют предписания следователя или суда, однако не обладают комплексом прав и обязанностей, сопоставимым с участниками, прямо закрепленными в законе. Их положение можно охарактеризовать как промежуточное: они вовлечены в процесс, но их участие не регламентировано с должной обстоятельностью. Это порождает риски нарушения прав таких лиц, так как их интересы могут остаться вне сферы процессуальных гарантий.

Проблемные категории участников демонстрируют несоответствие между нормативной моделью и фактической структурой уголовного судопроизводства. Лица с двойным статусом осложняют традиционную систему за счет совмещения разнонаправленных функций; участники с неопределенным статусом выявляют пробелы законодательной регламентации; «фрагментарные» субъекты указывают на существование слоя фактически вовлеченных лиц, чье положение не институционализировано. Наличие подобных категорий свидетельствует о необходимости дальнейшего развития как доктринальных концепций, так и нормативного регулирования для создания целостной и адекватной модели участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, необходимость выработки новой систематизации обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, традиционные классификации оказываются неспособными учесть категории лиц, чье положение не имеет однозначного закрепления в законе [2, С. 63–68]. Это относится, в том числе, к участникам доследственной проверки, лицам, предоставляющим объяснения, оперативным сотрудникам.

Во-вторых, современная практика демонстрирует все более активное вовлечение в процесс лиц, которые не относятся к «ядру» участников, но играют значимую роль в обеспечении как обвинительной, так и защитной функций [8, С. 184–185]. Игнорирование этих категорий искажает реальное представление о системе участников.

В-третьих, необходимость новой систематизации связана с задачей формирования адекватной теоретической базы для анализа участников с неопределенным процессуальным статусом – центрального объекта настоящего исследования.

Выводы. Предлагаемая авторская модель строится на трехуровневой структуре, что позволяет учесть как нормативные основания, так и фактические аспекты участия в уголовном процессе.

Первый уровень – ядро системы – составляют основные стороны: обвинение и защита. Это участники, чьи права, обязанности и процессуальные возможности закреплены непосредственно в УПК РФ и которые образуют фундамент уголовно-процессуальных отношений.

Второй уровень включает участников, содействующих процессу: свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков, понятых, представителей организаций и иных лиц, чья деятельность обеспечивает достижение целей уголовного судопроизводства, хотя они и не отстаивают собственные интересы в деле.

Третий уровень образуют категории лиц, которые фактически вовлечены в процесс, но не обладают институционализированным процессуальным статусом. К этой зоне относятся лица, участвующие в оперативно-розыскных мероприятиях, граждане, дающие объяснения на стадии проверки сообщения о преступлении, а также субъекты, затронутые отдельными процессуальными действиями, но не отнесенные к числу участников процессуального правоотношения в строгом смысле.

Преимущества предложенной систематизации заключаются в ее логичности, полноте охвата и практической применимости. Логичность проявляется в построении модели по принципу центростремительности: от ядра – к периферии и зоне неопределенности, что позволяет отразить как нормативно закреплённые элементы системы, так и ее сопутствующие слои.

Полнота охвата обеспечивается за счет включения в модель всех реально вовлеченных субъектов, что позволяет преодолеть односторонность формально-правового подхода. Практическая применимость выражается в возможности использовать данную систематизацию при исследовании проблем правового положения отдельных категорий участников, при разработке предложений по совершенствованию законодательства, а также в правоприменительной деятельности, где вопрос о статусе тех или иных лиц возникает особенно остро.

Таким образом, авторская трехуровневая модель систематизации участников уголовного судопроизводства позволяет объединить достоинства законодательных и доктринальных подходов, преодолеть их ограниченность и создать целостную теоретическую основу для дальнейшего анализа проблемных категорий участников, в том числе лиц с неопределённым процессуальным статусом.

Список литературы

1. Лагуткина, Н.Б. Классификация участников уголовного судопроизводства / Н.Б. Лагуткина / Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 1 (205). – С. 167–169.
2. Арсанбеков, А.Р. Понятие участников уголовного судопроизводства: законодательная и научная классификация / А.Р. Арсанбеков // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики : сборник научных статей по материалам Вузовской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25–26 апреля 2019 года. Том 1. – Ростов-на-Дону : Индивидуальный предприниматель Беспмятнов Сергей Владимирович, 2019. – С. 63–68. – EDN FRTJCY.
3. Воронин, О.В. Об организации и устройстве прокурорской деятельности в некоторых зарубежных странах / О.В. Воронин // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 113–117.
4. Якушева, Т.В. Статус потерпевшего в России и Германии / Т.В. Якушева, И.И. Якушев // Экономика и социум. – 2015. – № 6–3(19). – С. 1576–1579. – EDN VVJHZL.
5. Крысанова, Е.Г. Правовая регламентация функции защиты прав потерпевших в уголовном процессе Франции / Е.Г. Крысанова // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 162–165.
6. Гаврилов, Б.Я. Уголовно-процессуальные правоотношения в досудебном производстве : учебное пособие / Б.Я. Гаврилов, В.А. Крымов. – Москва : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 76 с. – ISBN 978-5-907187-54-2. – EDN YMOICR.
7. Гарусов, А.В. Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Гарусов

Андрей Владимирович; [Место защиты: С.-Петербург. ун-т МВД РФ]. – Санкт-Петербург, 2018. – 203 с.

8. Дубровин, С.В. Основы теории взаимодействия участников уголовного судопроизводства и предупреждения преступлений / С.В. Дубровин, А.И. Глушков, С.Я. Казанцев, И.С. Дубровин // Закон и право. – 2024. – № 6. – С. 184–189.
9. Латыпов, В.С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ : монография / В.С. Латыпов. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 300, [1] с. – ISBN 978-5-4396-1635-0.
10. Черемисина, Т.В. Уголовное судопроизводство как процесс коммуникации / Т.В. Черемисина // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 3. – С. 30–35. – DOI 10.18572/2072-4411-2023-3-30-35. – EDN TUUIOQ.
11. Якимович, Ю.К. Участники уголовного процесса : монография / Ю.К. Якимович. – Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2015. – 176 с. – ISBN 978-5-94201-708-8.

